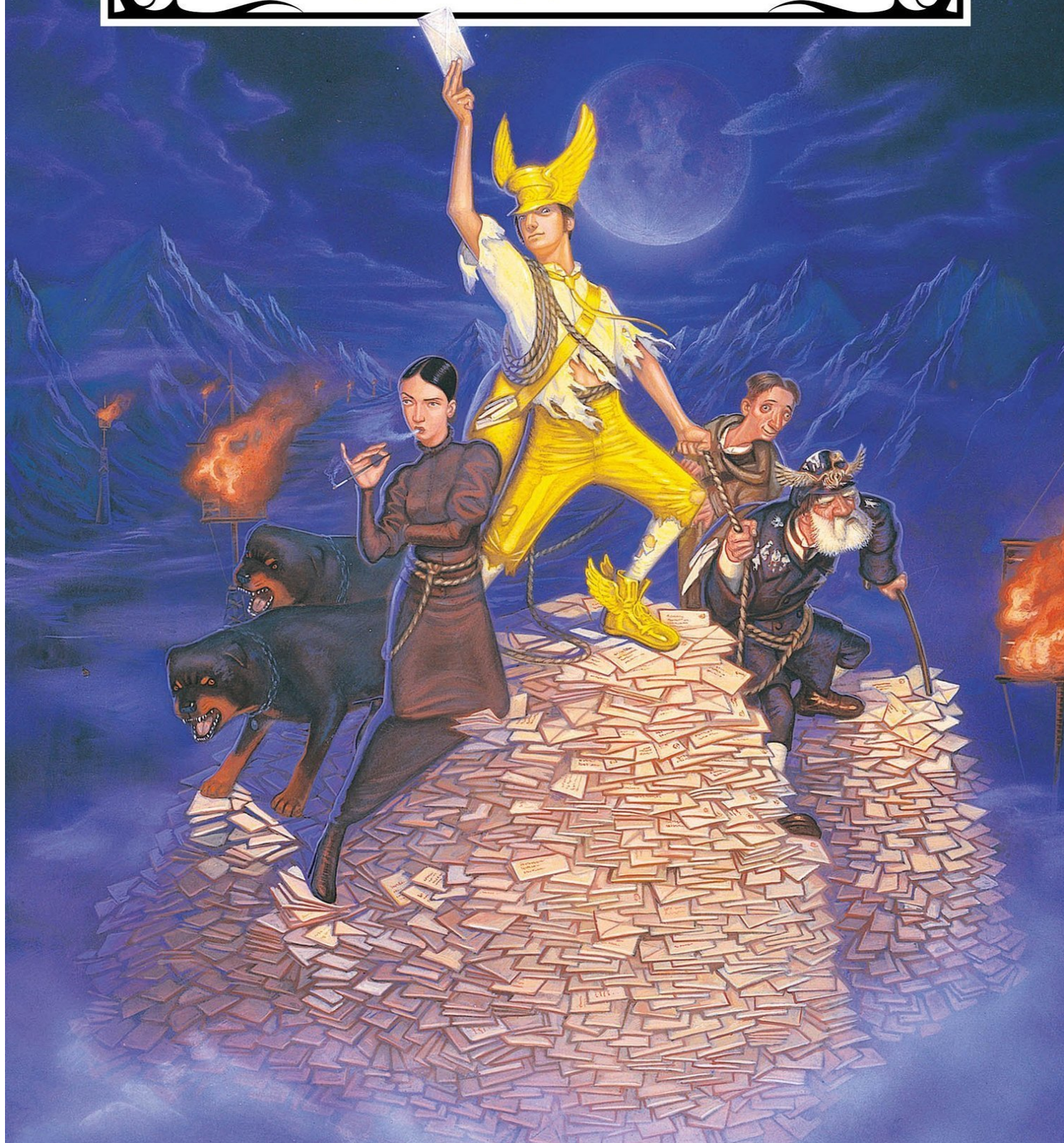

ТЕРРИ ПРАТЧЕТ

ДЕРЖИ МАРКУ!
ДЕЛАЙ ДЕНЬГИ!

Терри Пратчетт. Коллекция

Терри Пратчетт

**Держи марку! Делай
деньги! (сборник)**

«ЭКСМО»

2004, 2007

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Держи марку! Делай деньги! (сборник) / Т. Пратчетт — «Эксмо»,
2004, 2007 — (Терри Пратчетт. Коллекция)

ISBN 978-5-04-104901-0

Приличный мошенник Мокриц фон Липвиг находит выход из любой ситуации, из любого города – даже такого, как Анк-Морпорк. После воровства, мошенничества и... смерти через повешение он займет должность Главного Почтмейстера. Но разве на эту работу он рассчитывал? Что, если заняться реформированием банковской системы по предложению патриция Витинари? Выбрать путь благочестивого горожанина, а заодно стать хозяином песика Шалопая, владеющего мажоритарным пакетом акций «Королевского банка»? Два романа из цикла «Плоский мир» в неповторимом стиле сэра Терри Пратчетта.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-104901-0

© Пратчетт Т., 2004, 2007
© Эксмо, 2004, 2007

Содержание

Держи марку!	6
9000 лет назад	6
Месяц назад	7
Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвертая	50
Глава пятая	64
Глава шестая	85
Глава седьмая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Терри Пратчетт

Держи марку! Делай деньги!

© Шульга Е., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Держи марку!

9000 лет назад

Флотилии мертвецов дрейфуют в подводных реках.

Мало кому известно о них. Хотя в теории все очень просто.

То есть море, если так подумать, – всего лишь очень влажный воздух. А воздух, как известно, чем ниже спускаешься – тем плотнее, и чем выше взлетаешь – тем реже. И когда подхваченный бурей корабль разбивается и идет ко дну, рано или поздно он достигает той глубины, где вода становится достаточно вязкой, чтобы остановить падение.

В общем, он прекращает тонуть и плывет по подводной глади, глубоко под бушующими штормами и высоко над океанским дном.

Там царит спокойствие. Мертвенное спокойствие.

На некоторых затонувших кораблях еще есть такелаж. На некоторых даже паруса. На многих остались моряки, запутавшиеся в такелаже или привязанные к штурвалу.

Но плавание продолжается – без цели, без места назначения, – потому что подводные океанские течения носят мертвые корабли со скелетами моряков по свету. Они дрейфуют над затонувшими городами, между ушедшими под воду горами, пока гниение и древоточцы не изъедят их до основания и они не прекратят существовать.

Иногда во тьму и ледяную безмятежность глубоководной равнины падает якорь и нарушает вековую неподвижность, вздымая облако ила.

Один такой якорь чуть не задел Ангхаммарада, который сидел и смотрел на корабли, проплывавшие высоко над его головой.

Он запомнил, потому что это было единственным интересным происшествием за последние девять тысяч лет.

Месяц назад

Эта... зараза, косящая семафорщиков.

Она была сродни тропической лихорадке, которой моряки заболевали после долгих недель штиля под палящим солнцем – когда им начинало мерещиться, что их корабль окружен зелеными полями и они шагали за борт.

Семафорщикам иногда начинало казаться, что они умеют летать.

От одной клик-башни до другой было около восьми миль, и стоя на самом верху, вы находились в полутора футах от земли. Говорили, что, если пробыть там слишком долго без головного убора, ваша башня станет выше, а соседняя – ближе, и человеку начинало казаться, что он мог бы даже допрыгнуть туда или прокатиться на невидимых посланиях, скользящих между башнями, – а может, у него возникала мысль, что *он и есть* послание. А некоторые считали, что это было обычное повреждение мозга, вызванное шумом ветра в арматуре. Точно никто не знал. Люди, которые шагают в воздух на высоте ста пятидесяти футов от земли, нечасто имеют возможность обсудить это впоследствии.

Клик-башня слегка покачивалась на ветру, но это было нормально. В *этой* башне было много разных новых штучек. Она использовала ветер для работы своих механизмов, она гнулась, но не ломалась, и была скорее похожа на дерево, нежели на крепость. Ее можно было всю собрать на земле и потом возвести на нужном месте в течение часа. Она была образцом изящества и красоты. И могла отправлять клики до четырех раз быстрее, чем старые башни, благодаря новой системе заслонок и цветных огней.

По крайней мере, сможет, когда удастся решить небольшие технические вопросы...

Молодой человек проворно взбирался на самый верх башни. Из липкого серого марева он вылез на ослепительный солнечный свет, а утренний туман у него под ногами простирался до самого горизонта, как море.

Пейзаж мало интересовал юношу. Он никогда не мечтал о полетах. Он мечтал о механизмах и изобретениях, которые будут работать лучше, чем все, что существовало до них.

А сейчас он хотел разобраться, из-за чего новые заслонки *опять* заело. Он смазал задвижки, проверил натяжение проводов, а потом высунулся еще дальше, навстречу холодному воздуху, чтобы проверить сами заслонки. Делать так было нельзя, но любой семафорщик знает, что это единственный способ починить неисправность. Да и потом, это совершенно безопасно, если...

Что-то звякнуло. Он обернулся и увидел, что карабин его страховочного троса лежит на полу, увидел тень, ощутил пронзительную боль в пальцах, услышал крик и упал...

...якорем вниз.

Глава первая

Ангел

В которой герой получает величайший дар: Надежду – Сочувственный сэндвич с беконом – Неутешительные размышления палача о тяжких наказаниях – Славные последние слова – Наш герой умирает – Ангелы и рассуждения об оных – Избегайте неуместных предложений, в которых фигурируют метлы – Неожиданная поездка – Мир без честных людей – Прыг-скок – Выбор есть всегда

Бытует мнение, что перспектива быть наутро повешенным необычайно помогает человеку собраться с мыслями. К сожалению, собравшись, они неизбежно сосредотачиваются на том, что голова, в которой они собрались, наутро окажется в петле.

Человека, который должен был оказаться в петле, при рождении недальновидные, но любящие родители нарекли Мокрицем фон Липвигом, и он не собирался очернять это имя (хотя, казалось бы, куда уж дальше), будучи под ним повешенным. В миру вообще и в приказе о смертном приговоре в частности он значился Альбертом Стекляром.

К ситуации он подошел с самой оптимистической стороны и, собравшись с мыслями, думал о том, как бы в петле *не* оказаться и, в частности, как бы при помощи ложки соскрести крошащийся цемент вокруг камня в стене его камеры. Он корпел над этим уже пять недель, и ложка теперь больше походила на пилку для ногтей. На его счастье, тюремщики ни разу не меняли ему постель – иначе они обнаружили бы в камере самый тяжелый на свете матрац.

Все внимание Мокрица было сосредоточено на увесистом булыжнике и на пригвожденной к нему железной скобе – для крепления кандалов, в частности.

Мокриц уселся лицом к стене, уперся в нее ногами, обеими руками ухватился за железное кольцо и потянул.

Его плечи вспыхнули огнем, перед глазами поплыл алый туман, но камень сдвинулся и пополз, почему-то слабо позвякивая. Мокрицу удалось высвободить камень из стены, и он заглянул в дыру.

На том конце крепко сидел еще один камень, и цемент вокруг него выглядел подозрительно прочным и свежим.

Прямо у стенки лежала новая ложка. Лежала и сверкала.

Мокриц так и стоял, уставившись на нее, пока не услышал из-за спины хлопки. Он обернулся, и его натянутые жилы так и взвыли от боли. Через решетку камеры за ним наблюдали тюремщики.

– Отличная работа, господин Стеклярс! – воскликнул один из них. – Рон теперь должен мне пять долларов! А я говорил ему, что ты упрямый! Говорил я?

– Твоих рук дело, Вилкинсон? – обессиленно спросил Мокриц, глядя на отражение света в ложке.

– О нет, куда мне. Приказ лорда Витинари. Он считает, что всем смертникам нужно предоставлять перспективу свободы.

– Свободы? Да тут же камень опять, черт подери!

– Да, все так, тут ты прав, все так, – согласился тюремщик. – Так ведь речь-то только о *перспективе*, вот оно что. А не о настоящей свободе, когда ты *на свободе*. Хе-хе, это было бы глупо с нашей стороны, да?

– Ну, видимо, да, – сказал Мокриц. И не добавил: «Скотины вы этикие». Минувшие полтора месяца тюремщики обращались с ним очень даже по-божески, и вообще он всегда предпочитал находить с людьми общий язык. Это ему очень, очень хорошо удавалось. Навыки общения были важной частью его арсенала – практически составляли этот арсенал целиком.

К тому же у тюремщиков были большие дубинки. Поэтому Мокриц осторожно добавил:

– Кто-то мог бы сказать, что это жестоко, Вилкинсон.

– Да, мы тоже так подумали, но Витинари сказал, что нет, мы не правы. Он сказал, это... – он наморщил лоб, – труда-ти-рапия, физзарядка, и вообще, не дает затосковать и дарует величайшее из всех сокровищ, каковое есть Надежда.

– Надежда, – проворчал Мокриц.

– Ты не расстроился, а, господин Стеклярс?

– Расстроился? Я? С чего бы, Вилкинсон?

– Да вот, твой предшественник ухитрился вылезти в эту трубу. Такой маленький был. И юркий.

Мокриц глянул на небольшую решетку в полу. Этот вариант он отбросил сразу.

– Труба хоть ведет к реке? – спросил он.

Тюремщик ухмыльнулся.

– Все так думают. *Как* он был *огорчен*, когда мы его выловили. Приятно видеть, что ты уловил суть, господин Стеклярс. Нам всем с тебя только пример можно брать. Как ты все это провернул! Песок в матрац? Как умно, как аккуратно. Как *опрятно*. Нам было в радость наблюдать за тобой. Кстати, жена моя сердечно благодарит за корзину с фруктами. Такая солидная корзина. Даже кумкваты есть!

– Не за что, Вилкинсон.

– Смотритель, правда, чуток обиделся из-за кумкватов, у него-то были одни финики, а я так и сказал ему, что фруктовая корзина – она как жизнь: никогда не знаешь, что попадется. Он тоже передает спасибо.

– Рад, что ему понравилось, Вилкинсон, – ответил Мокриц рассеянно. Несколько его бывших квартирных хозяек приносили гостинцы «бедному, сбившемуся с пути мальчику», а Мокриц всегда делал ставку на щедрость. В конце концов, в его профессии все держалось на стиле.

– И вот еще что, – сказал Вилкинсон. – Мы тут с ребятами подумали, вдруг ты все-таки решился облегчить душу на предмет адреса того самого места, где расположено местонахождение, где, чтобы не ходить вокруг да около, ты спрятал деньги?..

В тюрьме стало тихо. Даже тараканы прислушались.

– Нет, на это я пойти не могу, Вилкинсон, – громко ответил Мокриц, театрально выдержав паузу. Он похлопал себя по карману сюртука, поднял вверх палец и подмигнул.

Тюремщики усмехнулись в ответ.

– Прекрасно тебя понимаем. А сейчас я бы на твоём месте отдохнул, потому что тебя повесят через полчаса, – сказал Вилкинсон.

– Эй, а завтрак мне не положен?

– Завтрак только после семи, – отозвался тюремщик с сожалением. – Но знаешь, я сделаю тебе сэндвич с беконом. Только ради тебя, господин Стеклярс.

До рассвета оставались считанные минуты, когда его провели по небольшому коридору в камеру под эшафотом. Мокриц заметил, что наблюдает за собой как бы со стороны, словно он уже частично покинул свое тело и парил, как воздушный шарик, который только и ждет, чтобы оторваться от нитки.

В камеру через щели помоста у него над головой и вокруг дверцы люка, ведущего на эшафот, просачивался свет. Человек в капюшоне усердно смазывал петли означенного люка.

Когда в камеру вошли, он прервался.

– Доброе утро, господин Стеклярс! – он учтиво снял капюшон. – Это я, господин, Даниэль «И-Раз» Трупер. Я твой палач на сегодня. Не волнуйся, я вздернул уже не один десяток человек. Мы быстро со всем разберемся.

– Скажи мне, Даниэль, правда ли, что, если человека не повесят с трех попыток, ему дается помилование? – поинтересовался Мокриц, пока палач тщательно вытирал руки тряпкой.

– Слышал я о таком, слышал... Но меня, знаешь, тоже не просто так прозвали «И-Раз». Желает ли господин черный мешок на голову?

– А это поможет?

– Кто-то считает, что так будет выглядеть презентабельнее. И потом, не видно, как глаза выкатываются из орбит. Короче, это скорее для публики. Сегодня, кстати, весьма многочисленной. Неплохую про тебя тиснули статейку в «Правде». Писали, какой ты хороший человек, и все такое. Кхм... не изволишь подписать веревку перед повешением? В том смысле, что *после* уже вряд ли получится.

– *Подписать веревку?* – удивился Мокриц.

– Ага, – отвечал палач. – Это как бы традиция. Люди покупают использованные веревки. Коллекционеры узкого профиля, так сказать. Странновато, конечно, но чего только не бывает, да? А с автографом, понятное дело, стоит дороже, – он расчеркнул пальцем в воздухе по всей длине веревки. – У меня и специальное перо есть, которое пишет на веревке. По автографу на каждые пару дюймов, ладно? Только подпиши. Никаких эпиграмм. А мне денежка. Буду премного благодарен.

– Может, в знак благодарности не будешь меня вешать? – спросил Мокриц и взял у него перо.

Все откликнулись на это одобрительным смешком. Трупер наблюдал, как Мокриц выводит автографы на веревке, и радостно кивал.

– Замечательно, это фактически мой пенсионный фонд у тебя в руках. Итак... все готовы?

– Я не готов! – быстро ответил Мокриц, к всеобщей радости.

– Ты такой забавный, господин Стекларс, – сказал Вилкинсон. – Без тебя тут будет совсем не так, честное слово.

– Для меня-то уж точно, – заметил Мокриц, что снова было расценено как тонкая острота. Он вздохнул. – Скажи, Трупер, ты и впрямь считаешь, что такие меры предотвращают преступления?

– Ну, в общем и целом, я бы сказал, сложно судить однозначно, ведь непросто обнаружить доказательства еще не совершенного преступления, – ответил Трупер, в последний раз дернув дверцу люка. – Но *в частном и конкретном*, я бы сказал, чрезвычайно действенно.

– И что это значит?

– Да то, господин, что я еще никогда не видал, чтобы сюда возвращались дважды. Приступим?

Они поднялись наверх, под прохладное утреннее небо, и толпа зашевелилась: раздались улюлюканья и даже редкие аплодисменты. Люди странные существа. Укради мешок капусты – и тебя посадят в тюрьму. Укради тысячи долларов – и тебя посадят на трон или провозгласят героем.

Мокриц смотрел прямо перед собой, пока со свитка зачитывали список его преступлений. Он не мог отделаться от мысли, как все это было *нечестно*. Он в жизни руки ни на кого не поднял. Он даже дверей никогда не ломал. Ему *случалось* отпирать их отмычкой – но он всегда закрывал за собой. Не считая всех этих банкротств, конфискации и непредвиденных разорений, что он сделал настолько *дурного*? Он просто манипулировал цифрами, и только-то.

– Какая толпа собралась. – Трупер перекинул веревку через перекладину и завожился с узлами. – Сколько журналистов. «Новости с эшафота», конечно, куда без них, «Правда», «Псевдополис Геральд» – это, наверное, из-за банка, который там у них прогорел, а еще вроде

приехал журналист из «Биржевика равнины Сто». У них очень хороша финансовая рубрика – я там слежу за ценами на веревки б/у. Видать, многие хотят посмотреть на твою смерть.

Мокриц заметил, как к хвосту толпы подкатила карета. Непосвященному могло показаться, что на ее дверцах не было герба, – тут нужно было знать, что герб лорда Витинари представлял собой изображение черного щита. На черном фоне. Приходилось признать: у негодя был стиль...

– А? Что? – спросил Мокриц, почувствовав легкий толчок локтем.

– Я спросил, не желаешь ли ты произнести последнее слово, – повторил палач. – Так заведено. Есть у тебя что на уме?

– Я вообще-то не собирался умирать, – сказал Мокриц. И это была правда. Действительно, не собирался. Даже сейчас. Он был уверен, что *как-нибудь* все образуется.

– Хорошо сказано, – одобрил Вилкинсон. – У тебя все?

Мокриц прищурился. Занавеска в окне кареты дернулась. Дверца распахнулась. Величайшее из всех сокровищ – Надежда слабо замаячила перед ним.

– Да нет же, это не было мое *последнее* слово, – сказал он. – Э-э-э... дайте подумать...

Из кареты вышел худощавый человек секретарского вида.

– М-м-м... я не делал ничего... э... такого уж страшного...

Ага, все становится на свои места. Витинари просто решил припугнуть его. Это было бы вполне в его духе, исходя из того, что Мокриц о нем слышал. Сейчас будет помилование!

– Я... пф... это...

Там, внизу, секретарь с трудом протискивался через людскую массу.

– Ты не мог бы немного ускориться, господин Стеклярс? – попросил палач. – Перед смертью не надышишься.

– Я собираюсь с мыслями, – высокопарно заявил Мокриц, не спуская глаз с секретаря, который как раз обогнул крупного тролля.

– Надо же и честь знать, – заметил Вилкинсон, недовольный таким нарушением этикета. – А то так можно, э, м-м-м, кхм, и *на год* это дело растянуть! Коротенько и бодренько, господин, в таком духе.

– Да, да, – отозвался Мокриц. – Кхм... о, гляди-ка, видишь, там человек тебе машет!

Палач заметил секретаря, почти пробившегося в первые ряды.

– У меня сообщение от лорда Витинари! – прокричал тот.

– Да! – воскликнул Мокриц.

– Он велит кончать побыстрее, утро уже наступило!

– Эх, – сказал Мокриц и перевел взгляд на черную карету. А чувство юмора у этого Витинари было прямо как у тюремщиков.

– Ну же, господин Стеклярс, ты ведь не хочешь, чтобы у меня из-за тебя были проблемы? – сказал палач, похлопывая его по плечу. – Пару слов – и мы все сможем снова заняться своими делами – за исключением некоторых, конечно.

Значит, это *был* конец. Как ни странно, это в известной степени раскрепощало. Не надо больше бояться самого страшного из возможных последствий, потому что – вот оно, и оно уже почти позади. Тюремщик был прав. В этой жизни нужно миновать ананас во фруктовой корзине, подумал Мокриц. Он тяжелый, колючий, шишковатый, но под ним могут оказаться персики. С такой идеей стоило идти по жизни – и значит, сейчас от нее не было ни малейшего проку.

– В таком случае, – сказал Мокриц фон Липвиг, – я вручаю свою душу любому богу, который сможет ее отыскать.

– Класс, – одобрил палач и потянул за рычаг.

Альберт Стеклярс умер.

Все сошлись во мнении, что это были славные последние слова.

– А, господин фон Липвиг! – послышался отдаленный голос, постепенно приближаясь. – Очнулся? И все еще жив – на данный момент.

Последняя фраза была произнесена с такой интонацией, что Мокриц сразу понял: продолжительность данного момента всецело зависела от воли говорящего.

Мокриц открыл глаза. Он сидел в удобном кресле. За столом напротив, поджав губы и в раздумье сложив ладони перед лицом, сидел Хэвлок Витинари, под чьим экстравагантно депотичным правлением Анк-Морпорк стал городом, в котором по какой-то неведомой причине хотел жить каждый.

Древний животный инстинкт подсказал Мокрицу, что за удобным креслом стояли какие-то люди и любое резкое движение может причинить ему крайнее неудобство. Но люди эти вряд ли были страшнее смотревшего на него в упор худосочного, облаченного во все черное человека с маленькой пижонской бородкой и руками пианиста.

– Рассказать тебе об ангелах, господин фон Липвиг? – любезно предложил патриций. – Я знаю о них два занимательных факта.

Мокриц захрипел. В поле его зрения не было пути к спасению, а о том, чтобы оглянуться, он даже не помышлял. Шея болела со страшной силой.

– Ах да. Тебя же повесили, – сказал Витинари. – Повешенье – очень точная наука. Господин Трупер в ней большой знаток. Толщина веревки, ее гладкость, узел, затянутый там, а не *тут*, пропорции веса и расстояния... о, он мог бы написать об этом целую книгу. Тебя повесили в полудюйме от смерти, насколько я могу судить. Только специалист мог бы это заметить – и в данном случае таким специалистом был наш друг господин Трупер. Нет, Альберт Стеклярс умер, господин фон Липвиг. Триста человек могут поклясться, что видели это воочию, – он подался вперед. – И вот сейчас я хочу поговорить с тобой об ангелах.

Мокриц сдавленно засипел.

– Первый занимательный факт об ангелах, господин фон Липвиг, состоит в том, что иногда, очень редко, когда человек оступился и так запутался, что превратил свою жизнь в полный бардак и смерть кажется единственным разумным выходом, в такую минуту к нему приходит или, лучше сказать, ему *является* ангел и предлагает вернуться в ту точку, откуда все пошло не так, и на сей раз сделать все *правильно*. Господин фон Липвиг, я бы хотел, чтобы ты воспринимал меня... как ангела.

Мокриц устался на патриция. Он чувствовал хватку веревки, удушье петли! Он помнил, как накатила чернота! Он *умер*!

– Я предлагаю тебе работу, господин фон Липвиг. Альберт Стеклярс покоится с миром, но у Мокрица фон Липвига есть *будущее*. Которое может оказаться совсем коротким, если он поведет себя неразумно. Я предлагаю тебе работу. И жалование. Я понимаю, что тебе может быть незнакома такая система.

Только как разновидность ада, подумал Мокриц.

– Предлагаю тебе должность главного почтмейстера анк-морпоркского Почтамта.

Мокриц продолжал таращиться на него.

– Позволю себе лишь добавить, господин фон Липвиг, что позади тебя есть дверь. Если в какой-то момент ты решишь, что хочешь уйти, тебе достаточно лишь переступить порог, и больше ты никогда обо мне не услышишь.

Мокриц пометил эту ремарку: «крайне подозрительно».

– Продолжу. Твои обязанности, господин фон Липвиг, включают ремонт здания, возобновление деятельности городской почты, обработку международных доставок, обслуживание Почтамта – и так далее и тому подобное...

– Может, мне еще метлу в задний проход вставить и пол вам подмести? – произнес голос, и Мокриц осознал, что этот голос принадлежал ему. В голове была каша. Большим потрясением было обнаружить, что жизнь после смерти – это та же самая жизнь.

Лорд Витинари посмотрел на него мучительно долгим взглядом.

– Ну, если ты настаиваешь, – ответил он и повернулся к вездесущему секретарю. – Стук-постук, у нас есть чулан на этом этаже?

– Конечно, милорд, – ответил секретарь. – Мне принести?..

– Я же пошутил! – выпалил Мокриц.

– О. Прошу прощения. Я не понял юмора, – сказал Витинари, поворачиваясь обратно к Мокрицу. – Дай мне знать, если почувствуешь необходимость сделать это снова.

– Слушайте, – сказал Мокриц. – Я не очень понимаю, что здесь сейчас происходит, но я не имею *никакого* понятия, как работает почта!

– Господин Мокриц, еще этим утром ты не имел понятия, как работает виселица, и тем не менее, если бы не мое участие, ты бы уже показал в этом класс, – резко парировал Витинари. – Что лишний раз доказывает: не попробуешь – не узнаешь.

– Но когда вы приговорили меня...

Витинари поднял бледную ладонь.

– Да?

Мозг Мокрица, слава богам, сообразивший, что пора поработать, включился в разговор и поправился:

– Гм... когда вы... приговорили... Альберта Стекляrsa...

– Замечательно. Продолжай.

– ...вы назвали его прирожденным преступником, мошенником по призванию, прожженным лжецом, злым гением и исключительно не заслуживающим доверия!

– Ты принимаешь мое предложение, господин фон Липвиг? – прервал его Витинари.

Мокриц посмотрел на него.

– Минуточку, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Я только кое-что проверю.

За креслом стояли двое мужчин, одетых в черное. Это не было элегантное черное, скорее такое, которое надевают, чтобы не оставлять следов на одежде. Их можно было принять за клерков – если только не заглядывать им в глаза.

Они пропустили Мокрица, когда он направился к двери, которая, как и было обещано, обнаружилась позади. Очень осторожно Мокриц открыл ее. За дверью ничего не было, даже пола. Как человек, привыкший во всем искать малейшие лазейки, он вытащил из кармана огрызок ложки и бросил вниз. Прошло немало времени, прежде чем ложка, наконец, звякнула.

Тогда он вернулся и уселся в кресло.

– Перспектива свободы? – уточнил Мокриц.

– Именно, – согласился лорд Витинари. – Выбор есть всегда.

– Вы считаете... я мог выбрать верную смерть?

– Какой-никакой, но выбор, – ответил Витинари. – Или, лучше сказать, альтернатива. Видишь ли, я *верю* в свободу, господин фон Липвиг. А верят в нее немногие, хоть и кричат об обратном. И никакое определение свободы на практике не будет полным без свободы отвечать за свои поступки. Это и есть та свобода, на которой держатся все остальные. Итак... принимаешь ли ты мое предложение? Никто тебя не узнает, не беспокойся. Похоже, тебя никто никогда не узнаёт.

Мокриц пожал плечами.

– Ну ладно. Конечно, принимаю, как прирожденный преступник, прожженный лжец, мошенник и безнадежно ненадежный злой гений.

– Решено! Добро пожаловать на государственную службу! – сказал лорд Витинари, протягивая ему руку. – Я горжусь тем, что выбрал правильного человека. Оклад – двадцать долларов в неделю, и почтмейстеру в пользование предоставляются скромные апартаменты в основном здании Почтамта. И, кажется, форменный головной убор. Буду ждать регулярных отчетов. Всего хорошего.

Он погрузился в чтение бумаг. Потом поднял глаза.

– Ты еще здесь, почтмейстер?

– И это *все*? – удивился Мокриц. – То вы меня вешаете, то в следующий момент нанимаете на работу?

– Дай-ка подумать... да, так и есть. Ах нет. Ну конечно. Стукпостук, отдай господину фон Липвигу его ключи.

Секретарь сделал шаг вперед и вручил Мокрицу увесистую проржавленную связку ключей, после чего протянул ему бумагу.

– Распишись в получении, почтмейстер.

Погодите-ка, пришло Мокрицу в голову, *это просто город. В нем есть ворота. И от ворот в разные стороны расходятся десятки путей для побега. Какая разница, что подписывать?*

– С удовольствием, – сказал он и нацарапал имя.

– *Настоящее* имя, – сказал лорд Витинари, не отрываясь от бумаг. – Что он написал, Стукпостук?

Секретарь вытянул шею.

– Э... Этель Змейг, милорд, насколько я могу разобрать.

– Постарайся сосредоточиться, господин фон Липвиг, – устало сказал Витинари, продолжая читать документы.

Мокриц расписался еще раз. В конце концов, какая разница, если пускаться в долгие бега? А бега будут долгие, особенно если ему не удастся раздобыть лошадь.

– Остается только решить вопрос с твоим надсмотрщиком, – сказал лорд Витинари, все еще погруженный в разложенные перед ним бумаги.

– Надсмотрщиком?

– Да. Я же не совсем идиот, господин фон Липвиг. Он будет ждать тебя через десять минут напротив здания Почтамта. Всего хорошего.

Когда Мокриц удалился, Стукпостук вежливо откашлялся и спросил:

– Вы думаете, он там объявится, милорд?

– Всегда нужно учитывать особенности мышления индивидуума, – сказал Витинари, исправляя грамматические ошибки в рапорте. – Я поступаю так всегда, а ты, увы и ах, нередко упускаешь это из виду. Вот почему он вышел отсюда с *твоим* карандашом в кармане.

Всегда передвигайся быстро. Никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам.

Через десять минут Мокриц фон Липвиг был уже далеко за пределами города. Он *купил* лошадь, за что ему должно было быть стыдно, но времени было в обрез, и он успел только прихватить сбережения из одного-единственного тайника да урвать по уценке дряхлую клячу из конюшен Гобсона. Зато никто не хватится и не побежит заявлять в Стражу.

Никто не остановил его. Никто не задержал на нем свой взгляд – как и всегда. И городские ворота были распахнуты настежь. Перед ним расстилались равнины, полные возможностей. А уж в том, чтобы сделать из ничего кое-что, ему не было равных. Например, в первом же городе, который попадется ему на пути, он возьмется за старушку лошадку и при помощи элементарных средств и приемов сделает так, что за нее дадут вдвое больше – по крайней мере, в течение двадцати минут или до первого дождя. Но двадцати минут будет более чем достаточно, чтобы продать ее и, если повезет, купить новую, получше, за которую возьмут не слишком дорого. Те же манипуляции он повторит и в следующем городе и дня через три-четыре будет владельцем лошади, которой не стыдно обладать.

Это станет прелюдией, разминкой для восстановления формы. У Мокрица с собой были три почти что бриллиантовых кольца, зашитых под подкладку сюртука, одно настоящее – в потайном кармашке в рукаве – и один почти что золотой доллар, ловко вшитый под воротни-

чок. Для него это было то же, что пила с молотком для плотника. Средства примитивные, но они позволят ему вернуться в седло.

Есть такое высказывание: «Нельзя обдурить честного человека», – его особенно любят повторять те, кто неплохо устроился, обдуривая честных людей. Мокриц, однако, этим не промышлял – по крайней мере осознанно. Если ты обдурешь честного человека, он, скорее всего, сообщит местной Страже, а в эти дни от нее стало непросто откупиться. Дурить нечестных людей было куда как безопаснее и, кстати, азартнее. Не говоря уж о том, что их было намного больше. Днем с огнем искать не приходилось.

Полчаса спустя после прибытия в Вырчай, откуда большой город виднелся столбом дыма на горизонте, Мокриц подошел к трактиру, понурясь, не имея ни гроша за душой, кроме подлинного бриллиантового кольца ценой в сотню долларов, и больше всего на свете желая вернуться домой, в Орлею, где его бедная старушка мать помирала от комалирии. Еще одиннадцать минут спустя он в ожидании стоял перед ювелирной лавкой, в которой ювелир рассказывал отзывчивому горожанину, что кольцо, которое путник был готов продать за двадцать долларов, на самом деле стоило все семьдесят пять (ювелирам тоже ведь нужно на что-то жить). И спустя еще тридцать пять минут Мокриц уже скакал на приличной лошади с пятеркой долларов в кармане, оставив позади довольного собой отзывчивого горожанина, которому хоть и хватило ума внимательно следить за каждым движением Мокрица, но вот-вот предстояло войти в ювелирную лавку с намерением продать за семьдесят пять долларов медное колечко со сверкающей стекляшкой, которое стоило не больше пятидесяти пенсов в базарный день.

Слава богам, мир был лишен честных людей и сказочно богат теми, кто был уверен, что уж он-то всегда отличит честного человека от мошенника.

Мокриц похлопал себя по карману сюртука. Тюремщики стянули его карту, скорее всего тогда, когда он свикался с ролью покойника. Это была хорошая карта. Изучая ее, Вилкинсон со товарищи многое узнают о криптографии, географии и картографии. Однако они не обнаружат на ней местонахождения ста пятидесяти тысяч анк-морпоркских долларов в разных валютах, потому что карта была совершенной – в обоих смыслах слова – выдумкой. Но Мокрица грело и забавляло прекрасное чувство, что на некоторое время тюремщики станут обладателями величайшего из всех сокровищ – Надежды.

Мокриц считал, что тому, кто не в состоянии элементарно *запомнить*, куда он запрятал огромное состояние, стоит его лишиться. Но пока нужно было держаться от клада подальше и иметь в виду на будущее...

Мокриц даже не потрудился запомнить название следующего города у него на пути. Там имелся трактир, и этого было довольно. Мокриц снял комнату с видом на безлюдный переулок, убедился, что окно легко открывается, поужинал как следует и сразу лег спать.

Не так уж плохо, подумал он. Еще утром он стоял на эшафоте, вокруг его шеи самым настоящим образом была затянута самая настоящая петля, а к вечеру – он снова в деле. Оставалось лишь отрастить бороду и полгода держаться подальше от Анк-Морпорка. Хотя хватит и трех месяцев.

У Мокрица был талант. Вдобавок он так освоил свое ремесло, что оно стало его второй натурой. Он *научился* быть представительным, но что-то в его внешности делало Мокрица незапоминающимся. У него был талант оставаться незамеченным, быть просто лицом в толпе. Попытки описать его вызывали у людей затруднения. Мокриц был... он был весь «примерно». Примерно лет двадцати или примерно тридцати. В рапортах Стражи по всему континенту его описания колебались от... ох, боги... примерно шести футов двух дюймов до примерно пяти футов девяти дюймов роста, упоминались волосы всех оттенков – от каштанового до светлорусого, а отсутствие особых примет распространялось на весь облик целиком. Мокриц был весь какой-то средний. Что люди *запоминали*, так это мелочи вроде очков и усов, поэтому у

него при себе всегда было по набору. Еще люди запоминали имена и повадки – их у Мокрица насчитывались сотни.

Ах да: еще они помнили, что до встречи с ним у них было больше денег.

В три часа ночи дверь с грохотом распахнулась. Грохот был что надо. Щепки полетели во все стороны. Но Мокриц уже выскочил из постели и нырнул в окно прежде, чем хоть одна из них успела упасть на пол. Он проделал это на автомате, даже не задумавшись. Кроме того – и это он проверил перед тем, как лечь спать, – под окном стояла большая бочка с водой, которая должна была смягчить его падение.

Сейчас ее там не было.

Но кто бы ни стащил бочку, он не стащил из-под нее землю, на которую Мокриц и упал, подвернув себе ногу.

Он вскочил, тихо причитая от боли, и поковылял по переулку, опираясь о стену. Трактирная конюшня находилась прямо за углом. Ему нужно было просто вскочить на лошадь, на любую лошадь...

– Господин Фон Липфиг? – пророкотал зычный бас.

О боги, это был тролль, это *звучало* как тролль, да еще и не самый маленький. Мокриц и не знал, что они встречаются за пределами больших городов...

– Тебе Не Убежать И Не Спрятаться, Господин Фон Липфиг!

Стоп, стоп, стоп – он же никому здесь не называл свое имя. Но эта мысль мелькнула на задворках его сознания. Его преследовали – он бежал. Даже хромая на одну ногу.

У самого входа в конюшню он рискнул оглянуться. В его комнате что-то мерцало красным. Неужели кто-то сожжет тут все дотла из-за пары долларов? Какая глупость! Если уж тебе всучили добротную подделку, нужно скорее сбыть ее на руки другому лопуху, что тут *непо-нятного*? Некоторые люди безнадежны.

Его лошадь была единственной в конюшне и не очень-то обрадовалась при виде Мокрица. Прыгая на одной ноге, он натянул на нее уздечку. Возиться с седлом смысла не было. Он умел ездить верхом и без него. Да что там: однажды ему пришлось скакать без штанов, но, к счастью, смола и перья крепко прилепили его к лошади. Если нужно было поспешно покинуть город – тут Мокриц был чемпион.

Он уже собирался вывести лошадь из стойла, но вдруг что-то звякнуло.

Мокриц посмотрел вниз и разгреб ногой солому.

Две короткие цепочки, скрепленные между собой ярко-желтым бруском, крепко обхватывали ноги лошади. Теперь она могла передвигаться только прыжками, совсем как он.

Ее «обули». Ее, черт возьми, «обули».

– Ох, Господин Фон Липппффиг! – прогремело с конюшенного двора. – Зачитать Тебе Правила, Господин Фон Липфиг?

Он лихорадочно огляделся. Поблизости не было ничего, что сошло бы за оружие, да и все равно, от оружия Мокриц нервничал, потому никогда и не имел его при себе. Оружие делало ставки слишком высокими. Куда приятнее было полагаться на собственный талант решать проблемы методом заговаривания зубов или, в случае провала, на удобные башмаки и фразу: «Ой, смотри, что это там!»

Но что-то ему подсказывало, что, как бы он сейчас ни распинаясь, слушать его не станут. А давать деру придется еще и вприпрыжку.

В углу он нашел метлу и деревянное корыто. Пока тяжелые шаги громыхали, приближаясь к конюшне, Мокриц сунул палку от метлы под мышку, приспособив ее вместо костыля, и схватил корыто за ручку. Когда дверь открылась, он со всей мочи выбросил корыто вперед и *почувствовал*, как оно разбивается вдребезги. Щепки разлетелись по воздуху. Секунду спустя послышался глухой стук тела, рухнувшего наземь.

Мокриц перепрыгнул через него и, пошатываясь, нырнул в темноту.

Что-то крепкое и твердое охватило его здоровую ногу, как кандалы. На мгновение он повис на метле – и упал.

– Я Не Желаю Тебе Ничего Дурного, Господин Фон Липфиг! – успокоил раскатистый бас.

Мокриц застонал. Метла, видимо, играла декоративную роль, потому как по назначению она здесь явно не использовалась. С одной стороны, именно поэтому он упал на мягкое. С другой – именно поэтому он упал *во что-то* мягкое.

Кто-то схватил его за сюртук и вытащил из навозной кучи.

– Подъем, Господин Фон Липфиг!

– Тупица, это произносится «Липвиг», – простонал он. – Там «вэ», а не «фэ»!

– Подъем, Господин Вон Липвиг! – повторил бас, и Мокрицу под мышку сунули метлу-костыль.

– Да кто ты такой, в конце концов? – выдавил Мокриц.

– Я Твой Надсмотрщик, Господин Вон Липвиг!

Мокриц заставил себя обернуться и посмотреть вверх, и еще вверх, в пряничное лицо существа с горящими красными глазами. Когда оно говорило, во рту виднелись отблески адского пламени.

– Голем? В самом деле? *Голем?*

Существо взяло его в охапку и перекинуло через плечо. А потом нагнулось в стойло, и Мокриц, перевернутый вверх тормашками и прижатый носом к кирпичному туловищу голема, догадался, что другой рукой тот подбирает его лошадь. Она откликнулась коротким ржанием.

– Нам Нужно Поторопиться, Господин Вон Липвиг! У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витинари На Восемь! А Служба Начинается В Девять!

Мокриц застонал.

– А, *господин фон Липвиг*. Увы, мы снова встретились, – произнес лорд Витинари.

Было восемь часов утра. Мокрица качало. Нога болела меньше, но о других частях тела этого нельзя было сказать.

– Оно шло всю ночь! – выпалил он. – Всю ночь, черт возьми! С лошадью под мышкой!

– Присаживайся, господин фон Липвиг, – сказал Витинари, оторвавшись от своего занятия, и устало указал ему на кресло. – «Оно», кстати, на самом деле «он». В знак уважения – я возлагаю на господина Помпу большие надежды.

Мокриц увидел мерцание на стене напротив – это у него за спиной улыбнулся голем.

Витинари снова опустил взгляд, как будто потеряв интерес к Мокрицу. Большую часть стола занимала каменная плита. Она была заставлена маленькими резными фигурками гномов и троллей. Было похоже на какую-то игру.

– *Господина Помпу?* – переспросил Мокриц.

– М-м? – Витинари склонил голову, чтобы посмотреть на доску под другим углом.

Мокриц нагнулся к патрицию и большим пальцем ткнул в сторону голема.

– *Это*, – повторил он, – называется *господин Помпа*?

– Нет, – ответил лорд Витинари и подался навстречу Мокрицу, всецело и бесповоротно сосредотачивая все внимание на нем. – *Его* зовут господин Помпа. Господин Помпа – должностное лицо. Господин Помпа никогда не спит. Господин Помпа никогда не ест. И господин Помпа, почтмейстер, *никогда не останавливается*.

– И что конкретно это означает?

– Это означает, что, если тебе приспичит, скажем, сесть на корабль до Четвертого континента, на том основании, что господин Помпа-де большой, тяжелый и путешествует только по суше, – господин Помпа последует за тобой. Тебе нужен сон – господину Помпе нет. Господину Помпе не нужен воздух. Глубоководные океанские бездны не преграда для господина

Помпы. Четыре мили в час равно шестьсот семьдесят две мили в неделю. Простая арифметика. И когда господин Помпа настигнет тебя...

– Вот здесь, – вмешался Мокриц, подняв палец, – позвольте прервать вас. Потому что големам *нельзя* причинять людям вред!

Лорд Витинари вскинул брови.

– Святые угодники, где ты такое слышал?

– Это написано... на чем-то, что у них там в голове. На свитке, что ли. А что, это не так? – неуверенно спросил Мокриц.

– Ох-ох-ох, – вздохнул патриций. – Господин Помпа, просто сломай господину фон Липвигу палец. Только аккуратно, пожалуйста.

– Слушаюсь, Ваше Сиятельство.

Голем двинулся вперед.

– Эй! Что?! Нет! – Мокриц замахал руками и опрокинул игрушечные фигурки. – Стоп! Стоп! Есть же *правило*! Голем не может причинить вреда человеку или допустить, чтобы человеку был причинен вред!

Лорд Витинари поднял палец.

– Подожди минутку, господин Помпа. Допустим, господин фон Липвиг. А помнишь ли ты, как там дальше?

– Дальше? Какое «дальше»? – спросил Мокриц. – Нет там никакого «дальше»!

Лорд Витинари поднял бровь.

– Господин Помпа? – сказал он.

– Если Только Это Не Приказ, Исходящий От Вышестоящего Лица, – сказал голем.

– Я никогда не слышал *этой* части, – возмутился Мокриц.

– Неужели? – удивился лорд Витинари. – Представить не могу, как можно было такое упустить. Не дело молотка – отказываться забивать гвоздь в голову, или пилы – выносить моральные суждения о характере пиломатериала. В любом случае, у меня в подчинении есть господин Трупер, палач, с которым ты уже успел познакомиться, Городская Стража, войска и время от времени... иные специалисты, которые всецело уполномочены убивать в целях самозащиты – или защиты города и его интересов, – Витинари стал подбирать упавшие фигурки и заботливо расставлять их на доске. – Почему господин Помпа должен чем-то отличаться от них на том лишь основании, что он сделан из глины? По существу, все мы таковы. Господин Помпа проводит тебя до места твоей службы. По легенде у тебя будет телохранитель, как и подобает высокопоставленному лицу. Только нам будет известно о... дополнительных указаниях. Големы по своей природе высоконравственные создания, господин фон Липвиг, но тебе это может показаться слегка... старомодным.

– Дополнительные указания? – уточнил Мокриц. – А вас не затруднит сообщить мне, в чем именно состоят эти дополнительные указания?

– Отнюдь. – Патриций сдул пылинку с маленького каменного тролля и поставил его на нужную клетку.

– Ну так? – спросил Мокриц, выждав паузу.

Витинари вздохнул.

– Отнюдь, меня *затруднит* сообщить тебе, в чем именно они состоят. Это вне твоей юрисдикции. К слову, мы конфисковали твою лошадь, поскольку ее использовали с целью совершения преступления.

– Это жестокое и странное наказание, – сказал Мокриц.

– В самом деле? – удивился Витинари. – Я предлагаю тебе непыльную конторскую работу, относительную свободу передвижения, свежий воздух... нет, я согласен, что это и правда необычное предложение, но – жестокое? Что ты. В подземельях у нас еще остались древние

приспособления для *действительно* жестоких наказаний, и зачастую более чем странных, если захочешь сравнить. Ну и конечно, всегда есть возможность станцевать сизалевый тустеп.

– Чего? – не понял Мокриц.

Стукпостук наклонился и прошептал что-то на ухо патрицию.

– О, я прошу прощения, – извинился Витинари. – Я, конечно, имел в виду пеньковое фанданго. Тебе решать, господин фон Липвиг. Выбор есть *всегда*. Да, кстати... хочешь знать *второй* занимательный факт об ангелах?

– Каких еще ангелах? – окрысился ничего не понимающий Мокриц.

– Ох, люди вечно пропускают мимо ушей, – сказал Витинари. – Факты об ангелах. Я вчера рассказывал. Видимо, ты тогда отвлекся. Так вот, *второй* занимательный факт состоит в том, господин фон Липвиг, что *ангел является лишь однажды*.

Глава вторая

Почтамт

В которой мы знакомимся с персоналом – Ни лода, ни мак ночи – Рассуждение о рифмованных диалектах – «Вы бы только видели!» – Мертвые письма – Житие голема – Устав

Ко всему есть подход. У всего есть цена. Всегда есть выход.

Рассуждая таким образом, Мокриц решил: верная смерть была заменена вероятной, и это уже был шаг вперед. Он хотя бы мог свободно перемещаться... правда, пока что прихрамывая. И существовала вероятность того, что где-то во всем этом была выгода. Ведь *могла бы* быть. Он умел видеть возможность там, где другие видели лишь бесплодную землю. С него же не убудет, если несколько дней поиграть по правилам, верно? Нога тем временем заживет, он выяснит ситуацию, он составит *план*. Он даже может проверить, насколько несокрушимы големы на самом деле. Они ведь гончарные изделия, в конце-то концов. Вещи иногда ломаются.

Мокриц фон Липвиг окинул взглядом свое будущее.

Анк-морпоркский Центральный Почтамт производил удручающее впечатление. Здание было возведено в сугубо практических целях и в общих чертах представляло собой большую коробку, куда помещались сотрудники, с двумя флигелями буквой «П», окружавшими конный двор позади здания. К фронтому прилепили располовиненные дешевые колонны, вырезали ниши для аляповатых гипсовых нимф, расставили вдоль парапета несколько каменных урн – и так появилась на свет сия Архитектура.

Выказывая свое почтение к художественному замыслу зодчего, добрые горожане, а вероятнее всего, их детишки покрыли стены здания разноцветными граффити на высоту шести футов.

Наверху вдоль всего фронтона, где камень пошел зелеными и бурыми пятнами, бронзовыми буквами были выложены слова.

– «НИ ДОЖДИ НИ ЛОДА НИ МАК НОЧИ НЕ ПОМЕША Т ОНЦАМ В ИСПОЛНЕНИИ ИХ ДОЛГА», – прочитал Мокриц вслух. – Что за бред?

– Почтамт Прежде Был Важным Учреждением, – отозвался Помпа.

– А *это* тогда что? – указал Мокриц. На дощечке намного ниже облупившейся краской были выведены менее торжественные слова:

НИ СПРАШЫВАЙТЕ ПРО:

камни

тролев с палками

Всяких там драконов

Госпожу Торт

Балыших зеленых зубастых тварей

черных собак с оранжевыми бровями

Дождь из спаниэлев

туман

госпожа Торт

– Я Сказал, *Прежде Был Важным Учреждением*, – пророкотал голем.

– Кто такая госпожа Торт?

– Боюсь, Мне Нечего На Это Ответить, Господин Вон Липвиг.

– Ее, кажется, побаиваются.

– Похоже На То, Господин Вон Липвиг.

Мокриц огляделся по сторонам, рассматривая этот суетный уголок суетного города. Люди не обращали на него внимания, разве что голем время от времени удостаивался беглого и отнюдь не дружелюбного взгляда.

Все это было слишком странно. В последний раз его называли настоящим именем – когда? – в четырнадцать лет. И одним богам известно, когда в последний раз он выходил на люди без накладных особых примет. Мокриц чувствовал себя раздетым. Раздетым и незаметным.

Не возбудив ровным счетом ничьего интереса, он поднялся по облезшим ступеням и вставил ключ в скважину. К его удивлению, ключ легко провернулся, и заляпанные краской двери распахнулись, даже не заскрипев.

У себя за спиной Мокриц услышал размеренный, гулкий стук. Это господин Помпа похлопал в ладоши.

– Поздравляю, Господин Вон Липвиг. Твой Первый Шаг На Пути К Личному И Ответственному Процветанию Сделан!

– Ага, как же, – буркнул Мокриц.

Он ступил в просторный мрачный вестибюль, куда свет проникал только через большой закопченный свод потолка. Даже в яркий полдень здесь стоял полумрак. Художники граффити поработали и тут.

В полутьме Мокриц разглядел длинный сломанный прилавок, а за ним – какие-то дверцы и ряды почтовых ящиков-скворечников.

А лучше сказать *голубятен*. Потому что в скворечниках гнездились настоящие голуби. Кислый и едкий запах застарелого помета стоял в воздухе. Шаги Мокрица по мраморным плитам отдались гулким эхом, и сотни голубей сорвались с насиженных мест и в панике взвились в воздух, устремляясь к прорехе в стеклянной крыше.

– Вот же дерьмо, – произнес он.

– Мы Не Поощряем Сквернословие, Господин Вон Липвиг, – отозвался господин Помпа у него из-за спины.

– Как так? Здесь это на стенах написано! И вообще, я говорил описательно. Птичий помет. Здесь целые тонны этой дряни! – возмутился Мокриц, слыша, как его собственный голос эхом отражается от дальних стен. – Когда закрылась почта?

– Двадцать лет тому назад, почтмейстер!

Мокриц огляделся по сторонам.

– Кто это? – спросил он. Голос раздавался сразу отовсюду.

Послышалось шарканье шагов и цоканье клюки, и в сером неживом пропыленном воздухе возникла согбенная фигура старика.

– Грош, сэр, – проскрипел он. – Младший почтальон Грош. К вашим услугам, сэр. Только скажите, и я *ринусь*, сэр, *ринусь*, говорю, в бой. – Старик прервался и зашелся в долгом приступе кашля, с таким звуком, будто мешком камней били по стене. Мокриц разглядел, что у старика была короткая вstopорщенная борода, которая наводила на мысль, что ее обладателя отвлекли от поедания ежика.

– Младший почтальон Грош? – переспросил он.

– Так точно, вашеблагородь. По той причине, что здесь никто надолго не задерживался и не успевал меня повесить, сэр. А то был бы старший почтальон Грош, сэр, – добавил старик выразительно и опять зашелся неистовым кашлем.

Уж скорее бывший почтальон Грош, подумал про себя Мокриц, а вслух сказал:

– И ты здесь работаешь?

– О да, сэр, а как же. Теперь только я да мальчонка. Бойкий он парнишка, сэр. Мы содер-жим здесь все в чистоте, сэр. Все по Уставу.

Мокриц не мог отвести глаз. Грош носил тупей. Если где-то на свете и существовал человек, которого красит тупей – ну вдруг, – Грош этим человеком определенно не был. Парик был каштанового цвета, не той формы, не того размера, не того фасона, и вообще *не такой*.

– А, вижу, вам нравится моя прическа, сэр, – заметил Грош с гордостью, и тупей слегка перекосялся. – Все свое, родное. Ни разу не сироп.

– Э... сироп? – не понял Мокриц.

– Извиняйте, сэр. Не стоило говорить на жаргоне. «Сливовый сироп», я имел в виду, на дурвильском жаргоне «парик» значит¹. Вы, небось, думаете, что немногим в моем возрасте посчастливилось сохранить такую шевелюру. Чистота и порядок, внутри и снаружи, вот что способствует.

Мокриц обвел глазами крутые горы птичьего помета, вдохнул зловонный воздух.

– Молодец, – пробормотал он. – Что ж, господин Грош, где тут мой кабинет? Или что мне полагается?

Видимая поверх щетинистой бороды часть лица Гроша вдруг стала смахивать на морду загнанного зайца.

– О да, сэр, *тхничски*, – затараторил он. – Но мы туда стараемся не соваться, ни-ни, потому что пол, сэр, очень плохой. Совсем плохой. Грозит провалиться в любую минуту, сэр. Пользуемся гардеробом для сотрудников, сэр. Ступайте за мной, сэр, я провожу.

Мокриц чуть не расхохотался.

– Ну что ж, – согласился он и повернулся к голему. – Хм... господин Помпа?

– Слушаю, Господин Вон Липвиг.

– Тебе разрешено помогать мне или ты просто ждешь, пока снова нужно будет ткнуть меня по кумполу?

– Зачем Говорить Обидные Вещи, Господин Вон Липвиг. Да, Мне Позволено Оказывать Надлежащую Помощь.

– Можешь вычистить отсюда голубиный помет и впустить немного света?

– Разумеется, Господин Вон Липвиг.

– *Можешь?*

– Голем Не Чурается Физического Труда, Господин Вон Липвиг. Я Схожу За Лопатой. – Помпа направился к прилавку, и бородатый младший почтальон задержался.

– Нет, – взвизгнул он, припустившись за големом. – Оставьте эти кучи в покое, это плохая идея!

– Что, полы провалятся, господин Грош? – весело поинтересовался Мокриц.

Грош перевел взгляд с Мокрица на голема и обратно. Открыл рот и снова закрыл, тщетно подыскивая слова. Он вздохнул.

– Спускайтесь в гардеробную. Нам сюда, господа.

Следуя за Грошем, Мокриц не мог не чувствовать исходящий от старика запах. Он был не то что плохой, просто... странный. Слегка химический, с разъедавшей глаза примесью ароматов всех мыслимых микстур от кашля и с едва уловимыми нотками гнилой картошки.

Небольшая лесенка вела вниз в подвал, где полы, видимо, не представляли опасности, так как проваливаться было некуда. Там и обнаружился гардероб. Это было длинное и узкое помещение. В дальнем его конце громоздилась печь, которая, как Мокриц узнал позднее, в свое

¹ Дурвильский Безритмический Рифмованный Жаргон. Миру известны самые разнообразные рифмованные сленги, обогатившие язык такими выражениями, как «фрукт не овощ» (помощь), «куд-кудах» (страх) и «шишел-мышел» (Общая Теория Относительности). Дурвильский уличный рифмованный сленг отличается от прочих известных тем, что в нем, парадоксальным образом, ничего не рифмуется. Никто не знает этому причин, но были выдвинуты следующие теории: 1) это сложный диалект, подчиняющийся на деле множеству никому не известных законов, 2) название ему очень подходит и 3) его сочинили, чтобы действовать на нервы иностранцам, что справедливо для подавляющего большинства подобных сленгов.

время служила частью отопительной системы, ведь Почтамт был современно оборудованным зданием для своей эпохи. Теперь же рядом с печью примостилась небольшая круглая плитка, раскаленная докрасна. На ней закипал огромный черный чайник.

Воздух намекал на присутствие носков и дешевого угля и на отсутствие вентиляции. Вдоль одной стены выстроились обшарпанные именные деревянные шкафчики. Некогда яркая краска надписей выцвела и облезла. Через закоптелые окошки под самым потолком не без труда проникал свет.

Но каково бы ни было изначальное предназначение комнаты, сейчас здесь жили люди – два человека, которые ладили друг с другом, но тем не менее имели четкие представления о том, где «мое» и где «твое». Пространство было поделено пополам, и с обеих сторон у стен стояло по койке. Граница была краской проведена по полу, стенам и потолку: моя половина – твоя половина.

Не стоит забывать об этом, говорила линия, и тогда не возникнет никаких... разногласий.

Посередине, перекинувшись через разделительную линию, стоял стол, а на нем, с каждой стороны, – две чашки и две жестяные миски. Посередине была солонка. В этом месте разделительная линия превращалась в кружок, обозначая нейтральную территорию.

С одной стороны комнаты располагался громоздкий неприбранный верстак, заваленный банками, склянками и бумагами, – так могло бы выглядеть рабочее место алхимика до или после взрыва. С другой – старый картонный стол, на котором с настораживающей скрупулезностью выстроились стопки коробочек и ряды черных суконных свертков. На подставке красовалось увеличительное стекло – самое большое, что Мокрицу доводилось видеть.

Эта половина комнаты была чисто выметена. На другой же царил бардак, грозивший перевалить за полосу. А вон тот листок бумаги на замусоренной стороне или изначально был такой причудливой формы, или же кто-то заботливый и щепетильный вооружился острыми ножницами и отрезал уголок, который зашел слишком далеко.

Посреди чистой половины стоял юноша. Он тоже ждал появления Мокрица, но в отличие от Гроша не вполне отточил искусство стоять по стойке «смирно» или, скорее, лишь отчасти понимал ее значение. Его правый бок стоял гораздо более *смирно*, чем левый, и в результате целиком он напоминал банан. Но на лице у него блуждала беспокойная улыбка до ушей, большие глаза горели, и весь он так и искрился рвением, не исключено, что граничащим с неадекватностью. Возникало отчетливое ощущение, что в любой момент он может укусить. К тому же на нем была голубая хлопковая рубашка с надписью «СПРОСИ МЕНЯ О БУЛАВКАХ!».

– Гм... – растерялся Мокриц.

– Ученик почтальона Стэнли, сэр, – пробубнил Грош. – Сирота, сэр. Печальная история. К нам пришел из богадельни братьев в Оффлере. Родители скончались от комаларии у себя на ферме где-то в глуши, сэр, и Стэнли рос с горошком.

– Рос горошком?

– С горошком, сэр. Редкий случай. Хороший парнишка, если его не расстраивать, но имеет обыкновение виться на солнышке, если понимаете, о чем я, сэр.

– Э-э-э... ну допустим, – ответил Мокриц и быстро повернулся к Стэнли. – А ты, значит, знаешь толк в булавках? – поинтересовался Мокриц бодрым, как он надеялся, голосом.

– Никакнетсэр! – выпалил Стэнли и разве что честь не отдал.

– Но у тебя написано...

– Я знаю *все* о булавках, сэр, – сказал Стэнли. – Все, что только можно!

– Что ж, это... – начал было Мокриц.

– Каждую мельчайшую деталь о булавках, сэр, – не унимался Стэнли. – Нет такого факта о булавках, которого бы я не знал. Спросите меня о булавках, сэр. Что вас интересует? Спрашивайте, сэр!

– Я... – Мокриц запнулся, но годы тренировок пришли ему на выручку. – Интересно, сколько булавок было выпущено в этом городе в прошлом го...

Он осекся. В лице Стэнли произошла перемена: оно разгладилось и утратило выражение, намекающее, что его хозяин вот-вот прыгнет на тебя и откусит ухо.

– За минувший год мастерскими (или «булавочными мануфактурами») Анк-Морпорка в сумме было выпущено двадцать семь миллионов восемьсот восемьдесят тысяч девятьсот семьдесят восемь булавок, – выдал Стэнли, уставившись в свою собственную переполненную булавами вселенную. – Включая булавки с восковыми головками, железные, латунные, с серебряными головками (и просто серебряные), удлиненные, машинного и ручного производства, копии и оригиналы, но не считая лацканные булавки, которые не должны стоять в одном ряду с настоящими, потому что технически относятся к разряду «значков», сэр.

– Да, да, кажется, видел я однажды какой-то журналчик, – перебил Мокриц отчаянно. – Как же он назывался... «Ежемесячные булавки».

– О-о-ох, – вздохнул позади него Грош, а лицо Стэнли исказилось гримасой, уподобившись кошачьей филейной части с носом посередине.

– Это же для *любителей*, – зашипел Стэнли. – Не для настоящих «булавочников»! Им там до булавок дела нет! Они могут что угодно себе думать, но у них в каждом номере целый разворот посвящен иголкам. Иголкам! Да кто угодно может коллекционировать иголки! Это же булавки с дырочками! Для этого, в конце концов, есть «Популярные иголки»! Но нет, они же самые умные!

– Стэнли – редактор «Всех булавок», – шепотом подсказал Грош у Мокрица за спиной.

– Мне, кажется, не попадался на глаза... – начал Мокриц.

– Стэнли, не пойди ли тебе с помощником господина фон Липвига и не показать ему, где у нас лопата, – громко перебил его Грош. – Потом можешь сесть и перебирать свои булавки, пока не полегчает. Господину фон Липвигу не нужно видеть твоих... *эпизодов*, – он покосился на Мокрица.

– ...в прошлом году там была статья о *подушечках для булавок*, – проворчал Стэнли и ушел, топая ногами. Голем вышел следом.

– Он хороший парень, – сказал Грош. – В голове только немного чайник не в порядке. Дайте Стэнли его булавки, и никаких с ним хлопот. Иногда немного... перенапрягается, делов-то. Ах да, вот и третий член нашего дружного коллектива...

В комнату вошел большой черно-белый кот. Не обращая внимания ни на Мокрица, ни на Гроша, кот неторопливо побрел к потрепанной корзинке. Мокриц стоял у него на пути. Кот шел, пока его голова мягко не уткнулась в ноги Мокрицу. Тогда он остановился.

– Это Пис-Пис, сэр, – сказал Грош.

– *Пис-Пис*? – переспросил Мокриц. – Это в самом деле его кличка? Ты не шутишь?

– Не столько кличка, сколько описание, – ответил Грош. – Вы бы отошли в сторону, сэр, а то он так весь день с места не сойдет. Ему уж двадцать лет, и он в некотором смысле раб своих привычек.

Мокриц сделал шаг в сторону. Как ни в чем не бывало, кот продолжил путь и свернулся калачиком в своей корзине.

– Он что, слепой? – спросил Мокриц.

– Нет, сэр. Но он так привык и не изменяет своим привычкам, сэр, ни на секундошку. Очень спокойное животное. Не любит перестановок. Вы к нему привыкнете.

Чувствуя, что сказать что-то надо, но не зная, что именно, Мокриц кивнул на собрание склянок на верстаке Гроша.

– Алхимией балуешься? – спросил он.

– Нет, сэр! Я практикую народную медицину. Не верю я этим докторам, сэр. Ни дня не болел за всю свою жизнь! – Он громко хлопнул себя по груди с хлопаяющим звуком, не

свойственным живой плоти. – Байка, гусиный жир и горячий хлебный пудинг, сэр! Лучшая защита для бронхов против пагубных воздействий. Каждую неделю накладываю новый слой, и за всю жизнь даже не чихнул ни разу, сэр. Полезнее некуда, все только натуральное!

– Э... похвально, – сказал Мокриц.

– А хуже всего, – продолжал, понизив голос, Грош, – мыло. Ужасная гадость, сэр, смывает такие полезные соки. Я вам так скажу: оставьте вы все как есть. Берегите бронхи, кладите серы в носки и не забывайте о теплом нагруднике, и все вам будет нипочем. А вот вы, сэр, – такой молодой человек, как вы, должен беспокоиться о здоровье своего...

– Для чего вот это? – торопливо перебил Мокриц, взяв в руки горшочек с зеленоватой кашцей.

– А, это? От бородавок, сэр. Замечательное средство. Совершенно натуральное, совсем не то, что доктора прописывают.

Мокриц принял.

– Из чего оно?

– Из мышьяка, сэр, – невозмутимо ответил Грош.

– Из мышьяка?

– Натуральный продукт, сэр. Еще и зеленый.

«Итак, – подумал Мокриц, осторожно вернув горшочек на прежнее место, – в стенах Почтамта и во внешнем мире понятия о нормальности явно не совпадают по вектору. Как бы не запутаться. Пожалуй, здесь стоит примерить роль увлеченного, хотя и озадаченного управляющего», – решил он. Впрочем, за исключением «увлеченности», играть ничего и не приходилось.

– Поможешь мне тут разобраться во всем, Грош? Я ничегошеньки не смыслю в работе почты.

– А чем вы занимались раньше?

Воровал. Облапошивал. Подделывал. Жульничал. Но никогда – и это важный момент, – никогда не причинял никому боли. Никогда. Мокриц был очень тверд в этом вопросе. Он даже никуда не вламывался, если можно было обойтись. Покажется подозрительным, если тебя застукают в час ночи в банковском хранилище в черном костюме с кучей маленьких кармашков, так зачем рисковать? Распланировать все как следует, показать нужные документы, правильно одеться и, самое главное, правильно держаться – и тебя впустят туда среди белого дня, а управляющий еще и дверь придержит, когда ты будешь выходить. Сбывать кольца и использовать тупую сельскую жадность приходилось, просто чтобы не заржаветь.

Все дело заключалось в лице. У Мокрица было честное лицо. И он ничего не имел против тех, кто внимательно всматривался в его глаза, стараясь разглядеть его внутреннее «я», потому что у него было хоть отбавляй внутренних «я», на все случаи жизни. Что до крепких рукопожатий, за годы тренировок он выработал себе такое, что можно было лодки швартовать. Обычные навыки общения. Особые навыки общения. Прежде чем продавать людям стекляшки под видом бриллиантов, нужно устроить так, чтобы они захотели увидеть бриллианты. Вот в чем трюк, самый главный трюк. Ты заставляешь людей иначе взглянуть на мир. Помогаешь им увидеть его таким, каким они хотят его видеть...

Откуда, черт возьми, Витинари прознал его имя? Он раскусил фон Аипвига как орешек! А Стража здесь... сущие дьяволы. И кто натравливает голема на живого человека?..

– Я был клерком, – ответил Мокриц.

– С бумагами, что ли, работали? – спросил Грош, внимательно глядя на него.

– Да, сплошная бумажная работа.

Что было честным ответом, если считать карты, чеки, рекомендательные письма, банковские бланки и купчие.

– Эх, еще один, – сказал Грош. – Что ж, делать тут особо нечего, мы можем потесниться и освободить вам место, нам не в тягость.

– Но мне поручено наладить работу почты, как раньше, господин Грош.

– Ну да, ну да, – ответил старик. – Тогда ступайте за мной, господин фон Липвиг. Сдается мне, не все вам о нас рассказали.

Грош повел его обратно в запустелый холл, оставляя за собой дорожку желтоватого порошка, сыплющегося из обуви.

– Мой папаша приводил меня сюда, когда я был еще совсем мальцом, – рассказывал он. – Тогда на почте работали целыми династиями. На потолке висели такие большие стеклянные штуки капельками, позвякивали так и горели. Знаете, да?

– Люстры? – предположил Мокриц.

– Может быть, – согласился Грош. – Две штуки. И везде были латунь и медь, начищенные, и горели как золото. А еще, сэр, были балконы, вокруг всего центрального холла, на всех этажах, из железа, узорчатые как кружево! А все прилавки были из редкого дерева, как отец сказывал. А людей-то! Тьма! Двери хлопали без конца. Даже по ночам... о, сэр, по ночам на заднем дворе, вам бы там побывать! Огоньки! Почтовые кареты приезжали, уезжали, лошади в мыле... вы бы только видели, сэр! Кто-нибудь отдавал распоряжения почтальонам... было у них такое устройство, сэр, что можно было впустить и выпустить карету со двора за минуту, сэр, за *минуту*! Беготня, сэр, кругом беготня и гомон! Говорят, можно было прийти на почту из Сестричек Долли или аж из самых Теней, отправить письмо самому себе, и пришлось бы бежать во весь опор, сэр, просто сломя голову, чтобы опередить почтальона! А униформа, сэр, темно-синяя и с медными пуговицами, ох, вы бы только видели! А...

Мокриц посмотрел неугомонному старику за плечо, на ближайшую гору птичьего помета, где застыл начавший было копать Помпа. Голем потыкал лопатой в смердящую громадину, потом выпрямился и, держа что-то в руках, направился к Мокрицу.

– ...а когда приезжали большие кареты, сэр, из самых гор, их гудки были слышны за милю отсюда! Вы бы только *слышали*, сэр! А если им попадались разбойники, на почте были специальные люди, они шли и...

– Да, господин Помпа? – сказал Мокриц, оборвав воспоминания Гроша.

– Любопытное Открытие, Почтмейстер. Я Ошибался. Горы На Самом Деле Состоят Вовсе Не Из Голубиногo Помета. Голуби Не Наложили Бы Столько И За Тысячу Лет, Господин Вон Липвиг.

– Из чего же тогда?

– Из Писем, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

Мокриц перевел взгляд на Гроша, который неловко поежился.

– Ах да, – сказал он. – Я как раз собирался вам рассказать.

Письма...

...им не было конца и края. Они переполняли все помещения Почтамта и лезли во все коридоры. Кабинет почтмейстера действительно был непригоден к использованию из-за состояния полов: они утопали в двенадцатифутовой толще писем. Они перекрывали целые коридоры. Ими были до отказа набиты шкафы. Стоило неосторожно открыть дверь – и ты мог быть погребен под лавиной желтеющих конвертов. Половицы подозрительно прогибались. Сквозь трещины в оседающих гипсовых потолках торчали бумажные углы.

В сортировочном отделении, которое было немногим меньше центрального холла, образовались дюны, местами достигавшие двадцати футов. То там, то сям айсбергами посреди бумажного моря торчали картотечные шкафы.

После получасового осмотра Мокрицу требовалось принять ванну. Он как будто прошелся по заброшенному склепу. Он задыхался от запаха старой бумаги, горло саднило от желтой пыли.

– Мне сказали, здесь у меня будет квартира, – просипел он.

– Да, сэр. Мы со Стэнли ходили вчера ее искать. Я слышал, будто она рядом с вашим кабинетом. Малец рвался туда что есть сил, сэр. Дверь-то он нащупал, да только увяз в письмах футов на шесть, и мучился, сэр, как он *мучился*... Вот я его и вытащил.

– Здесь *все* завалено недоставленной почтой?

Они вернулись в гардеробную. Грош долил в черный чайник воды из кастрюли – тот как раз закипал. В дальнем углу комнаты за своим прибранным столиком сидел Стэнли и перебирал булавки.

– Почти что так, сэр, за вычетом подвала да конюшен, – ответил старик, споласкивая две жестяные кружки в тазу с водой сомнительной чистоты.

– То есть даже кабинет почтм... *мой* кабинет забит старыми письмами, но в подвале пусто? Где тут логика?

– О, нельзя же бросать их в подвал, сэр, только не туда, – возмутился Грош. – Там же такая сырость, письма испортятся в два счета.

– Испортятся, – бесцветно повторил Мокриц.

– Ничто так не портит вещи, как сырость, сэр, – добавил Грош и деловито кивнул.

– Испортятся. Письма от мертвецов к мертвецам, – повторил Мокриц все тем же бесцветным тоном.

– Это только наши с вами догадки, сэр, – возразил старик. – У нас же нет *доказательств*.

– Действительно. Конечно, ведь этим конвертам всего-то сто лет! – сказал Мокриц. От пыли болела голова, а от сухости саднило горло, и что-то в этом старичке действовало на его расшатавшиеся нервы. Чего-то Грош недоговаривал. – Для *некоторых* это никакой не срок! Зомби и вампиры небось до сих пор не отходят от почтового ящика в ожидании писем!

– Не нужно горячиться, сэр, – сказал Грош примирительно. – Не нужно горячиться. Письма нельзя *уничтожить*. Просто нельзя, сэр, и все тут. Это же Препятствование Работе Почты, сэр. Не просто преступление, сэр. Это, это...

– Грех? – подсказал Мокриц.

– *Хуже*, чем грех, – ответил Грош почти с ехидством. – За грехи отвечаешь только перед богами, а за нарушения на почте в мои дни приходилось отвечать перед самым старшим почтовым инспектором Ропотамом. Во! А это *большая* разница! Боги-то *прощают*.

Мокриц взгляделся в морщинистое лицо старика в поисках здравого смысла. В его лохматой бороде встречались посторонние вкрапления – то ли грязь, то ли чай, то ли шальной каприз природы. Грош *похож на отшельника*, решил он. *Только отшельнику взбрело бы в голову натянуть такой парик*.

– Минуточку, – сказал Мокриц. – То есть, по-твоему, запихнуть чужое письмо под половицу и оставить его там на сто лет – это не препятствование работе почты?

Грош вдруг принял глубоко несчастный вид. Борода его задрожала. Потом он зашелся кашлем, сухим, жестким, трескучим, порывистым кашлем, от которого задрожали склянки, а от его штанин взвилось облачко желтой пыли.

– Извиняйте, сэр, – просипел Грош между приступами и извлек из кармана поцарапанную и помятую жестянку.

– Пососете, сэр? – спросил он сквозь слезы, текущие по щекам, и протянул Мокрицу коробочку. – Это «троечки», сэр. Мягчайшие. Моего собственного изготовления. Натуральное средство из натуральных продуктов, таков мой метод, сэр. Надо прочищать бронхи, а не то они зададут тебе жару.

Мокриц вынул из жестянки большую фиолетовую таблетку и принялся. Слегка отдавало анисом.

– Спасибо, господин Грош, – поблагодарил он, но на тот случай, если это могло быть сочтено взяткой, добавил уже строже: – Вернемся к разговору о почте. Засовывать неотправленные письма, куда боги на душу положат, это не препятствие почте?

– Это скорее... *задержка*, сэр. Отставание по графику. Незначительное. У нас же нет намерения так никогда ничего и не доставить.

Мокриц устался на взволнованного Гроша. Он испытал то чувство уходящей из-под ног почвы, когда понимаешь, что имеешь дело с человеком, чей мир совпадает с твоим лишь по касательной. *Не отшельник*, подумал он, *скорее потерпевший бедствие моряк, обосновавшийся в этом здании как на необитаемом острове, пока мир за стенами живет своей жизнью, а здравый смысл испаряется.*

– Господин Грош, мне ни в коем случае не хочется тебя расстраивать, но там сейчас тысячи писем, погребенных под толстым слоем птичьего помета... – медленно произнес он.

– Тут, сэр, дела не так плохи, как кажутся, – сказал Грош и прервался, чтобы сочно причмокнуть таблеткой собственного изготовления. – Голубиный помет – исключительно сухая штука, сэр, от него конверты покрываются крепкой защитной коркой...

– Почему они *здесь*, господин Грош? – спросил Мокриц. Он напомнил себе о навыках общения. Нельзя трясти людей за плечи.

Младший почтальон опустил глаза.

– Ну, вы же знаете, как оно бывает... – начал он.

– Нет, господин Грош, понятия не имею.

– Положим, у человека дел невпроворот, положим, в Страшдество, полным-полно открыток, да, и инспектор стоит над душой и дергает, потому что время, время, время, ну, положим, он и запихнул полмешка писем под стол... но он их потом разошлет, обязательно. Он же не виноват, что письма так и валят, сэр, *валят* без остановки. Потом наступает завтра, и приходит писем еще больше прежнего, потому что они все *валят*, и он думает, ну, сброшу сегодня еще парочку, раз уж у меня выходной в четверг, вот тогда-то и наверстаю, но оказывается, что к четвергу он отстает уже больше чем на день, потому что они валом *валят*, а он так устал, устал как собака, и он говорит себе, что скоро отпуск, но настает отпуск – ну, к тому моменту картина получается очень некрасивая. Случались... недоразумения. Мы слишком много на себя взяли, сэр, вот в чем дело, мы слишком старались. Иногда, когда вещь разбивается на мелкие кусочки, лучше так все и оставить, чем пытаться собрать осколки. Я в том смысле, что... с чего начинать-то?

– Я понял общую картину, – сказал Мокриц. *Ты врешь, господин Грош. Чего-то недоговариваешь. Умалчиваешь о чем-то важном, да? Ложь для меня целое искусство, господин Грош, а ты лишь небесталанный любитель.*

Грош, не ведая об этой внутренней тираде, выдавил улыбку.

– Но проблема в том... как тебя зовут, господин Грош? – спросил Мокриц.

– Толливер, сэр.

– Замечательное имя... проблема в том, Толливер, что картина, которую ты обрисовал, лишь – развивая выбранную метафору – *миниатюра*, тогда как *это все*, – Мокриц взмахнул рукой, обозначив жестом здание и его содержимое, – монументальный триптих, живописующий исторические сюжеты, сотворение мира и низвержение богов. К нему также прилагаются соборная потолочная фреска, изображающая величие тверди небесной, и эскиз барышни с непонятной улыбкой в придачу! Толливер, сдастся мне, ты недостаточно откровенен со мной.

– Прошу меня извинить, сэр, – ответил Грош, поглядывая на него с каким-то нервным вызовом.

– Я бы мог тебя и уволить, – сказал Мокриц, понимая, что делать этого не следует.

– Могли бы, сэр, отчего бы и не мочь, – ответил Грош тихо и неторопливо. – Но, кроме нас с вами да мальчонки, никого здесь нет. А вы ничегошеньки не знаете о Почтамте, сэр. И вы ничегошеньки не знаете об Уставе. Кроме меня никто не знает, что и как нужно делать. Вам и пяти минут одному не продержаться, сэр. Вы бы даже о чернильницах не позаботились, а их нужно каждый день наполнять!

– Чернильницы? Наполнять чернильницы? – переспросил Мокриц. – Это же развалины, здесь полно... полно... мертвой бумаги! У нас нет *клиентов*.

– Чернильницы всегда должны быть наполнены, сэр. Так сказано в Уставе Почтамта. Устав – прежде всего, сэр, – сообщил Грош решительно.

– Но зачем? Судя по всему, мы не получаем почту и не отправляем ее! Мы тут просто отсиживаемся!

– Нет, сэр, мы не просто отсиживаемся, – терпеливо объяснял Грош. – Мы соблюдаем Устав. Заполняем чернильницы, полируем медь...

– Но не убираете птичий помет!

– Понимаете, какая штука, сэр, об этом в Уставе ни слова, – сказал старик. – А по правде сказать, никому мы больше не нужны. Сейчас повсюду сплошные клики, треклятые клики: клик, клик, клик. Повсюду клик-башни, сэр. Они на пике популярности. Говорят, они быстрее скорости света. Ха! Бессердечные, бездушные машины. Ненавижу... Но мы ко всему готовы, сэр. Приди к нам какое письмо, мы бы его пристроили. Мы бы ринулись в бой, сэр, *ринутись* бы, говорю, в бой. Но писем-то нет.

– Откуда же им взяться! В городе все давно успели усвоить, что чем нести свои письма на Почтамт, их можно с тем же успехом выкинуть вовсе!

– Нет, сэр, опять вы ошибаетесь. Мы ничего не выбрасываем. Мы все оставляем так, как есть, сэр, вот что мы делаем. Стараемся не *нарушать* здесь ничего, – тихо добавил Грош. – *Ничего* не нарушать.

Мокриц обратил внимание на его тон.

– Что именно – «ничего»? – поинтересовался он.

– А, пустяки, сэр. Мы просто... ведем себя осторожно.

Мокриц обвел комнату взглядом. Здесь что, стало теснее? А тени – длиннее и темнее? Появляло холодком?

Нет, ничего такого. А ведь вполне могло бы. Волоски на шее Мокрица встали дыбом. Он где-то слышал, это бывает потому, что человек произошел от обезьяны, и значит, что позади находится тигр.

На деле же позади находился господин Помпа, и глаза его горели ярче, чем у любого тигра. Он был даже хуже: тигры не будут преследовать жертву по морям, и им нужно спать.

Мокриц сдался. Господин Грош пребывал в своем собственном странном заплесневелом мире.

– И ты называешь это жизнью? – спросил он.

Впервые за весь разговор Грош посмотрел Мокрицу прямо в глаза.

– Куда лучше смерти, сэр, – ответил он.

Господин Помпа прошел за Мокрицем по центральному залу, вышел с ним на улицу, и тогда Мокриц не выдержал и развернулся.

– Так, все, какие у тебя правила? – требовательно спросил он. – Ты собираешься *повсюду* ходить за мной по пятам? Ты же знаешь, что мне не сбежать.

– Тебе Позволена Свобода Передвижений В Черте Города И Его Окрестностях, – прогремел голем. – Но Пока Ты Не Обустроишься, Мне Велено Сопровождать Тебя В Целях Твоей Же Безопасности.

– Безопасности? Вдруг кто-то сильно рассердится из-за того, что письмо его прадеда задержалось на почте?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг.

– Мне нужно подышать. Что здесь происходит? Почему там так... жутко? Что *случилось* с Почтамтом?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг, – повторил Помпа невозмутимо.

– Как это? Это же *твой* город, – сказал Мокриц с насмешкой. – Ты что, последние сто лет под землей провел?

– Нет, Господин Вон Липвиг.

– Так почему...

– Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг, – продолжил голем.

– Что двести сорок лет?

– Столько Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг.

– О чем ты? – не понял Мокриц.

– О Времени, Которое Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг, О Чем Же Еще. Помпа – Это Не Имя. Это Описание. Помпа Девятнадцать, Если Быть Точным. Я Стоял На Дне Стофутowego Колодца И Качал Воду. Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг. Теперь Я Передвигаюсь И Вижу Солнце. Это Куда Лучше, Господин Вон Липвиг, Куда Лучше!

Ночью Мокриц лежал и смотрел в потолок. Который был в трех футах от него. Немного поодаль с потолка свисала свеча в противопожарной лампе. Стэнли запретил ему пользоваться свечами без ламп, и правильно сделал: все здание могло вспыхнуть как спичка. Сюда Мокрица проводил сам Стэнли – Грош остался где-то дуться. Он был прав, черт его дери. Без Гроша он пропадет – Грош фактически *был* самим Почтамтом.

День выдался нелегкий, да и прошлой ночью, вверх тормашками за плечом Помпы, под лягание ошалевшей лошади выспаться толком не удалось.

Небеса свидетели, спать здесь ему совсем не хотелось, но других мест для ночлега на примете у Мокрица не было, да и гостиницы в этом кишачем людьми городе драли втридорога. Гардеробная была исключена – категорически, без возражений. Так что он попросту вскарабкался на груды мертвых писем в предположительно своем кабинете. Ничего страшного. Предприимчивый человек вроде него умеет спать в любых условиях, нередко и тогда, когда целая толпа народу ищет его за стеной. Гора писем хотя бы была сухой и теплой и не грозила холодным оружием.

Бумага под ним зашуршала, когда Мокриц попытался устроиться поудобнее. Он лениво вытащил наугад конверт. Он был адресован некоему Антимонию Паркеру, проживавшему в доме № 1 по Лоббистской улице, и на обороте большими буквами было выведено «З.Л.П.». Ногтем Мокриц вскрыл конверт. Бумага внутри чуть не рассыпалась от прикосновения.

Мой Драгоценный Тимони!

Да! К чему Женщине, когда она Прекрасно Понимает, какую Честь Оказывает ей Мужчина, играть Кокетку в такую минуту! Мне известно, что Ты говорил с Папенькой, и разумеется, Я даю свое согласие стать Супругой Добрейшего, Замеча...

Мокриц взглянул на дату под письмом. Оно было написано сорок один год назад.

Он не любил разглагольствований и считал их помехой в своей сфере деятельности, но сейчас невольно задался вопросом: вышла ли в итоге – он перевел взгляд на письмо – «Твоя любящая Агнатея» за Антимония или же их роман почил с миром прямо здесь, на этом бумажном кладбище.

Мокриц содрогнулся и засунул письмо в карман сюртука. Нужно будет поинтересоваться у Гроша, что означает это «З.Л.П.».

– Господин Помпа! – крикнул он.

Из угла комнаты, где по пояс в письмах стоял голем, донесся раскатистый голос:

– Да, Господин Вон Липвиг?

– Можно тебя попросить как-нибудь закрыть глаза? Я не могу уснуть, когда на меня смотрят два горящих красных глаза. Это у меня с детства.

– Прости, Господин Вон Липвиг. Я Могу Повернуться Спиной.

– Ничего не выйдет. Я же буду знать, что они открыты. Да и свет будет отражаться от стены. Слушай, ну куда я отсюда денусь?

Голем обдумал его слова.

– Я Выйду В Коридор, Господин Вон Липвиг, – решил он и с этими словами начал пробираться к двери.

– Хорошо, – согласился Мокриц. – А с утра расчисть мне место, ладно? В некоторых кабинетах еще осталось немного пространства под потолком, можно распахать письма туда.

– Господину Грошу Не Нравится, Когда Письма Перекладывают, – прогрохотал голем.

– Почтмейстер здесь не господин Грош, а я.

О боги, до чего заразительно безумие, подумал Мокриц, когда красное мерцание глаз голема растворилось во мраке за дверью. Я не почтмейстер, я жалкий пройдоха, который пал жертвой дурацкого... эксперимента. Что за место! Что за положение! Кто вообще мог поставить известного преступника во главе важной правительственной службы? Кроме разве что обычного избирателя.

Он пытался найти подход, придумать выход... но всякий раз в голове всплывал и прокручивался их разговор.

Вообрази колодец, полный воды, в сто футов глубиной.

Вообрази мрак. Вообрази на дне этого колодца, в густой его черноте, фигуру примерно человеческих очертаний, каждые восемь секунд качающую тяжелый насос.

Пом... Пом... Пом...

Двести сорок лет.

– И ты не возражал? – спросил Мокриц.

– Ты Спрашиваешь, Не Затаил Ли Я Недовольства? Но Я Же Выполнил Полезное И Нужное Дело! К Тому Же Мне Было О Чем Подумать.

– На дне стофудового колодца с грязной водой? О чем там думать?

– О Водокачке, Господин Вон Липвиг.

А потом, рассказал голем, все остановилось, загорелся тусклый свет, опустились рычаги, загремели цепи, его подняли вверх, окунули в мир света и цвета... и других големов.

Мокриц кое-что знал о големах. Их выпекали из глины тысячи лет тому назад и пробуждали к жизни, закладывая им в головы какие-то свитки. Големы никогда не ломались и работали непрерывно. Кто-то мел улицы, кто-то занимался тяжелым трудом на лесопилках и в литейных цехах. Большинство из них не попадались людям на глаза: они приводили в движение скрытые шестеренки города – в темноте, под землей. Тем-то интерес к големам и ограничивался. Они были практически по определению честными созданиями.

Но теперь големы получали свободу. Это была самая тихая и социально ответственная революция в истории. Они были рабами, поэтому они копили деньги – и *выкупали* сами себя.

Господин Помпа покупал свою свободу ценой сурового ограничения свободы Мокрица. Вполне себе повод для огорчения. Уж конечно, свобода должна работать несколько иначе!

Но боги, думал Мокриц, возвращаясь к настоящему моменту, понятно, почему Грош беспрестанно грызет свои конфеты от кашля – от земной пыли недолго и задохнуться!

Он пошарил в карманах и вытащил ромбовидный леденец, который получил от старика. Выглядела конфета вполне безобидно.

Минутой позже, когда Помпа ворвался в комнату и сильно хлопнул Мокрица по спине, дымящийся леденец выскочил и прилип к стене напротив, где к утру разъял изрядное количество штукатурки.

Грош отмерил ложку перечно-ревенной настойки для бронхов и нащупал отсохшую бородавку, которая болталась у него на шее, чтобы отвадить внезапное нашествие докторов. Всем известно, что от них одни болезни. Природные снадобья – вот ответ на любые беды, а не какие-то дьявольские микстуры, невесть из чего сготовленные.

Он смачно причмокнул губами. Этим вечером он как раз положил в носки свежую серу и прямо чувствовал, как та идет ему на пользу.

В бархатистом полном бумаги мраке сортировочного отделения мерцали две свечи в лампах. Свет проходил через наружное стекло, наполненное водой, чтобы свеча погасла, если лампа вдруг разобьется. От этого лампы смахивали на фонарики какой-нибудь глубоководной твари из стальной илистой пучины.

Из темноты донеслось слабое бульканье. Грош закупорил пузырек с эликсиром и приступил к делу.

– Чернильницы все наполнены, ученик почтальона Стэнли? – нараспев произнес он.

– Так точно, младший почтальон Грош! Ровно на треть дюйма от горлышка, как предписано в Уставе Работников Почтамта, в главе Заведования Хозяйством, параграф С-18, – отпартовал Стэнли.

Грош зашелестел страницами огромного фолианта, водруженного на пюпитр.

– Можно посмотреть картинку, господин Грош? – попросил Стэнли с благоговением.

Грош улыбнулся. Это было частью их ритуала, и он дал юноше свой обычный ответ.

– Так и быть, но это в последний раз. Ни к чему зазря смотреть на лик божий, – сказал он. – И на другие части тела.

– Но, господин Грош, ты же говорил, что в холле раньше стояла его статуя, вся из золота. Люди, наверное, постоянно на нее смотрели.

Грош замялся. Но Стэнли был растущим юношей. Рано или поздно придется все ему рассказать.

– По правде сказать, не припомню, чтобы люди обращали особое внимание на его лик, – сказал он. – Они все больше заглядывались на... крылья.

– На фуражке и туфлях, – подхватил Стэнли. – Чтобы лететь на них и рассылать почту со скоростью... почты.

Капелька пота скатилась со лба Гроша.

– На фуражке и туфлях, да, и там тоже, – ответил он. – Но... не *только* там.

Стэнли пригляделся к рисунку повнимательнее.

– Ах да. Не замечал раньше. У него крылышки на...

– На фиговом листе, – быстро перебил Грош. – Так мы это называли.

– Но зачем ему тут лист?

– О, в старину все такие носили, потому что это был классицизм, – ответил Грош с облегчением, радуясь, что разговор ушел в сторону от каверзной сути. – Это фиговый лист. С фигового дерева.

– Ха-ха, вот дураки-то, откуда же у нас фиговые деревья! – воскликнул Стэнли, словно обнаружил прореху в давно устоявшейся догме.

– Верно подмечено, юноша, но лист все равно был из железа, – терпеливо ответил Грош.

– А крылья? – спросил юноша.

– Ну-у, вероятно, тогда думали: чем больше крыльев, тем лучше, – ответил Грош.

– Да, но если крылья на фуражке и на туфлях перестанут работать, удержат ли его...

– Стэнли! Это всего лишь статуя! Не перевозбуждайся! Успокойся! Ты же не хочешь огорчать... их.

Стэнли свесил голову.

– Они снова шептали мне что-то, господин Грош, – сознался Стэнли тихим голосом.

– Да, Стэнли. Мне тоже.

– Я помню, как это было в прошлый раз, господин Грош. Они разговаривали ночью, – произнес Стэнли дрожащим голосом. – Я зажмурился, но строчки так и стояли передо мной...

– Да, Стэнли. Не переживай. Постарайся не думать об этом. Это все господин фон Липвиг виноват, он разворошил их. Я говорю: оставьте вы их в покое. Но кто меня слушает? Никто – и вот результат. Все узнают на собственном горьком опыте.

Стэнли начало потряхивать.

– Кажется, только вчера караульные белым мелом обводили господина Тихабля. Вот кто узнал на своем опыте!

– Ну-ну, успокойся, – Грош легонько похлопал его по плечу. – Ты их вспугнешь. Думай о булавах.

– Но какая несправедливость, господин Грош, что они так быстро погибают и не успевают повысить тебя до старшего почтальона!

Грош шмыгнул носом, лицо его стало мрачнее тучи.

– Ну все, довольно, Стэнли. Это не имеет значения.

– Но господин Грош, ты уже очень, очень старый, – настаивал Стэнли, – а все еще младший почта...

– Я сказал, *довольно*, Стэнли. Теперь, будь добр, поднеси лампу поближе... так-то лучше. Зачитаю страничку Устава, они от этого всегда притихают. – Грош прочистил горло. – Сейчас я зачитаю Устав, главу «Правила Доставки» (Столица) (Воскресенья и осьмицы – выходные дни), – объявил он в пространство, – которая гласит: «Все доставляемые письма должны быть доставлены по домам адресатов в черте города Анк-Морпорк в указанные часы: ночная доставка до восьми часов пополудни, первая смена. Утренняя доставка до восьми часов утра, вторая смена. Утренняя доставка до десяти часов утра, третья смена. Утренняя доставка до полудня, четвертая смена. Дневная доставка до двух часов, пятая смена. Дневная доставка до четырех часов, шестая смена. Вечерняя доставка до шести часов, седьмая смена». Таковы часы доставки, и я их огласил. – Грош на секунду склонил голову, а потом захлопнул фолиант.

– Зачем мы это делаем, господин Грош? – робко спросил Стэнли.

– Все из-за претенциозности, – ответил Грош. – Вот в чем все дело. Про-танцы-возность сгубила Почтамт. Про-танцы-возность, и жадность, и Чертов Тупица Джонсон, и Полный Пи.

– Полный Пи, господин Грош? Но что это...

– Не спрашивай, Стэнли. Там все очень сложно и нет ни слова о булавах.

Они потушили свечи и удалились.

Как только они ушли, послышался слабый шепот.

Глава третья

Своими силами – и никак иначе

В которой наш герой окунается в мир булавок – Зеленичик & амперсанды – З.Л.П. – Навстречу судьбе – Девушка и ее големы – Бизнес как бизнес и очередное обсуждение сути свободы – Клерк Брайан старается

– Пора Вставать, Господин Вон Липвиг. Труба Зовет. Начинается Новый День На Должности Почтмейстера.

Мокриц разлепил одно веко и зыркнул на голема.

– Ты что же, еще и мой личный будильник? – спросил он. – А-а-ах! Мой язык! Как будто мышеловкой прижало.

То ползком, то кубарем Мокриц выбрался со своего ложа на толще конвертов и смог встать на ноги только у самых дверей комнаты.

– Мне нужна новая одежда, – сообщил он. – И еда. И зубная щетка. Так что я пойду на улицу, господин Помпа. А ты *оставайся здесь*. Займись чем-нибудь. Приберись. Сотри наскальную живопись со стен. Пусть здесь хотя бы на вид станет почище.

– Как Прикажешь, Господин Вон Липвиг.

– То-то же! – ответил Мокриц и зашагал прочь – точнее, сделал ровно один шаг и вскрикнул от боли в ноге.

– Осторожнее, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа.

– И вот еще что, – сказал Мокриц, прыгая на одной ноге. – Откуда ты знаешь, где меня искать? Как ты меня выслеживаешь?

– По Кармическому Следу, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

– Это еще что значит? – не унимался Мокриц.

– Это Значит, Что Я Всегда Точно Знаю, Где Ты Находишься.

Глиняное лицо не выражало эмоций. Мокриц сдался.

Прихрамывая, он вышел на улицу навстречу тому, что в этом городе вполне могло сойти за свежее утро. За ночь подморозило, и воздух был слегка кусачим, отчего у Мокрица разыгрался аппетит. Нога еще болела, но терпимо, и уже можно было обойтись без костыля.

Мокриц фон Липвиг шел по городу. Неслыханное дело. Покойный Альберт Стеклярс мог себе это позволить, а также Мунд Смит, и Эдвин Донитки, и еще полдюжины личин Мокрица (ох уж это имечко, каких только шуток он о нем не слышал), которые он сам придумывал и сам же от них избавлялся. Да, за каждым из них стоял Мокриц, но снаружи всегда были *они*, пряча его ото всех.

Эдвин Донитки был его шедевром. Неуверенный в себе жулик, который из кожи вон лез, чтобы на него обратили внимание. До того явно и безнадежно плохо пытался он мошенничать при игре в наперстки и прочих уличных трюках, что люди выстраивались в очередь, чтобы надуть неуклюжего жулика, и покидали его с улыбкой на устах... которая сползала с их лиц, когда они пытались потратить с такой легкостью доставшиеся монеты.

У искусства подлога есть свой секрет, и Мокрицу он был знаком: в спешке или от переизбытка чувств чужое воображение доделает вашу работу за вас. Люди так захотят облапошить такого простофилю, что *их собственное зрение* само дорисует все нюансы, которые даже не проработаны на вожаемых монетах. От вас требуется лишь... намекнуть.

Но и это были цветочки. Некоторым вовсе не суждено было узнать, что они прятали в кошелек фальшивые монеты, потому что так они подсказывали бестолковому Донитки, в каком кармане его держали. Позже они обнаруживали, что, хоть Донитки и не умел обращаться с колодой карт, этот недочет с лихвой искупало его мастерство карманника.

Теперь же Мокриц чувствовал себя очищенной криветкой. Словно он вышел на улицу голым. Но никто так и не обращал внимания. Никто не окликал его: «Эй, ты!», никто не кричал: «Вот же он!» Он был просто человеком в толпе. Странное, непривычное ощущение. Никогда прежде ему не приходилось быть самим собой.

Он отпраздновал это покупкой карты города в Гильдии Купцов, съел сэндвич с беконом и запил его кофе, жирным пальцем водя по списку городских кабаков. Там Мокриц не нашел того, что искал, зато нашел это в списке парикмахерских и довольно улыбнулся. Он любил оказываться прав.

Заодно он нашел адрес «Булавочной биржи Дэйва» в Сестричках Долли, в переулке между домом терпимости и массажным салоном. Там скупали и продавали булавки ценителям.

Мокриц допил кофе с тем выражением лица, по которому люди, хорошо его знавшие – каковых, честно говоря, не существовало в природе, – распознали бы, что он что-то замышляет. Люди... в конечном счете, все всегда сводится к людям. И раз уж ему предстояло здесь задержаться на время, стоило устроиться с комфортом.

Мокриц отправился к самопровозглашенной «Обители акуфилиста!!!!».

Как будто он приподнял неприметный булыжник и обнаружил вход в совершенно иной мир. «Булавочная биржа Дэйва» была из числа тех магазинчиков, где владелец знает всех покупателей по имени. О, этот дивный мир – мир булавок, увлечение длиною в жизнь. Об этом Мокриц узнал, купив за доллар «Булавки» Джея Волосатика Олсбери – якобы исчерпывающий материал на тему. Мокриц ничего не имел против всяких безобидных чудачеств, но среди людей, которые при виде девушки в шляпке обратят внимание на шляпные булавки, ему было как-то не по себе. Покупатели прохаживались вдоль книжных полок («Зацепки», «Стрелки и дефекты», «Булавки Убервальда и Орлеи», «Булавки для новичков», «Забавы акуфилиста») и жадно глазели на ряды булавок, разложенные под стеклом, иногда с такими серьезными выражениями лиц, что Мокрицу было страшно. Они все чем-то напоминали Стэнли. И все были мужчинами. Видимо, женщины и булавки были несовместимы.

Он нашел «Все Булавки» в самом нижнем ряду. Смазанный текст свидетельствовал о домашней печати, мелкие буквы тесно жались друг к другу, недосчитываясь таких мелочей, как абзацы, а в большинстве случаев и пунктуации – запятые видели выражение лица Стэнли и решали лишний раз его не беспокоить.

Мокриц положил тонкий журнальчик на прилавок, и продавец – косматый бородатый здоровяк с булавкой в носу и пивным животом, которого хватило бы на троих, с татуировкой «Булавки или Смерть» на предплечье – подобрал журнал и презрительно бросил обратно.

– Может, что-нибудь другое, господин? У нас тут «Ежемесячные булавки», «Булавочные новинки», «Практические булавки», «Современные булавки», «Булавки Экстра», «Булавки Интернешнл», «Говорящие булавки», «Мир булавок», «Булавочный мир», «Булавки и мир», «Булавки и булавочники»... – Мокриц ненадолго отключился, но вовремя встрепенулся, – «Дайджест акуфилиста», «Экстремальные булавки», «*Штифте!*» – это убервальдский, очень полезная вещь, если собирать иностранные булавки, – «Булавки для начинающих» – а это журнал-коллекционер, новая булавка в каждом номере, – «Время булавок» и, – здоровяк подмигнул, – «Булавки красных фонарей».

– Этот я видел, – сказал Мокриц. – Там в основном иконографии молоденьких женщин в кожаных нарядах.

– Это да. Но все они демонстрируют булавки... почти все. Ну что, тебе точно «Все булавки»? – уточнил он, словно желая дать дураку последний шанс одуматься.

– Да, – ответил Мокриц. – А что с ним не так?

– Да все так, – Дэйв задумчиво почесал брюхо. – Просто их издатель чутка... того...

– Чутка чего? – спросил Мокриц.

– Ну, в общем, нам кажется, он чутка повернут на булавках.

Мокриц посмотрел по сторонам.

– Неужели? – удивился он.

Мокриц зашел в кафе поблизости и принялся листать журнал. В прежней жизни он хорошо поднаторел в том, чтобы запоминать о любом предмете ровно столько, чтобы казаться сведущим в вопросе человеком – по крайней мере, людям несведущим. Закончив, он вернулся в магазин.

У всех были свои кнопочки. Для многих это была жадность. Старая добрая жадность служила Мокрицу верой и правдой. Для других – гордыня. Например, для Гроша. Он отчаянно грезил о повышении, это у него на лбу было написано. Найди кнопочку – и все пойдет как по маслу.

Что же до Стэнли... с ним будет просто.

Когда Мокриц вошел, здоровяк Дэйв рассматривал под лупой булавку. Час пик булавочной торговли, видимо, подходил к концу, поскольку магазинчик почти опустел, и лишь несколько бездельников продолжали околачиваться около витрин с булавками и полок с журналами.

Мокриц проскользнул к прилавку и откашлялся.

– Слушаю, господин? – здоровяк Дэйв оторвался от своей работы. – А, снова ты? Запало в душу, да? Приглянулось что?

– Пачку перфорированной бумаги для булавок и пакет карамелек за десять пенсов, – громко объявил Мокриц. Остальные посетители на мгновение повернули головы в его сторону, пока Дэйв снимал товары с витрины, и тут же отвернулись обратно.

Мокриц перегнулся через прилавок.

– Хотелось бы узнать, – зашептал он, – нет ли у тебя здесь чего-нибудь... поострее?

Здоровяк посмотрел на него настороженно.

– В каком смысле поострее? – спросил он.

– В этом самом, – ответил Мокриц. Он прочистил горло. – Чего-нибудь... колючего.

Звякнул колокольчик, когда последний посетитель, наглядевшись на булавки, покинул магазин. Дэйв проводил его взглядом и сосредоточил внимание на Мокрице.

– А ты, я погляжу, эксперт, да? – сказал он и подмигнул.

– Прилежный ученик, – ответил Мокриц. – Все, что я вижу на витрине, оно...

– Никаких гвоздей! – отрезал Дэйв. – Им не место в моем магазине! Не дам порочить свое доброе имя! Сюда же дети ходят!

– О, нет! Я исключительно по булавкам, – торопливо заверил Мокриц.

– Вот и славно, – сказал Дэйв и расслабился. – Как нарочно, есть у меня пара вещей, достойных истинного коллекционера. – Он кивнул на занавески из бус, отгораживающие внутреннюю часть магазина. – Не всякий товар можно выставлять всем на обозрение – такая молодежь пошла, сам понимаешь...

Мокриц направился с ним за шуршащую штору и очутился в тесной комнатенке, где Дэйв подозрительно огляделся по сторонам и только после этого снял с полки маленький черный ящичек и приоткрыл его прямо под носом у Мокрица.

– Такое не каждый день увидишь, верно? – сказал Дэйв.

О боги, да это же булавка, подумал Мокриц, но вслух сказал «Ого!» мастерски отрабottанным тоном искреннего изумления.

Несколько минут спустя он вышел на улицу, борясь с искушением отвернуть воротник сюртука. Вот чем было опасно подобное безумие. Оно могло обрушиться на тебя в любой момент. В конце концов, не он ли только что потратил семьдесят анк-морпоркских долларов на треклятую булавку?!

Мокриц усталился на маленькие свертки у себя в руках и тяжело вздохнул. Бережно спрятав их в карман сюртука, он нащупал там что-то бумажное.

Ах да, письмо З.Л.П. Он уже хотел снова сунуть его поглубже в карман, как краем глаза заметил на другой стороне древний указатель с названием: Лоббистская улица. Мокриц окинул узкую улочку взглядом и на первой же лавке увидел вывеску:

**№ 1 А. ПАРКЕР & СЫН
ЗЕЛЕННАЯ
ПЕРВОКЛАССНЫЕ ФРУКТЫ & ОВОЩИ**

Почему бы не взять и не доставить письмо прямо сейчас? А что! Почтмейстер он или не почтмейстер? С него не убудет.

Он нырнул в лавку. Мужчина средних лет выдавал морковь и петрушку – или морковь & петрушку? – внушительных размеров даме с большой хозяйственной сумкой и волосатыми бородавками.

– Господин Антимоний Паркер? – деловито осведомился Мокриц.

– Одну минуту, господин, сейчас освобожусь & подойду, – начал он.

– Мне просто нужно знать, Антимоний ты Паркер или нет, – объяснил Мокриц. Женщина метнула на непрошеного гостя свирепый взгляд, и Мокриц одарил ее в ответ такой безупречной улыбкой, что она зарделась и на мгновение пожалела, что не сделала перед выходом макияж.

– Это мой отец, – сказал зеленщик. – Он сейчас во дворе & сражается с упертым кочаном капусты.

– Тогда это ему, – сообщил Мокриц. – Почта, – он положил конверт на прилавок и в спешке покинул зеленную.

Продавец и покупательница уставились на розовый конверт.

– З.&Л.&П.? – не понял зеленщик.

– О, какие это навевает мне воспоминания, господин Паркер, – сказала женщина. – В пору моей юности так мы подписывали письма своим кавалерам. Запечатано любящим поцелуем. Правда же? Были З. Л.П., а еще Л.А.Н.К.Р. и, разумеется, – она хихикнула и перешла на шепот, – К.Л.А.Ц. Помнишь?

– Это все прошло мимо меня, госпожа Пышнотел, – процедил продавец, – & если это значит, что молодые люди посылают моему отцу розовые письма в поцелуях, то оно & к лучшему. Вот времена пошли, а? – Он отвернулся и повысил голос: – Отец!

Вот и сделал за сегодня одно доброе дело, подумал Мокриц. Ну, по крайней мере, дело.

Похоже, господин Паркер так или иначе умудрился обзавестись потомством. И все же было... странно думать обо всех письмах, скопившихся в этом старом здании. Они представлялись ему упакованной в конверты историей. Доставь конверт адресату – и история свернет в одно русло. Но урони его в щель между половицами – и она свернет в другое.

Хм. Он покачал головой. Можно подумать, один крошечный поступок одного маленького человека мог бы всерьез что-то изменить! История должна быть крепким орешком. Все возвращается на круги своя, разве не так? Он точно что-то такое где-то читал. В противном случае никто бы *в жизни* ничего не осмелился сделать.

Мокриц постоял на небольшой площади, где сходились восемь дорог, и решил отправиться домой через Рыночную улицу. Она была не хуже и не лучше других.

Удостоверившись, что Стэнли и голем расчищают почтовые завалы, господин Грош крался по лабиринту коридоров. Стопы писем громоздились до самого потолка, да так плотно, что ему едва удавалось протиснуться между ними, но наконец он добрался до шахты давно заброшенного гидравлического подъемника. Шахта была забита письмами. А вот аварийная лестница при шахте была пуста и вела на крышу. Имелась еще пожарная лестница снаружи,

но то *снаружи*, а Грош и в лучшие-то времена недолюбливал выходить за порог Почтамта. Он жил здесь, как крошечная улитка в гигантской раковине. Он привык к темноте.

И вот, медленно и со скрипом, он на трясущихся ногах преодолел этажи писем и открыл люк в потолке.

Он заморгал, содрогнулся от непривычного солнечного света и выкарабкался на плоскую крышу.

Никогда Грош не был в восторге от этого дела, но что ему еще оставалось? Стэнли ел, как птенец, да и сам Грош перебивался чаем да сухарями, но все это стоило денег, даже если ходить на рынок прямо перед закрытием, а в какой-то момент, уже не один десяток лет назад, жалование попросту перестало приходить. Грош слишком боялся пойти во дворец и разузнать причину. Боялся, что, если попросит денег, его уволят. Так что он придумал сдавать в аренду старую голубятню. А почему бы и нет? Почтовые голуби давно уже стали вольными птицами, а приличная крыша над головой в Анк-Морпорке – это вам не кот начхал. Даже если там немного и пованивало. Зато пожарная лестница и все такое. Целый дворец по сравнению со многими съемными комнатами.

К тому же ребята его заверили, что ничего не имеют против запаха. Они разводили голубей. Грош понятия не имел, что это значит, но, видимо, без установки небольшой клик-башенки им было не обойтись. Платили они исправно, и это было самое главное.

Грош обогнул ливневый колодец от неработающего подъемника и стал пробираться по крыше к голубятне. Он вежливо постучался.

– Это я, ребятки. Пришел за оплатой, – сказал он.

Дверь открылась, и до него донесся обрывок разговора:

– ...сцепления так не продержатся и тридцати секунд...

– А, господин Грош, проходи, – пригласил человек, открывший ему дверь. Это был господин Карлтон, чьей бороде позавидовал бы и гном – да что там, целых *два* гнома. Он казался сообразительнее обоих своих соседей, что само по себе было нетрудно.

Грош снял фуражку.

– Я за оплатой, господин, – повторил он, заглядывая в голубятню поверх его плеча. – А еще у нас новости. У нас, чтоб вы знали, новый почтмейстер. Так что постарайтесь вести себя потише некоторое время. Предупрежден – значит вооружен, так?

– И на сколько же его хватит? – спросил сидящий на полу человек, который копался в большом металлическом барабане, напичканном чем-то, что Грош принял за сложный часовой механизм. – К субботе ты уж спихнешь его с крыши, верно?

– Знаешь, господин Винтон, нечего надо мной так смеяться, – нервно ответил Грош. – Пусть проведет здесь несколько недель, пообживется, тогда я ему и... намекну про вас, ладно? Как дела у голубей? – Он увидел в каморке только одну птицу, спрятавшуюся в угол под потолком.

– Вышли полетать, – сказал Винтон.

– Ну и ладно, тогда у меня все, – сказал Грош.

– Мы сейчас все больше по дятлам, – сказал Винтон, извлекая из барабана изогнутую металлическую ленту. – Видишь, Алекс, говорил же я, что его погнуло. И эти две шестеренки ничего не держит...

– По дятлам? – переспросил Грош.

В комнате даже стало холоднее, как будто он сказал что-то лишнее.

– Верно, по дятлам, – раздался третий голос.

– По дятлам, господин Эмери?

Третий птицевод всегда действовал Грошу на нервы из-за его бегающих глазок, точно он хотел всегда видеть все и сразу. И в руках у него вечно была какая-нибудь дымящаяся трубка или какой другой прибор. Они вообще все были очень увлечены трубками и шестеренками. И

вот ведь какая штука: Грош ни разу не видел, чтобы они держали в руках голубей. Грош, может, и не знал, как заводят голубей, но предполагал, что это должно быть на близком расстоянии.

– Да, дятлы, – сказал тот, а трубка в его руке сменила цвет с красного на синий. – Потому что... – тут он умолк и вроде призадумался, – мы изучаем, можно ли их научить... а, во, отступать сообщения, когда они прилетают. Куда до них голубям.

– Почему? – спросил Грош.

Господин Эмери с минуту посмотрел вокруг.

– Потому что дятлы смогут... передавать сообщения в темноте? – закончил он.

– Молодец, – пробормотал человек, разбиравший барабан.

– О, понимаю, понимаю, незаменимая была бы вещь, – сказал Грош. – И все равно не верю, чтобы они смогли одолеть клик-башни.

– Вот это мы и хотим узнать, – сказал Винтон.

– И мы будем очень признательны, если ты никому не будешь об этом рассказывать, – быстро добавил Карлтон. – Вот твои три доллара. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь своровал нашу идею, понимаешь?

– Мой рот на замке, ребятки, – пообещал Грош. – Даже не беспокойтесь, на старика Гроша можно положиться.

Карлтон придержал дверь.

– Мы знаем. До свиданья, господин Грош.

Дверь за Грошем захлопнулась, и он засеменил по крыше обратно к лестнице. Ему показалось, что в голубятне назревала ссора.

– Вот надо было тебе взять и все рассказать, – услышал он.

Стало немного обидно, что они ему не доверяли. Спускаясь по высокой лестнице, Грош подумал про себя, не лучше ли было объяснить им, что дятлы не будут летать по темноте. Удивительно, что такие умные ребятки и такую простую вещь проглядели. Какие они все же наивные, подумал он.

В четверти мили оттуда – и сотней футов ниже – подобно летящему при свете дня дятлу шел навстречу своей судьбе Мокриц.

В данный момент судьба вела его улицами, которые вы бы предпочли избегать при покупке недвижимости. Повсюду здесь были граффити и мусор. Граффити и мусор, справедливости ради, были повсюду в городе, но в других местах мусор был лучшего качества, а граффити – чуть ближе к правильной грамматике. Весь район как будто находился на пороге грандиозного события – пожара, например.

Тут-то он и увидел ее. Это была одна из тех жалких лавочек, которые не протягивают на новом месте и нескольких дней, потому что у них «Скидки на весь товар!» и «Распродажа!» носков с двумя пятками, колготок с тремя ногами и рубашек с одним рукавом длиной в четыре фута. Окно было заколочено досками, но из-под граффити на них еще выглядывала надпись: «ТРЕСТ ГОЛЕМОВ».

Мокриц открыл входную дверь. Битое стекло хрустнуло у него под ногами.

– Держи руки на виду, господин, – раздался голос.

С опаской подняв руки вверх, он стал вглядываться во тьму. В руках у сокрытой мраком фигуры определенно был арбалет. Редкий свет, которому удалось протиснуться сквозь доски, отражался от наконечника стрелы.

– Хм, – сказал голос из темноты, несколько раздраженный тем, что нет повода в кого-нибудь выстрелить. – Тогда ладно. А то вчера приходили тут...

– Окно разбили? – спросил Мокриц.

– Это случается примерно раз в месяц. Я как раз подметала. – Послышалось, как чиркнула спичка, а затем загорелась лампа. – На самих големов они уже не нападают с тех пор, как те стали свободно передвигаться. Но стекло-то сдачи не даст.

Лампа осветила фигуру высокой молодой женщины в узком шерстяном платье. У нее были черные как смоль волосы, прилизанные и туго стянутые в пучок на затылке, из-за чего она напоминала веревочную куклу. Судя по легкой красноте вокруг глаз, она плакала.

– Ты вовремя успел, – сказала она. – Я зашла только проверить, все ли на месте. Ты продаешь или нанимаешь? Руки уже можно опустить, – добавила она, убирая арбалет под стол.

– Продаю или нанимаю? – переспросил Мокриц, осторожно опуская руки.

– Големов, – пояснила она тоном, каким разговаривают с умственно отсталыми. – У нас здесь трест го-ле-мов. Мы покупаем и сдаем внаем го-ле-мов. Ты хочешь продать го-ле-ма или нанять?

– Ни то ни дру-го-е, – ответил Мокриц. – У меня уже есть го-лем. То есть он на меня ра-бо-та-ет.

– В самом деле? Где же? – поинтересовалась женщина. – И давай немного побыстрее.

– На Почтамте.

– О, Помпа 19, – сказала она. – Он говорил, что поступил на государственную службу.

– Мы зовем его *господин* Помпа, – парировал Мокриц.

– Да что ты говоришь? А на душе у тебя в это время становится тепло и приятно от собственного великодушия?

– Не понял? – переспросил сбитый с толку Мокриц. Ему показалось, она умудрилась посмеяться над ним, продолжая при этом хмуриться.

Она вздохнула.

– Извини, я сегодня немного взвинчена. Когда тебе на стол падает кирпич, это сказывается на настроении. В общем, големы видят мир совсем не так, как видим его мы, это понятно? Они по-своему умеют чувствовать, но их чувства отличаются от наших. Короче... чем я могу помочь, господин..?

– Фон Липвиг, – сказал Мокриц и тут же добавил: – *Мокриц* фон Липвиг, – чтобы разделиться с этим окончательно. Но дама даже не улыбнулась.

– Липвиг, небольшой городок в Ближнем Убервальде, – проговорила она, подобрала кирпич с груды осколков и щепок на столе, повернулась к ветхому картотечному шкафу и поместила кирпич в ячейку «К». – Главная статья экспорта – знаменитые собаки, на втором месте – пиво, не считая двух недель в течение Сектоберфеста, когда на экспорт поступает... пиво из вторсырья, я бы сказала. Правильно?

– Понятия не имею, – ответил Мокриц. – Я был маленьким, когда мы уехали оттуда. Для меня это просто смешное имя.

– Посмотрела б я на тебя, если б тебя звали Дора Гая Ласска.

– А вот это не смешно.

– Именно, – согласилась Дора Гая Ласска. – В результате я начисто лишена чувства юмора. Ну а теперь, когда мы обменялись всеми любезностями, что же тебе все-таки нужно?

– Дело в том, что Витинари взвалил на меня господина... кхм, Помпу 19 в качестве... ассистента, но я не знаю, как обращаться с... – Мокриц заглянул девушке в глаза в поисках политкорректного термина, и ограничился: – ним.

– То есть? Нормально с ним обращаться.

– Нормально по человеческим меркам или по меркам глиняного существа с огнем внутри?

К изумлению Мокрица, девушка выудила из ящика стола пачку сигарет и закурила. Неправильно расценив его реакцию, она протянула ему пачку.

– Нет, спасибо, – отмахнулся он.

Если не считать пары старушек с трубками в зубах, он никогда не видел, чтобы женщина курила. Это было... на удивление привлекательно, особенно с учетом того, что курила она так, будто у нее с сигаретой были свои счеты: втягивая дым в легкие и выдыхая его почти мгновенно.

– И тебя это напрягает? – спросила она. Когда госпожа Ласска не затягивалась, она держала сигарету на уровне плеча, правой рукой обхватив локоть левой. По виду Доры Гаи Ласски создавалось впечатление, что вся она кипит негодованием, которое еле-еле прикрыто крышкой.

– Конечно! То есть... – начал Мокриц.

– Пф! Та же история, что и с движением за равенство по росту, когда нам скормливали этот нравоучительный бред о гномах и о том, что нельзя использовать такие выражения, как «невысокого мнения» и «низкие показатели». У големов нет наших заморочек о том, кто я да почему я здесь, понимаешь? Потому что они это *знают*. Они были созданы инструментами, чтобы быть собственностью, чтобы работать. И они работают. Это их *суть*, если можно так сказать. И никаких экзистенциальных метаний.

Нервозным движением госпожа Ласска затянулась и выпустила дым.

– А потом эти придурки берут и называют их «индивидуумами из глины», «господином Ключом» и так далее, что непонятно самим големам. Они понимают *идею* свободной воли. Еще они понимают, что у них ее нет. Хотя, конечно, когда голем принадлежит сам себе, это совсем другая история.

– Сам себе? – переспросил Мокриц. – Как может собственность принадлежать сама себе? Ты же говорила...

– Они копят деньги и *выкупают* себя, а как же еще! Индивидуальная собственность – это единственный путь к свободе, который они могут принять. Мы так и работаем: свободные големы поддерживают траст, траст покупает големов при любом удобном случае, и новые големы выкупают себя у траста. Дела идут успешно. Вольные големы круглосуточно зарабатывают деньги, и их число все растет и растет. Они не едят, не спят, не требуют одежды и не понимают идею праздности. А пачка гончарной глины стоит недорого. Каждый месяц они покупают все больше големов, платят жалованье мне и заоблачную арендную плату, которую дерет с нас хозяин этой помойки, потому что знает, что сдает големам. Они же никогда ни на что не жалуются. Такие *терпеливые*, что скулы сводит.

Пачка гончарной глины, подумал Мокриц. Он хотел было запомнить эти слова на всякий пожарный, но его мысли оказались заняты всепоглощающим осознанием того, до чего хорошо выглядят некоторые женщины в самых безыскусных платьях.

– Но их же никак нельзя повредить? – выдавил он.

– Еще как можно! Удар кувалдой в правильное место может сделать голему очень плохо. Големы, принадлежащие не себе, так и будут стоять и сносить удары. Трастовым големам разрешено обороняться, а когда существо в тонну весом вырывает кувалду у тебя из рук, отпустить ее придется *очень* быстро.

– Кажется, господину Помпе разрешено бить людей, – сказал Мокриц.

– Очень может быть. Многие вольные против этого, но другие считают, что инструмент нельзя винить за то, к чему его применяют, – сказала госпожа Ласска. – У них часто бывают дебаты по этому поводу. Нескончаемые дебаты.

Кольца на пальце нет, заметил Мокриц. С чего бы привлекательной девушке работать на стадо глиняных людей?

– Все это *ужасно* интересно, – сказал Мокриц. – Где можно узнать об этом подробнее?

– У нас есть буклет, – сообщила почти наверняка незамужняя госпожа Ласска, открыв ящик, и швырнула на стол листовку. – Пять пенсов.

На титульном листочке стоял заголовок: «Глина обыкновенная».

Мокриц вытащил доллар.

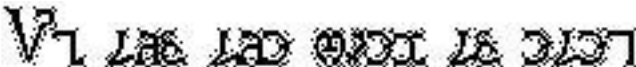
– Сдачи не надо, – сказал он.

– Нет! – ответила госпожа Ласска, роясь в ящике стола в поисках монет. – Ты что, не читал надпись на входе?

– Читал. Там написано «Грами уродафф», – сказал Мокриц.

Госпожа Ласска устало приложила ладонь ко лбу.

– Ах да. Маляр еще не приходил. Но под этим... вот, посмотри на обороте буклета...

– , – прочитал Мокриц... по крайней мере, пробежал взглядом.

– Это их собственный язык. Он в некотором роде... сакральный. На нем якобы разговаривают ангелы. В переводе звучит как: «Своими Силами – И Никак Иначе». Они очень ценят независимость. Ты даже не представляешь.

«O-go-go, – подумал Мокриц. – Да она ими восхищается. И что это там про ангелов?»

– Спасибо за все, – сказал Мокриц. – Мне, пожалуй, пора. Я обязательно... в общем, спасибо.

– Чем ты занимаешься на Почтамте, господин фон Липвиг? – спросила она, когда Мокриц уже открыл дверь.

– Зови меня Мокриц, – сказал он, и частичка его внутреннего «я» содрогнулась. – Я новый почтмейстер.

– Да ладно? – удивилась госпожа Ласска. – Тогда хорошо, что у тебя есть Помпа 19. Говорят, последних почтмейстеров надолго не хватало.

– Кажется, я что-то такое слышал, – весело ответил Мокриц. – Похоже, туго им здесь приходилось в былые времена.

Госпожа Ласска нахмурилась.

– Былые времена? – переспросила она. – Это прошлый-то месяц *былые времена*?

Лорд Витинари стоял у окна. Когда-то из него открывался прекрасный вид на город – то есть вид по-прежнему открывался, только сейчас городские крыши являли собой частокolik-башен, перемигивающихся и переливающихся на солнце. Над Тумпом, старинным городищем за рекой, на высокой башне, откуда на две тысячи миль начинала петлять до самой Орлеи Гранд Магистраль, мерцал семафор.

Приятно было наблюдать за стройным течением жизненных соков торговли, коммерции и дипломатии, когда в твоём подчинении находились первоклассные дешифровщики. Черные и белые днем, светлые и темные ночью, заслонки замирали только в туман и снегопад.

Так, по крайней мере, было еще несколько месяцев назад. Витинари вздохнул и сел обратно за стол.

На столе была открытая папка. В папке – рапорт от командора Городской Стражи Ваймса, в рапорте – много восклицательных знаков. Там же был и более сдержанный рапорт от клерка Альфреда, где лорд Витинари обвел в кружок раздел, озаглавленный «Дымящийся ГНУ».

В дверь мягко постучали, и в кабинет тенью юркнул Стукпостук.

– Пожаловали господ из семафорной компании «Гранд Магистраль», сэр, – сказал он и выложил перед ним несколько листов бумаги, испещренных убогими замысловатыми черточками. Витинари бросил на стенограмму беглый взгляд.

– Пустая болтовня? – спросил он.

– Да, милорд. *Нарочито* пустая, можно сказать. Но я ручаюсь, что ушко переговорной трубы совершенно незаметно под лепниной, ваше сиятельство. Клерк Брайан искуснейшим образом спрятал его в рожке позолоченного херувима. Очевидно, прием звука там лучше, и рожок можно повернуть и направить на кого...

– Не обязательно видеть что-либо, чтобы знать, что оно есть, Стукпостук, – Витинари постучал пальцем по бумаге. – Они не дураки. Точнее, не все они. Документы у тебя?

Лицо Стукпостука на мгновение исказилось болезненной гримасой человека, вынужденного пойти на предательство высоких идеалов делопроизводства.

– В некотором роде, милорд. На самом деле у нас нет ничего вещественного ни по одному из обвинений, вообще ничего. Мы готовы провести вердикторий в Продолговатом кабинете, но, увы, сэр, в нашем распоряжении только слухи. Есть... намеки... тут и там, но нам очень нужно что-то более существенное...

– Возможность еще представится, – сказал Витинари. Быть абсолютным правителем в эти дни стало не так-то просто, как могло показаться. Особенно если в твои планы входило оставаться на этом посту и завтра. Это был вопрос тонкий. Никто не запрещает посылать своих людей вышибать ногами двери и волочь народ в темницы без суда и следствия, но увлекаться подобными вещами – это крайне безвкусно, мешает бизнесу, вызывает зависимость и очень, очень вредно для здоровья. Витинари полагал, что разумному тирану приходится справляться с задачей гораздо более сложной, чем правителю, пришедшему к власти посредством дурацкой системы «выбери сам», вроде демократии. Такой избранный хотя бы мог напомнить подданным, что они в нем сами виноваты.

– ...в обычной ситуации было бы рано заводить отдельные досье на каждого, – не находил себе места Стукпостук. – Видите ли, я лишь сослался на них в порядке...

– Твое беспокойство, как всегда, вызывает восхищение, – заметил лорд Витинари. – Однако я вижу, досье ты все же подготовил.

– Да, милорд. Я добавил им толщины за счет копий отчетов клерка Гарольда о производстве свинины в Орлее, сэр, – с несчастным видом Стукпостук передал патрицию картонную папку. Намеренная халатность в делопроизводстве скребла как железом по стеклу самого его естества.

– Очень хорошо. – Витинари сложил папки на свой стол, извлек из ящика стола еще одну, которую положил сверху остальных, и переложил несколько бумаг, чтобы прикрыть невысокую стопку. – Теперь можешь приглашать наших гостей.

– С ними господин Кривс, милорд, – сообщил секретарь.

Витинари улыбнулся улыбкой, в которой не было и тени веселья.

– Какая неожиданность.

– И господин Хват Позолот, – добавил Стукпостук, внимательно наблюдая за патрицием.

– Ну разумеется.

Когда через несколько минут финансисты стояли в кабинете Витинари, стол для переговоров был девственно пуст, если не считать блокнота и стопки папок. Сам же патриций снова стоял у окна.

– А, господа. Как любезно с вашей стороны заглянуть на пару слов, – сказал он. – Я как раз наслаждался видом.

Он резко обернулся и увидел перед собой ряд удивленных лиц, за исключением двух. Одно, серое, принадлежало господину Кривсу – самому известному, высокооплачиваемому и уж точно самому старому законнику в городе. Уже много лет он был зомби, хотя разницы между его прижизненным и посмертным поведением замечено не было. Другое принадлежало человеку с одним глазом (другой закрывала повязка), и оно хищно улыбалось.

– Мне доставляет несказанное удовольствие видеть Гранд Магистраль снова в деле, – заявил Витинари, не обращая внимания на это лицо. – Вчера линия, кажется, простаивала весь день. Я как раз думал: Гранд Магистраль играет такую важную роль в нашей жизни, и какая жалость, что она у нас только одна. Увы, я в курсе, что вкладчики Новой Магистралы все разбежались, что, бесспорно, делает Гранд Магистраль полноправным хозяином в этой сфере, без всякой конкуренции. Впрочем, что же это я? Присаживайтесь, господа, *присаживайтесь*.

Он дружелюбно улыбнулся господину Кривсу, когда тот уселся.

– Не думаю, что знаком со *всеми* здесь присутствующими, – сказал он.

Господин Кривс вздохнул.

– Милорд, позвольте представить: господин Сдушкомс, представитель партнерства Анк-Сто, казначей компании «Гранд Магистраль»; господин Мускат из холдинга равнины Сто; господин Слыпень из анк-морпоркского Коммерческого кредитного банка; господин Стоули из «Анк-Фьючерсов», финансовый советник; и господин Позолот...

– ...сам по себе, – спокойно произнес одноглазый человек.

– А, господин Хват Позолот, – сказал Витинари, глядя на него в упор. – Ужасно... *рад* нашей встрече.

– Вы никогда не приходите на мои приемы, милорд, – сказал Позолот.

– Что поделать. Дела государственные отнимают слишком много времени, – бросил лорд Витинари.

– Всем необходимо развлекаться время от времени, милорд. От работы, как говорится, и конидохнут.

Некоторые из присутствующих задержали дыхание, услышав такие слова, но Витинари и бровью не повел.

– Любопытно, – сказал он.

Он перебрал бумаги на столе и открыл одну папку.

– Итак, мои сотрудники подготовили для меня кое-какие сводки на основе общедоступных данных с Барбикана, – сообщил он законнику. – Полномочия директоров, к примеру. Конечно, загадочный мир финансовых операций для меня, хм, клатчская грамота, но складывается впечатление, что некоторые ваши клиенты работают друг на друга.

– Это так, милорд, – сказал Кривс.

– Это нормально?

– О, для профессионалов такого уровня самое обычное дело состоять в дирекции нескольких компаний, милорд.

– Даже если это конкурирующие компании? – уточнил Витинари.

Многие за столом заулыбались. Финансисты устроились поудобнее в своих креслах. Патриций явно ни шиша не смыслил в бизнесе. Ну что он мог знать о сложных процентах, в самом деле? Он же получил классическое образование. Тогда они вспомнили, что свое классическое образование он получил в школе при Гильдии Убийц, и перестали улыбаться. А господин Позолот пристально посмотрел на Витинари.

– Есть способы – исключительно благородные способы – обеспечить конфиденциальность и избежать конфликта интересов, милорд, – сказал господин Кривс.

– Ах да, кажется, это называется... как же это... стеклянный потолок? – радостно подхватил Витинари.

– Нет, милорд. Это совсем другое. Полагаю, вы имеете в виду «агатянскую стену», – мягко поправил господин Кривс. – Этот способ бережно и надежно обеспечивает соблюдение полной конфиденциальности в тех случаях, когда, к примеру, в распоряжение члена одной организации поступает закрытая информация, которая теоретически может быть использована другим учреждением в бесчестных целях.

– Поразительно! Как же именно это действует? – спросил Витинари.

– Они договариваются так не делать, – ответил господин Кривс.

– Не понимаю. Вы же говорили, что там какая-то стена... – сказал Витинари.

– Это просто такое название, милорд. Договоренность так не делать.

– А! И все соглашаются? Какая прелесть. Даже если эта несуществующая стена рассекает мозг им напополам?

– У нас есть Кодекс поведения, знаете ли, – раздался голос.

Все взгляды, за исключением господина Кривса, обратились к говорящему, который беспокойно ерзал в своем кресле. Господин Кривс долгое время занимался патрициеведением, и когда предмет его изучения вел себя как несведущий чиновник и задавал невинные вопросы, было самое время наблюдать за ним во все глаза.

– Рад это слышать, господин... – начал Витинари.

– Криспин Слыпень, милорд, и мне не нравится ваш тон!

На мгновение показалось, будто даже стулья отпрянули от него. Господин Слыпень был моложавым человеком, не столько склонным к полноте, сколько устремленным, скачущим и рвущимся к ожирению. К тридцати годам он успел обзавестись впечатляющей коллекцией подбородков, которые теперь горделиво подрагивали².

– У меня есть и другие тона, – спокойно сообщил лорд Витинари.

Господин Слыпень посмотрел на коллег, которые вдруг почему-то оказались за тридевять земель от него.

– Я просто хотел уточнить, что мы ничего не нарушили, – пробормотал он. – И все. Есть же Кодекс поведения.

– Кажется, я и не обвинял никого в нарушениях, – заметил лорд Витинари. – Однако я приму во внимание все, что ты хочешь мне сказать.

Он подтянул к себе лист бумаги и написал на нем аккуратным каллиграфическим почерком: «Кодекс поведения». Из-под бумаги стала видна папка, озаглавленная «Хищение». Слово, конечно же, было перевернуто вверх ногами к собравшимся, и поскольку оно явно не предназначалось для их глаз, они его прочли. Слыпень даже вытянул шею, чтобы рассмотреть получше.

– Тем не менее, – продолжал Витинари, – раз уж господин Слыпень сам поднял вопрос о нарушениях, – он коротко улыбнулся в сторону молодого человека. – Уверен, все вы в курсе пересудов о предполагаемом заговоре среди вас с целью повышения цен и подавления конкуренции. – Предложение прокатилось быстро и гладко, как змеиный язычок, острым кончиком которого прозвучало продолжение: – И разумеется, слухи о кончине юного господина Ласски месяц назад.

Шорох среди рассевшихся полукругом мужчин подтвердил, что карты были выложены на стол. Им не нравились эти карты, но они ожидали их увидеть, и только что они с хрустом были открыты.

– Клевета – подсудное дело, – сказал Кривс.

– Ну что вы, мистер Кривс, простое упоминание о существующем слухе не подсудно – не сомневаюсь, ты об этом знаешь.

– Нет никаких доказательств нашей причастности к убийству мальчишки! – сорвался Слыпень.

– Вот видишь, и до тебя дошли разговоры о том, что его убили, – сказал Витинари, не сводя глаз с Хвата Позолота. – Такие слухи *разлетаются* в момент...

– Милорд, люди любят посудачить, – устало вздохнул Кривс. – Но факты таковы, что господин Ласска на башне был один. Никто не поднимался и никто не спускался. Его страховочный трос, видимо, не был пристегнут. Это был несчастный случай, они отнюдь не редкость. Да, мы знаем, говорят, у него были переломаны пальцы, но так ли это удивительно – удариться о башню, когда летишь с такой высоты? Увы, «Гранд Магистраль» переживает сейчас не лучшие

² Внешность, конечно, бывает обманчива. Несмотря на выражение лица – как у поросенка, которого озарила удачная идея, – и манеру поведения – как у мелкой, сопящей, нервной, но безумно дорогой шавки, – господин Слыпень вполне мог оказаться добрым, великодушным и благочестивым человеком. Точно так же, как человек в маске и полосатом комбинезоне, торопливо вылезавший из вашего окна, возможно, просто заблудился по дороге на маскарад, а человек в парике и мантии на входе в зал суда, возможно, обычный трансвестит, который заглянул сюда, прячась от дождя. Скоропалительные выводы бывают так несправедливы.

времена, вот и появляются эти оскорбительные и безосновательные обвинения. Как справедливо заметил господин Слыпень, нет никаких доказательств, что произошедшее было чем-то иным, нежели трагической случайностью. И если мне позволено говорить откровенно, с какой *именно* целью нас здесь собрали? Мои клиенты – занятые люди.

Витинари откинулся назад и сложил ладони домиком.

– Вообразим себе ситуацию, в которой группа энергичных и в высшей степени изобретательных людей разработала систему коммуникаций, – начал он. – У них есть пылкий ум и оригинальность мышления. Нет только денег. Они *непривычны* к деньгам. И вот они знакомятся с... людьми, которые знакомят их с другими, очень доброжелательными персонами, а те за какие-то, хм, сорок процентов от предприятия *предоставят* им столь необходимые средства, дадут важные, самые что ни на есть отеческие советы и сведут с ну *очень* хорошей бухгалтерской конторой. И вот они берутся за дело, деньги текут рекой и утекают рекой, но почему-то оказывается, что они вовсе не так финансово благополучны, как им казалось, и им даже нужны *еще* деньги. Ну, ничего страшного, ведь ясно как день, что рано или поздно предприятие должно стать золотой жилой, так какая разница, что они отпишут еще пятнадцать процентов? Это ведь всего лишь деньги. Это же не так *важно*, как семафорные механизмы, верно? Но вскоре они узнают, что да, *еще как* важно. Это *самое* важное. Внезапно мир переворачивается вверх тормашками, внезапно эти доброжелательные люди оказываются не такими уж доброжелательными, внезапно выясняется, что второпях подписанные бумажки, по совету тех самых людей, которые все время им улыбались, означают, что на самом деле им ничего не принадлежит – ни патенты, ни собственность, ничего. Даже содержимое мозгов. Даже мысли, которые приходят им в головы, оказывается, им не принадлежат. И почему-то у них *до сих пор* проблемы с деньгами. Тогда кто-то бежит, кто-то скрывается, а кто-то пытается бороться, что в высшей степени безрассудно, поскольку выясняется, что все это, ровным счетом все, совершенно легально. Кто-то соглашается на низкооплачиваемые посты на предприятии, потому что надо же на что-то жить, да и проект буквально снится им по ночам. Но как ни крути, ничего противозаконного не произошло. Бизнес есть бизнес.

Лорд Витинари открыл глаза. Люди за столом не сводили с него глаз.

– Просто мысли вслух, – сказал он. – Вы можете сказать, что это дело не государственного значения. Господин Позолот-то уж точно может. Однако, поскольку вы приобрели «Гранд Магистраль» за крохи от ее реальной стоимости, замечу, что возросло число поломок и скорость передачи сообщений упала, а услуги продолжают дорожать. На прошлой неделе Магистраль была закрыта почти трое суток. Нельзя было связаться даже со Сто Латом! Трудно назвать это «скоростью света», господа.

– Требовалось провести техническое обслуживание, – сказал господин Кривс.

– Нет, требовалось починить неисправности, – возразил Витинари. – Под предыдущим руководством сеть закрывалась на час ежедневно. *Так* проводится техническое обслуживание. Теперь же башни работают на износ. Что вы творите, господа?

– Это, ваше сиятельство, при всем уважении, совершенно не ваше дело.

Лорд Витинари улыбнулся. Впервые за все утро он улыбался с искренним удовольствием.

– А, господин Хват Позолот. Я ждал, когда ты подашь голос. Ты сегодня на удивление немногословен. С превеликим интересом прочел недавно статью о тебе в «Правде». Ты, оказывается, борец за права и свободы. Трижды ты использовал слово «тирания» и еще один раз – «тиран».

– Не читайте мне нотаций, милорд, – сказал Позолот. – Мы – хозяева Магистралей. Это наша собственность. Понятно? Собственность – основа свободы. Клиенты недовольны обслуживанием и ценами? Это же клиенты, они всегда чем-нибудь недовольны. Вне зависимости от цен у нас нет отбоя от клиентов. До появления клик-башен новости из Орлеи шли сюда не один месяц, а сейчас меньше суток. Это доступное каждому чудо. Мы отвечаем перед нашими

акционерами, милорд. А не перед вами, при всем уважении. Это не ваш бизнес. Он наш, и вести его мы будем так, как того требует рынок. Надеюсь, здесь нет места тирании. При всем уважении, мы живем в свободном городе.

– Столько уважения – я польщен, – сказал патриций. – Но единственный *выбор*, который есть у ваших клиентов, – это или вы, или ничего.

– Именно, – спокойно согласился Позолот. – Выбор есть всегда. Они могут оседлать лошадь и проскакать несколько тысяч километров, а могут спокойно подождать, пока мы не передадим их сообщение.

Витинари наградил его улыбкой, мимолетной, как вспышка молнии.

– Или основать свою компанию, – сказал он. – Хотя я замечал, что молодые семафорные компании, которые в последнее время пытались составить вам конкуренцию, стремительно терпели поражение, зачастую при удручающих обстоятельствах. Падения с клик-башен и так далее и тому подобное.

– От несчастных случаев никто не застрахован. Стечение обстоятельств, – процедил господин Кривс.

– Стечение обстоятельств, – эхом отозвался Витинари. Он взял еще лист бумаги, попутно сдвинув документы так, что стали видны еще несколько имен, и записал: «Стечение обстоятельств».

– Полагаю, добавить тут больше нечего, – сказал он. – На самом деле целью нашей встречи было официально известить вас о том, что я снова открываю Почтамт, как и планировалось. Сообщаю это исключительно в знак почтения к вам, ведь вы, в общем-то, занимаетесь тем же самым делом. Надеюсь, давешняя череда злоключений на этом подойдет к...

Хват Позолот хмыкнул.

– Минуточку, милорд, я правильно вас понял? Вы и впрямь намерены продолжать этот балаган? После всего случившегося? Почтамт? Когда все здесь прекрасно понимают, какой это был громоздкий, напыщенный, раздутый, монструозный пшик? Он же едва окупался! Типичный образчик государственного предприятия!

– Согласен, Почтамт никогда не был прибыльным, но в деловой части города почту разносили до семи раз за день, – сказал Витинари ледяным, как морские пучины, тоном.

– Ага! Особенно под конец! – фыркнул господин Слыпень. – Толку от него было ноль с хвостиком!

– Совершенно верно. Яркий пример прогнившей государственной структуры, которой лишь бы выпотрошить кошельки горожан, – добавил Позолот.

– Вот-вот! – вставил господин Слыпень. – Шутили даже, что, если хочешь избавиться от трупа, нужно отвезти его на Почтамт, и больше его никто никогда не найдет!

– И что же? – спросил Витинари, вздернув бровь.

– Что – что же?

– Нашли или нет?

Взгляд господина Слыпня на мгновение сделался загнанным.

– Чего? Да мне-то откуда знать?

– Ах, так это была шутка, – сказал Витинари. – Тогда ладно.

Он пошелестел бумагами.

– К сожалению, к Почтамту стали относиться не как к нужной и выгодной структуре для эффективной доставки корреспонденции, а как к денежному мешку. И он рухнул, лишившись как почты, так и денег. Это должно бы стать всем нам уроком. Так или иначе, я возлагаю большие надежды на господина фон Липвига – молодого человека переполняют свежие идеи. И высоты он не боится, хотя не думаю, что ему придется лазить по башням.

– Надеюсь, это восстановление не скажется на наших налогах, – заметил господин Кривс.

– Уверяю тебя, господин Кривс, что кроме скромного начального взноса, чтобы, так сказать, задать ход, почтовая служба будет автономной структурой, какой она и была раньше. Не можем же мы потрошить кошельки собственных граждан. Однако, господа, я прекрасно понимаю, что отрываю вас от очень важных дел. Надеюсь, «Магистраль» заработает в ближайшее время.

Все начали подниматься со своих мест, а Хват Позолот перегнулся через стол и сказал:

– Могу ли я вас поздравить, милорд?

– Мне приятно, что в тебе возник такой порыв, господин Позолот, – ответил Витинари. – Чем обязан столь уникальному обстоятельству?

– Этим, – Позолот указал на грубо отесанную каменную глыбу на небольшом столике в стороне. – Это же оригинальная тьфупфухфукнфусская плита? Лламедосский лазурный песчаник, верно? Базальтовые фигуры, чертовски сложный материал для резьбы. Ценный антиквариат.

– Так и есть, – ответил Витинари. – Подарок от гномьего Короля-под-горой.

– Я вижу, у вас начата партия. Играете за гномов?

– Да. По семафору со старой приятельницей из Убервальда, – ответил Витинари. – Мне повезло, и ваша давешняя поломка дала мне лишний день на обдумывание хода.

Их взгляды встретились. Господин Позолот громко рассмеялся. Витинари улыбнулся. Остальные, которым не терпелось, тоже рассмеялись. Вот видите, тут все свои, практически коллеги, ничего плохого *не произойдет*.

Смех неловко стих. Витинари и Позолот продолжали смотреть друг другу в глаза, не прекращая улыбаться.

– Нам с вами нужно будет сыграть, – сказал Позолот. – У меня тоже есть отличная доска. Сам я предпочитаю играть троллями.

– Безжалостные, изначально уступающие по численности, неизбежно терпящие поражение в руках неумелого игрока? – сказал Витинари.

– Именно. В то время как гномы полагаются на свою хитрость, маневренность и ловкость при смене позиций. Игра позволяет изучить все слабые места противника, – сказал Позолот.

– В самом деле? – Витинари вскинул брови. – Не полезнее ли изучить собственные?

– Ой, да это же просто «шмяк»! *Легкотня!* – вякнул кто-то.

Оба повернулись в сторону Слыпня, который от облегчения стал наглее.

– Я играл в детстве, – не затыкался он. – *Скукотница* же. Гномы всегда выигрывают.

Позолот и Витинари переглянулись. В этом взгляде читалось: хоть я и презираю тебя и все твои жизненные принципы с силой, которую не измерить никакими приборами, надо отдать тебе должное, ты хотя бы не Криспин Слыпень.

– Внешность бывает обманчива, Криспин, – радостно объявил Позолот. – Тролли ни за что не проиграют, если подойти к партии с умом.

– Помню, у меня в носу однажды застрял гном, и маме пришлось выковыривать его оттуда шпилькой, – сообщил Слыпень с гордостью в голосе.

Позолот положил руку ему на плечо.

– Какая интересная история, Криспин, – сказал он. – Не боишься, что это случится еще раз?

После их ухода Витинари стоял у окна и смотрел на раскинувшийся внизу город. Несколько минут спустя в кабинет заглянул Стукпостук.

– В приемной произошел короткий разговор, милорд, – сказал он.

Витинари не повернулся к нему – он только поднял руку.

– Дай угадаю... кто-то начал говорить что-нибудь вроде «Думаете, он...», а господин Кривс тут же заткнул ему рот. Это был господин Слыпень, полагаю.

Стукпостук сверился с листком в руках.

– Почти слово в слово, милорд.

– Несложно было догадаться, – вздохнул Витинари. – Ах, господин Кривс. Он у нас такой... надежный. Иногда мне даже кажется, что, если бы он уже не был зомби, его следовало бы таковым сделать.

– Велеть провести расследование первой степени по господину Позолоту, милорд?

– Только не по нему. Он слишком умен. Давай по господину Слыпню.

– В самом деле, сэр? Но вчера вы сказали, что он обычный жадный дурак.

– Истеричный дурак, а это может пригодиться. Он продажный трус и жадина. Я видел, как он расправлялся с порцией жаркого с белой фасолью, и это было незабываемое зрелище, Стукпостук, которое я вряд ли когда-нибудь забуду. Брызги соуса были *повсюду*. И эти его розовые рубашки стоят больше ста долларов штука. О да, он тащит чужое – без риска, скрытно и не очень умно. Поручи это... пожалуй, поручи это Брайану.

– Брайану, сэр? – переспросил Стукпостук. – Вы уверены? Ему нет равных в работе с механизмами, но в полевой работе он неуклюж. Его заметят.

– Знаю, Стукпостук, знаю. Я бы хотел, чтобы господин Слыпень... занервничал еще *сильнее*.

– Понимаю, сэр.

Витинари отвернулся обратно к окну.

– Скажи мне, Стукпостук. А *ты* назвал бы меня тираном?

– Никак нет, ваше сиятельство, – ответил Стукпостук, убирая со стола.

– В этом-то и проблема. Кто же скажет тирану, что он – тиран?

– Действительно, милорд, ситуация сложилась бы щекотливая, – ответил Стукпостук, наводя порядок в бумагах.

– Буффон в своих «Размышлениях», которые мне всегда казались скверно переведенными, пишет, что вмешательство в целях предотвращения убийства – суть ограничение свободы убийцы, тогда как свобода по определению универсальна, естественна и безусловна, – сказал Витинари. – Вспомни его небезызвестный тезис: «Если есть на свете человек, который несвободен, то я пирожок с курицей», который привел к ожесточенным дебатам. Так, например, нам может казаться, что отнимать бутылку у пьяницы, убивающего себя алкоголем, – это хороший и даже похвальный поступок, но свобода, тем не менее, оказывается ограничена. Господин Позолот читал Буффона, но боюсь, не понял его мысли. Пускай свобода – естественное состояние человечества, но сидеть на дереве и жевать ужин, который еще вырывается, для нас так же естественно. С другой стороны, Фрайдеггер в своих «Контекстных модальностях» утверждает, что всякая свобода ограничена, искусственна и, следовательно, иллюзорна – что-то вроде коллективной галлюцинации. Ни один разумный смертный по-настоящему не свободен, ибо настоящая свобода так ужасна, что только безумец или бог осмелится столкнуться с ней лицом к лицу. Она обуревает душу, почти как состояние, которое он в другой своей работе называет *фоналлесфолкомменунверитандлихдасдаскайт*. С какой позицией согласился бы ты, Стукпостук?

– Я, милорд, всегда придерживался мнения, что этому миру нужны более прочные картотечные шкафы, – ответил Стукпостук после краткой паузы.

– Хм, – ответил лорд Витинари. – Эта мысль определенно заслуживает внимания.

Он остановился. На резных украшениях над камином с тихим скрипом начал медленно поворачиваться херувимчик. Витинари изогнул бровь и посмотрел на своего секретаря.

– Я сейчас же все передам Брайану, милорд, – сказал тот.

– Хорошо. Скажи, что ему надо чаще бывать на свежем воздухе.

Глава четвертая

Знак

Темные клерки и мертвые почтмейстерши – Вервольф в Страже – Чудесная булавка – Господин фон Липвиг читает слова, которых нет – Цирюльник Хьюго удивлен – Господин Паркер покупает финтифлюшки – Инструктаж по невинной лжи – Принцесса в башне – «Человек жив, пока не забыто его имя»

– Будет Тебе, Господин Вон Липвиг, Насилие До Добра Не Доведет, – прогремел Помпа. Он покачивался на своих огромных ногах, а Мокриц бился в его хватке.

Грош и Стэнли спрятались в дальний угол гардероба. Очередное целебное варево Гроша выкипало и убегало на пол, оставляя на половицах лиловые пятна.

– Все это были несчастные случаи, господин фон Липвиг! Сплошные несчастные случаи! – захлебывался Грош. – На четвертый раз Стража все здесь облазила! Они сказали, что это несчастные случаи!

– Ну конечно! – закричал Мокриц. – Четыре раза за пять недель? Для вас это что, обычное дело?! О боги, и вот он я, уже готовенький! Я ведь, считай, покойник, да? Только что еще не в гробу. Каков Витинари! Знает человек, как сэкономить на веревке! Да мне же крышка!

– Вам сейчас не помешало бы выпить чайку из висмута и серы, сэр, – дрожащим голосом предложил Грош. – Я как раз поставил чайник...

– Чаек меня не успокоит!

Мокриц взял себя в руки – по крайней мере, решил вести себя так, как будто взял, и театрально сделал глубокий вдох.

– Ладно, ладно, господин Помпа, можешь меня отпустить.

Голем убрал руки. Мокриц выпрямился во весь рост.

– Итак, господин Грош?

– Похоже, вы все-таки настоящий, – ответил старик. – Были бы из темных клерков, вряд ли бы так расказначеились. Мы-то думали, вы из особых людей его сиятельства, – Грош завозился с чайником. – Не обижайтесь, просто жизни в вас побольше, чем в простом конторщике.

– Темных клерков? – переспросил Мокриц и тут же сообразил: – А-а-а, это такие коренастые ребятки в черных костюмах и котелках?

– Они самые. Некоторые учатся в Гильдии Убийц. Они, если захотят, такого могут натворить...

– Ты же только что назвал их конторщиками.

– Ага, но я же не уточнил, в какой конторе, хи-хи. – Грош увидел лицо Мокрица и закашлялся. – Извиняюсь, просто пошутил, ничего такого не имел в виду. Мы думаем, наш последний почтмейстер, господин Хубльбери, был как раз темным клерком. Ничего удивительного, с такой-то фамилией. Так вот, он всюду совал свой нос.

– Интересно, зачем же? – спросил Мокриц.

– Ну, первым у нас был господин Тихабль, славный был человек – свалился с пятого этажа прямо на мраморный пол в главном холле – и шлеп, вот прямо *шлеп* головой вниз. Так все... забрызгал, сэр.

Мокриц взглянул на Стэнли, которого начинало трясти.

– Потом был господин Бакенбард. Он свалился с черной лестницы и свернул себе шею. Извиняюсь, сэр, сейчас сорок три минуты двенадцатого. – Грош подошел к двери и открыл ее. В комнату вошел Пис-Пис, и Грош закрыл за ним дверь. – В три часа ночи было дело. Пять пролетов падал. Переломал себе все, что можно, сэр.

– Он что же, ходил по темноте без свечи?

– Про свечку не знаю, сэр. Про лестницу знаю. Лампы на всех лестницах горят всю ночь. Стэнли зажигает их каждый вечер, а у него все минута в минуту, как у Пис-Писа.

– Часто пользуетесь черной лестницей? – спросил Мокриц.

– Совсем не пользуемся, сэр, только когда лампы зажигаем. Там же письма повсюду. Но так сказано в Уставе, сэр.

– А что следующий? – хриловато поинтересовался Мокриц. – Очередное трагическое падение?

– О нет, сэр. Нам сказали, у господина Игнавии – это его так звали – было что-то с сердцем. Нашли его на пятом этаже, мертвее некуда, с такой физиономией, будто привидение увидел. Сказали, помер по естественным причинам. Мда, а Стража к тому времени уже все здесь облазила, уж будьте спокойны. Сказали, он был совсем один, и на нем, мол, никаких следов не нашли. Странно, что вы про это не слыхали, сэр. В газетах ведь писали.

В камере смертников как-то не до новостей, подумал Мокриц.

– Неужели? – удивился он вслух. – И откуда же им знать, что он был один?

Грош нагнулся к нему поближе и заговорщически понизил голос:

– Так ведь известное дело: в Страже вервольф служит, а уж он-то может учуять, даже какого цвета на тебе одежда.

– Вервольф, – тупо повторил Мокриц.

– Ну да. А перед этим...

– Вервольф.

– Так я и сказал, сэр, – кивнул Грош.

– *Вервольф*, чтоб его.

– Все мы в этом мире разные, сэр. В общем...

– Вервольф, – Мокриц стряхнул с себя оцепенение. – И об этом не предупреждают приезжих?

– Как же вы себе это представляете, сэр? – беззлобно спросил Грош. – Повесить у ворот табличку: «Добро пожаловать в Анк-Морпорк, у нас есть вервольф»? В Страже полно и гномов, и троллей, есть голем – вольный голем, не при тебе будь сказано, господин Помпа, – пара лепреконов, зомби... и даже Шноббс.

– Шноббс? Что такое шноббс?

– Капрал Шнобби Шноббс, сэр. Вы еще не знакомы? *Уверяют*, что у него есть официальная расписка в том, что он человек, но вот скажите мне, разве *человеку* нужны такие расписки? По счастью, он такой только один, так что размножаться не может. В общем, у нас тут всех по чайной ложке, сэр. Все очень толерантно. А вы что же, вервольфов не любите?

Они узнают тебя по запаху, подумал Мокриц. *Они умны, как люди, и могут выследить тебя лучше любого волка. Они могут идти по позавчерашнему следу, даже если ты попытаешься замаскировать свой запах – особенно если попытаешься. Перехитрить их, конечно, можно, но только если знать, что у тебя на хвосте именно вервольф. Немудрено, что они меня поймали. Это должно быть запрещено законом!*

– Недолюбиваю, – сказал он вслух и снова бросил беглый взгляд на Стэнли. Было полезно понаблюдать за ним во время рассказов Гроша. Сейчас, например, юноша так сильно закатывал глаза, что были видны практически только белки.

– А что насчет господина Хубльбери? – спросил Мокриц. – Говоришь, он проводил расследование для Витинари? Что с ним стало?

Стэнли трясся как осиновый лист на ветру.

– Вам же выдали связку ключей, да? – спросил Грош дрожащим от простодушия голосом.

– Разумеется.

– Готов поспорить, одного ключа там недостает, – сказал Грош. – Стража конфисковала. Он был единственный. Некоторые двери лучше держать закрытыми, сэр. Что сделано – то сде-

лано, былого не вернуть. Господин Хубльбери скончался от производственных травм, так нам сказали. Он был один. И не нужно вам туда ходить, сэр. Иногда что-то ломается так сильно, что лучше просто уйти.

– Не могу, – ответил Мокриц. – Я же *главный почтмейстер*. Это – моя территория. И я буду решать, куда мне ходить, а куда нет, младший почтальон Грош.

Стэнли зажмурился.

– Конечно-конечно, – согласился Грош, разговаривая с ним, как с маленьким. – Но *туда* вам ходить не нужно, сэр.

– *Его голову размазало по стене!* – сорвался Стэнли.

– Ну вот, теперь вы его расстроили, – сказал Грош и подскочил к юноше. – Ну-ну, сынок, все будет хорошо, сейчас только принесу тебе твои пилюли...

– Стэнли, какая булавка, поступавшая в розничную продажу, была самой дорогой в истории? – быстро спросил Мокриц.

Словно кто-то щелкнул переключателем. Выражение мучительной тоски вмиг сменилось на лице Стэнли выражением научной сосредоточенности.

– В розничную? Если не считать булавок, выпущенных специально для торговых выставок и галерей, включая Великую Булавку 1899 года выпуска, тогда, полагаю, это будет «Петушок» номер три, экстра, с широкой головкой, выпущена для производства кружев знаменитым булавоочным мастером Джозайей Нытиком. Вытянуты вручную, с миниатюрным петушком, выгравированным на фирменной серебряной головке. Считается, что до его смерти таких булавок было выпущено меньше сотни, сэр. Согласно Булавочному Каталогу Хуберта Богомола цена за одну штуку колеблется от пятидесяти до шестидесяти пяти долларов, в зависимости от состояния. Булавка номер три, экстра, с широкой головкой, стала бы украшением коллекции любого уважающего себя булавоочника.

– Просто... я тут нашел на дороге, – сказал Мокриц и извлек из-за лацкана одну из своих утренних покупок. – Шел по Рыночной улице, смотрю – лежит, прямо между двух булыжников на мостовой. Мне показалось, выглядит довольно необычно. Для булавки.

Стэнли оттолкнул причитающего Гроша и с трепетом взял булавку из рук Мокрица. В другой руке словно по волшебству у него оказалось увеличительное стекло. Люди в комнате затаили дыхание, пока булавка подвергалась тщательному обследованию. Потом Стэнли посмотрел на Мокрица с восхищением.

– Вы *знали*? – сказал он. – И это просто валялось на *дороге*? Я думал, вы ничего не смыслите в булавках!

– Ну, не совсем. Так, баловался мальчишкой, – сказал Мокриц и горько махнул рукой, как бы сознавая в собственной глупости, потому что не сделал из школьной забавы увлечения длиной в жизнь. – По мелочи... пара старых медных «Импералов», случайная диковинка вроде неразломанной пары или двухконечной булавки, дешевый пробный пакетик булавок ассорти...

Хвала богам, подумал он, за *искусство скорочтения*.

– Там никогда не попадается ничего путного, – ответил Стэнли и вновь заговорил тоном ученого: – Хотя большинство булавоочников действительно начинают с привлекательных сувенирных булавок, за которыми следует содержимое бабушкиных булавоочных подушечек – ха-ха, – секрет поистине достойной коллекции кроется вовсе не в том, чтобы оставить большую сумму денег на прилавке ближайшего булавоочного склада, вовсе нет. При большом бюджете любой дилетант может стать «булавочным королем», но для настоящего булавоочника самое большое удовольствие доставляет процесс поиска: булавоочные ярмарки, домашние распродажи и, быть может, даже случайный отблеск в канаве, который на поверку окажется «Дубльшвом» в прекрасном состоянии или целехоньким двухконечником. Как совершенно верно сказано: «Мальчик шел-шел, булавоочку нашел, и теперь у него есть булавка».

Мокриц чуть не заплодировал. Стэнли слово в слово процитировал введение к монографии Джея Волосатика Олсбери. А самое главное, в лице Стэнли Мокриц только что приобрел верного друга. Вернее будет сказать, – поправила его темная сторона, – Стэнли считал себя его другом.

Юноша, в котором булабочная радость возобладала над паникой, поднес новоприобретенное сокровище к свету.

– Красота! – прошептал он, и все кошмары вылетели у него из головы. – Блестит, как новенькая! У меня для нее найдется особое местечко в моем альбоме для булавок, сэр!

– Даже не сомневаюсь.

Его голову размазало по стене...

Где-то здесь была закрытая дверь, а у Мокрица не было от нее ключа. Четверо его предшественников представились в этом самом здании. И бежать было *некуда*. Должность главного почтмейстера присуждалась пожизненно – со всеми вытекающими. Вот почему Витинари упек его сюда. Ему нужен был человек, который *не сможет* отказаться и которым в то же время легко пожертвовать. Ничего страшного, если Мокриц фон Липвиг погибнет. Он уже мертв.

А еще он пытался не думать о господине Помпе.

Сколько еще големов зарабатывали себе свободу служением обществу? Был ли господин Пила, выбравшийся из ямы с опилками, где провел последние сто лет? Господин Лопата? Или господин Топор?

А когда этот бедняга обнаружил ключ к закрытой двери или нашел подходящую отмычку и вот-вот собирался отпереть замок, не стоял ли за ним некто по имени, предположим, господин Кувалда – *о да, точно*, – который и занес свой кулак для неожиданного сокрушительного удара?

С ним никого не было? Но големы и не были «кем-то», они были... инструментами. Вполне подходит под определение производственной травмы.

Его голову размазало по стене...

Я докопаюсь до правды. Другого выбора нет, иначе меня ждет та же участь. Все хотят меня обмануть. Но здесь я чемпион по развешиванию лапши.

– А? – переспросил он, сообразив, что что-то упустил.

– Говорю, можно я схожу и пополню свою коллекцию, почтмейстер? – спросил Стэнли.

– Что? А. Да. Конечно. Да. И отполируй ее там хорошенько.

Юноша вприпрыжку – в самую настоящую припрыжку – бросился на свою половину, и Мокриц поймал на себе недобрый взгляд Гроша.

– Вы молодец, господин фон Липвиг, – сказал он. – Молодец.

– Благодарю, господин Грош.

– Прекрасное у вас зрение, – не унимался старик.

– На нее просто солнце попало...

– Да нет, я к тому, что увидеть булыжники на Рыночной улице – это надо умудриться, она же вся кирпичом вымощена.

Мокриц ответил на его непроницаемый взгляд еще более непроницаемым.

– Кирпичи, булыжники – не все ли равно?

– И то верно. Какая разница? – согласился Грош.

– А теперь, – сказал Мокриц, испытывая сильную потребность выйти на воздух, – мне нужно кое-что сделать. Я бы хотел, чтобы ты пошел со мной, господин Грош. У вас здесь найдется лом? Принеси его, пожалуйста. И ты мне тоже понадобишься, господин Помпа.

Вервольфы и големы, подумал он, *големы и вервольфы*. *Деваться некуда. Почему бы не отнестись к этому серьезно.*

Я покажу им знак.

– Есть у меня одна привычка, – говорил Мокриц, пока они петляли по городским улицам. – Связана она со знаками.

– Со знаками, сэр? – спросил Грош, стараясь держаться поближе к стенам.

– Именно, младший почтальон Грош, со знаками, – подтвердил Мокриц, обратив внимание на то, как коробит старика слово «младший». – Особенно когда на этих знаках не хватает букв. Вижу такой знак – и сразу читаю, что складывается из выпавших букв.

– И как же вы это делаете, сэр, когда букв-то нету? – спросил Грош.

А, так вот почему ты до сих пор просиживаешь штаны в этих обшарпанных стенах, день-деньской заваривая чай из камешков да корешков, подумал Мокриц. А вслух сказал:

– Это талант. И я, конечно, могу ошибаться, но... ага, здесь налево...

Они вышли на шумную улицу и встали прямо напротив здания. Все как Мокриц и рассчитывал.

– Вуаля, – провозгласил он, а затем вспомнил, к кому обращается, и добавил: – В смысле, полюбуюсь.

– Это парикмахерская, – неуверенно сказал Грош. – Дамская.

– А ты третий калач, Толливер, все-то подмечаешь, – сказал Мокриц. – А на окне большими сине-зелеными буквами написано какое название?..

– «XdlЮГО», – ответил Грош. – И что из этого?

– Именно, «ХЬЮГО», – сказал Мокриц. – Только мягкий знак смотрит в другую сторону, потому что... не стесняйся, рассуждай вместе со мной...

– Э... – Грош в отчаянье вылупил на буквы, умоляя их открыть ему свой смысл.

– Почти угадал, – сказал Мокриц. – Мягкий знак развернут в другую сторону, потому что во вдохновенном лозунге, украшающем наш несравненный Почтамт, нет и никогда не было мягкого знака, зато была буква «Р», господин Грош. – Он подождал, пока до него дойдет. – Эти огромные железные буквы были украдены с нашего фасада. С лицевой части здания, я имею в виду. Это из-за них у нас там «мак ночи», господин Грош.

Потребовалось время, чтобы озарение наконец снизошло на Гроша, но, когда это свершилось, Мокриц оказался готов.

– Нет-нет-нет, – сказал он, вцепившись рванувшемуся было с места старику в засаленный воротничок, чем чуть не сшиб Гроша с ног. – Мы решим эту проблему другим путем.

– Да это ж собственность Почтамта! Это ж хуже воровства! Это ж государственная измена! – вопил Грош.

– Совершенно верно, – согласился Мокриц. – Господин Помпа, сделай одолжение, поддержи пока нашего друга, вот так, а я пойду и... со всем разберусь.

Мокриц сдал беснующегося младшего почтальона на руки голему и отряхнулся. Он выглядел немного помятым, но решил, что и так сойдет.

– А вы что собираетесь делать? – спросил Грош.

Мокриц улыбнулся ему своей лучезарной улыбкой.

– То, в чем мне нет равных, господин Грош. Общаться с людьми.

Он пересек улицу и открыл дверь в парикмахерскую. Звякнул колокольчик.

Зал внутри был разделен на множество кабинок, а в воздухе витал сладкий, липкий и даже какой-то розовый запах. Прямо у входа стояла конторка, на которой лежал толстый журнал. Вокруг везде были цветы, и девушка за конторкой бросила на Мокрица надменный взгляд, который еще влетит ее работодателю в копеечку.

Она ждала, пока Мокриц что-нибудь скажет.

Тот принял строгий вид, нагнулся к ней и произнес голосом, который по всем приметам был шепотом, но отчего-то слышался и на изрядном расстоянии:

– Могу ли я видеть господина Хьюго? По очень важному делу.

– По какому именно?

– Это... деликатный вопрос... – сказал Мокриц. Он заметил, как разворачиваются в их сторону причесанные макушки. – Но можешь ему передать, что у меня хорошие новости.

– Если они хорошие, то...

– Передай ему, что я надеюсь уговорить лорда Витинари не доводить дело до суда. Скорее всего, – сказал Мокриц, понижая голос ровно настолько, чтобы возбудить любопытство окружающих, но не так, чтобы остаться неслышанным.

Девушка в ужасе уставилась на него.

– Надеешься? Ой... – Она схватилась за узорную переговорную трубу, но Мокриц мягко забрал ее у девушки из рук, непринужденно насвистел в нее мотивчик, приложил раструб к уху и ослепительно улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он. И *неважно*, за что. Улыбайся, говори правильные слова с правильной интонацией и всегда, всегда излучай уверенность, как солнце – свет.

У него в ухе раздался голос, слабый, как писк паучка, застрявшего в спичечном коробке.

– *Цыцццц вуб набнаб?*

– Хьюго? – сказал Мокриц. – Спасибо, что уделил мне минутку. Это Мокриц, Мокриц фон Липвиг. Главный почтмейстер, – он взглянул на переговорную трубу. Она исчезала в потолке. – Мы так признательны тебе за помощь, Хьюго. Я насчет пропавших букв. Числом пять штук.

– *Скрик? Шабдабавик? Крич вит батараф!*

– С собой у меня этого нет, Хьюго, но если угодно, можешь выглянуть из окна, там стоит мой личный помощник, господин Помпа. Прямо через дорогу.

А еще в нем восемь футов роста и в руке огромный лом, добавил Мокриц мысленно. Он подмигнул барышне за конторкой, которая наблюдала за ним с каким-то благоговением. Никогда нельзя давать заржаветь навыкам общения.

Через потолок он слышал приглушенный поток ругани. Пройдя переговорную трубу, она превратилась в:

– *Вабз нибиббл!*

– Согласен, – сказал Мокриц. – Я, пожалуй, поднимусь, и мы обсудим все лично.

Десять минут спустя Мокриц осторожно перешел дорогу и улыбнулся своим подчиненным.

– Господин Помпа, будь другом, иди вон туда и выдери оттуда наши буквы, – сказал он. – Постарайся ничего не поломать. Господин Хьюго охотно пошел нам навстречу. А ты, Толливер, ты же давно здесь живешь, верно? Знаешь, где тут можно нанять рабочих с веревками, верхолазов или как это называется? Хотелось бы, чтобы к полудню буквы вернулись на положенное место. Это можно устроить?

– Это дорого обойдется, – заметил Грош, восхищенно глядя на Мокрица. Мокриц вытащил из кармана кошелек и потряс им, звеня монетами.

– Ста долларов должно хватить за глаза, – сказал он. – Господин Хьюго очень, очень хотел загладить свою вину. По его словам, он купил эти буквы много лет назад в каком-то кабаке и рад заплатить за то, чтобы они вернулись на законное место. Поразительно, как доброжелательны бывают люди, если найти к ним верный подход.

На той стороне улицы раздался лязг. Удалить «Х», по-видимому, господину Помпе не составило особого труда.

Будь вежлив и зови на помощь здоровяка с ломом, подумал Мокриц. *Может, все выйдет не так уж и плохо.*

Блеклый солнечный свет падал прямо на водруженную наверх букву «О». Собралась внушительная толпа. Жители Анк-Морпорка всегда уделяли повышенное внимание людям на

крышах – вдруг повезет и удастся увидеть интересное самоубийство. Когда последнюю букву приколотили на положенное место, послышались оживленные восклицания – ради приличия.

Четыре трупа, подумал Мокриц, глядя на крышу. *Интересно, будет ли Стража меня допрашивать. Знают ли обо мне в Страже? Или считают меня мертвым? Хочу ли я разговаривать с полицией? Нет! Черта с два! Единственный способ выпутаться из этой передраги – мчаться вперед и не оглядываться назад. Ох, Витинари, чтоб ему пусто было. Но еще можно выйти победителем.*

Можно заработать.

Был он государственным служащим или не был, в конце концов? А государство берет с людей деньги. Для того оно и существует.

Он же умел находить подход к людям. Он умел убедить любого, что медь – это слегка потускневшее золото, что стекло – это бриллиант, что завтра будут наливать дармовое пиво.

Он их всех обведет вокруг пальца! Он не будет пытаться *сбежать*, еще не время! Если голем может купить себе свободу, то и он сможет! Он засучит рукава, будет хлопотать, создавать видимость занятости и направлять все счета прямо Витинари, ведь это *государственная служба*. Разве патриций сможет возразить?

И если он, Мокриц фон Липвиг, не сумеет нагреть на этом руку, и даже обе, а если повезет, то и другие части тела, то значит, он этого и не заслуживает! А потом, когда все будет идти как по маслу, а деньги – течь рекой... тогда придет пора задуматься об игре по-крупному. За большие деньги можно заручиться поддержкой многих людей с кувалдами.

Рабочие вскарабкались обратно на плоскую крышу. По толпе прокатились редкие одобрительные возгласы тех, кто счел, что развлечение вышло неплохим даже несмотря на то, что никто не свалился.

– Что скажешь, господин Грош?

– Загляденье, сэр, загляденье, – отозвался Грош, когда толпа рассосалась, и они двинулись обратно к Почтамту.

– Значит, все в порядке?

К изумлению Мокрица, Грош похлопал его по руке.

– Не знаю, почему его сиятельство выбрал именно вас, сэр, понятия не имею, – прошептал он. – У вас благие намерения, я же вижу. Но послушайте моего совета, сэр, и уносите отсюда ноги подобру-поздорову.

Мокриц посмотрел в сторону входа. Там стоял господин Помпа. Просто стоял, свесив руки. Угольки в его глазах тускло тлели.

– Не могу, – ответил Мокриц.

– Очень мило с вашей стороны, сэр, но нечего здесь делать человеку, у которого вся жизнь впереди, – сказал Грош. – Стэнли дай его булавки, и ему везде будет хорошо, но вы-то, вы можете далеко пойти.

– На самом деле нет, – ответил Мокриц. – Честное слово. Мое место здесь, господин Грош.

– Да помогут вам боги за такие слова, сэр, помогут вам боги, – сказал Грош. Слезы показались по его лицу. – Когда-то мы были героями, – сказал он. – Нас *обожали*. Все нас ценили. Все нас знали. Раньше это было великое место. Раньше мы были *почтальонами*.

– Эй, господин!

Мокриц обернулся. К нему навстречу бежали трое человек, и Мокриц усилием воли подавил порыв дать деру, особенно когда один из них воскликнул:

– Это он!

Мокриц узнал лавочника, с которым повстречался сегодня утром. За ним кое-как поспевала пожилая пара. Старик с решительным лицом и твердой поступью человека, который ежедневно дает отпор кочанам капусты, остановился в паре сантиметров от Мокрица и прорычал:

– Это ты здесь почтальон, юноша?

– Да, полагаю, речь обо мне, – ответил Мокриц. – Чем могу...

– Ты доставил мне письмо от Эгги! Я Тим Паркер! – прогремел старик. – Кто-то может и скажет, что с этим ты мальчика припозднился.

– А, – сказал Мокриц. – Что ж, я...

– И хватило же духу!

– Мне очень жаль, что... – начал Мокриц. От умения ладить с людьми было мало толку в случае с господином Паркером. Он принадлежал к тем непрошибаемым людям, чье умение контролировать собственную громкость находится примерно на одном уровне с пониманием чужого личного пространства.

– Жаль? – кричал он. – Тебе-то чего жаль? Ты ни в чем не виноват, сынок. Тебя тогда еще и на свете не было. Сам дурак, раз решил, что ей на меня наплевать, верно говорю? Эх, сынок, я был в таком раздрае, что так прямо пошел и вступил... – его покрасневшее лицо нахмурилось. – В это самое... где верблюды и шляпы смешные и песок... куда уходят, чтобы забыться...

– Клатчский Иностраный Легион? – подсказал Мокриц.

– Он самый! А потом я вернулся и встретил Сэди, а Эгги встретила своего Фредерика, я женился, она вышла замуж, и мы забыли друг о друге напрочь, и тут, разрази меня гром, письмо от Эгги! Мы с сыном с ног сбились, пока ее нашли! Короче говоря, сынок, женимся мы с ней в субботу! И все благодаря тебе!

Господин Паркер был из тех людей, которые с возрастом превращаются в дубы. Когда он хлопнул Мокрица по спине, тому показалось, что его стукнули табуреткой.

– А Фредерик и Сэди не будут против? – прохрипел Мокриц.

– Это вряд ли! Фредерик помер десять лет тому назад, а Сэди уже пять как покоится на кладбище Мелких богов! – радостно прогремел господин Паркер. – Мы скорбим, конечно, но, как говорит Эгги, все оно так и было суждено и тебя нам послали высшие силы. А я говорю, это какое же нужно мужество, чтобы взять и доставить это письмо после стольких-то лет. Другие бы взяли и выбросили его, мол, велика важность! Ты очень обрадуешь нас с будущей второй госпожой Паркер, если согласишься быть у нас на свадьбе почетным гостем, и уж я-то не приму отказа! А еще в этом году я возглавляю Гильдию Купцов! Мы, может, и не такие шишки, как Убийцы с Алхимиками, зато нас много, и я за тебя замолвлю словечко, уж можешь мне поверить! Мой сын Джордж еще вернется попозже разослать приглашения, раз уж почта снова работает! Уважь старика, сынок, пожмем друг другу руки...

Он протянул к нему свою огромную ладонь. Привычка оказалась сильнее его, и Мокриц протянул свою. Крепкое пожатие, твердый взгляд...

– Честный ты парень, сынок, – сказал Паркер. – Я никогда не ошибаюсь! – Он хлопнул Мокрица по плечу, и у того хрустнуло колено. – Как тебя звать, сынок?

– Фон Липвиг, господин. Мокриц фон Липвиг, – ответил Мокриц. Он начинал переживать, что оглох на одно ухо.

– Фон, говоришь, – протянул Паркер. – Ну так для иностранца ты отлично справляешься, и плевать мне, кто меня слышит! Ну все, мне пора. Эгги хочет закупить финтифлюшек!

Женщина приблизилась к Мокрицу, встала на цыпочки и чмокнула его в щеку.

– Хорошего человека сразу видно, – сказала она. – Есть у тебя дама сердца?

– Кто? Нет! С чего... нет! – растерялся Мокриц.

– Обязательно будет, – сказала женщина, ласково улыбаясь. – И мы тебе, конечно, очень признательны, но мой тебе совет: делай предложение лично. Мы очень надеемся увидеть тебя в субботу.

Она удалилась вслед за своим вновь приобретенным кавалером, и Мокриц проводил ее взглядом.

– Вы доставили письмо? – в ужасе спросил Грош.

– Да, господин Грош. Не специально, просто проходил мимо...

– Вы взяли старое письмо и *доставили* его? – повторил Грош, как будто сама идея никак не укладывалась у него в голове.

Его голову размазало по стене...

Мокриц сморгнул.

– Доставлять почту наша *обязанность*, приятель! Это наша работа! Забыл?

– Вы доставили письмо... – прошептал Грош. – Какая дата на нем стояла?

– Не помню я! Лет сорок или больше.

– Какое оно было из себя? В хорошем состоянии? – не унимался Грош.

Мокриц сердито посмотрел на дряхлого почтальона. Вокруг уже собралась небольшая толпа, как и положено в Анк-Мор-порке.

– Это было письмо сорокалетней давности в дешевом конверте! – огрызнулся он. – Такое оно и было из себя! Его так и не доставили по адресу, и это перевернуло жизни двух человек. Но я его доставил, и оно принесло этим людям много радости. В чем *проблема*, господин Грош... да, что такое?

Последнее было обращено к женщине, которая тянула его за рукав.

– Правду говорят, что старую почту заново открывают? – спросила она. – Там работал мой дедушка!

– Поздравляю, – сказал Мокриц.

– Он говорил, что это место проклято! – продолжала женщина, как будто подобная перспектива ее очень радовала.

– Неужели? – сказал Мокриц. – Что ж, хорошее *проклятие* сейчас пришлось бы как нельзя кстати.

– Оно живет в подполе и сводит людей с ума-а-а-а! – продолжала она, до того упиваясь этим словом, что ей никак не хотелось с ним расставаться. – С у-ма-а-а-а!

– Очень интересно, – сказал Мокриц. – Правда, мы на почтовой службе в такое не верим, верно, господин Грош... – Он умолк. Выражение у господина Гроша было в точности как у человека, который в такое верит.

– Ах ты, глупая курица! – закричал Грош. – Кто тебя за язык тянул!

– Господин Грош! – оборвал его Мокриц. – Предлагаю продолжить этот разговор за закрытыми дверями!

Он схватил старика за плечо, чуть ли не на себе пронес его сквозь заинтригованную толпу, втащил за собой в здание и захлопнул дверь.

– С меня хватит! – крикнул он. – Хватит этих таинственных бормотаний и намеков, ясно? Никаких больше тайн. Что здесь творится? Что здесь *творилось*? Отвечай немедленно, а не то...

Глаза старичка исполнились страха. *Я не такой*, подумал Мокриц. *Так не пойдет. С людьми нужно ладить.*

– Отвечай немедленно, *старший* почтальон Грош! – прикрикнул он.

Старик выпучил глаза.

– Старший почтальон?

– Я ведь почтмейстер в этих краях, – сказал Мокриц. – Значит, могу повышать кого хочу. Так что да, старший. С испытательным сроком, разумеется. Теперь ты мне ответишь или...

– Не обижайте господина Гроша, сэр! – раздался у него за спиной звонкий голос.

Грош заглянул через плечо Мокрица куда-то в полумрак.

– Все в порядке, Стэнли, ничего не происходит, нам же не нужен еще один эпизод, – и прошептал Мокрицу: – Вы меня лучше тихонько поставьте обратно, сэр...

Мокриц так и сделал, подчеркнуто бережно, и обернулся.

Юноша стоял прямо за ним с остекленевшим взглядом и занесенным над головой чайником. *Увесистым* чайником.

– Нельзя обижать господина Гроша, сэр, – хрипло повторил он.

Мокриц вытащил из-за лацкана булавку.

– Ну конечно нельзя, Стэнли. Кстати, это, случайно, не подлинный «Глинопёр» средней колкости?

Стэнли выронил чайник, мгновенно потеряв из поля зрения все, кроме дюйма серебристого металла в пальцах Мокрица. Одной рукой он уже лез за увеличительным стеклом.

– Покажите, покажите, – сказал он взвешенным, задумчивым голосом. – Ах да. Ха-ха. Извините, нет. Очень распространенная ошибка. Обратите внимание на отметки на подголовнике, вот здесь. Видите? И сама головка не обвита. Это машинное производство. Скорее всего, братьев Хоппилли. Думаю, ограниченный тираж. Но их эмблемы нет. Возможно, изготовлено талантливым подмастерьем. Особой ценности, увы, не представляет, разве что для коллекционера, специализирующегося строго на изделиях Хоппилли.

– А я пока пойду заварю нам чайку, – сказал Грош и подобрал чайник, катавшийся взад-вперед по полу. – Вы опять-таки молодчина, господин фон Липвиг. Э... *старший* почтальон Грош, верно?

– Стэнли, ты тоже ступай со старшим – *да*, на испытательном сроке – почтальоном Грошем, – сказал Мокриц добродушно, насколько хватило сил. Он посмотрел вверх и строго добавил: – Мне нужно кое-что обсудить с господином Помпой.

Стэнли обернулся и прямо позади себя увидел голема. Удивительно, до чего бесшумно могут передвигаться эти создания. Он тенью пересек комнату и теперь неподвижно стоял с занесенным, как божья кара, кулаком.

– О, господин Помпа, а я и не заметил, что ты тут стоишь, – беззаботно сказал Стэнли. – А почему у тебя рука задрана?

Юношу озарило красным светом из дырок на лице голема.

– Я... Хотел Задать Почтмейстеру Вопрос? – предположил он неуверенно.

– О, конечно, – ответил Стэнли как ни в чем не бывало, словно это не он минуту назад собирался размозжить Мокрицу череп. – Вам вернуть булавку, господин фон Липвиг? – спросил он, но Мокриц отрицательно отмахнулся. – Тогда я ее выставлю на благотворительном булавочном аукционе в следующем месяце.

Когда дверь за ним закрылась, Мокриц поднял глаза на бесстрастное лицо голема.

– Ты его обманул. Тебе разрешено лгать, господин Помпа? – спросил он. – Руку уже можно опустить.

– Да, Я Прошел Инструктаж По Применению Невинной Лжи.

– Ты был готов проломить ему череп! – воскликнул Мокриц.

– Я Постарался Бы, Чтобы До Этого Не Дошло, – пророкотал голем. – Однако Нельзя Допустить, Чтобы Тебе Был Нанесен Нецелесообразный Вред. Это Был Тяжелый Чайник.

– Так же нельзя, бестолочь! – сказал Мокриц, но про себя отметил слово «нецелесообразность».

– Мне Нужно Было Подождать, Пока Он Не Убьет Тебя? – спросил голем. – Это Была Бы Не Его Вина. У Него С Головой Не Все В Порядке.

– И стало бы совсем не в порядке, если бы ты ее раскроил. Видишь же, я во всем разобрался.

– Да, – сказал Помпа. – У Тебя Талант. Жаль, Что Ты Не Используешь Его Во Благо.

– Ты вообще понимаешь, что я тебе пытаюсь втолковать? – закричал Мокриц. – Нельзя вот так запросто взять и убить человека!

– Почему? Ты Же Можешь, – голем опустил руку.

– Что? – окрылся Мокриц. – Что за бред! Кто тебе такое сказал?

– Я Сам Разобрался. Ты Убил Две Целых Триста Тридцать Восемь Тысячных Человека, – спокойно ответил Помпа.

– Я в жизни и пальцем никого не тронул, Помпа. Согласен, я... все то, что ты и так обо мне знаешь, но я не *убийца*! Я даже оружием никому не угрожал!

– Это Так. Но Ты Мошенничал, Присваивал, Выманивал И Крал У Всех Без Разбора, Господин Вон Липвиг. Ты Разрушал Чужие Жизни И Разваливал Предприятия. Когда Банки Прогорают, Денег Недосчитываются Не Банкиры. Твои Действия Отнимали Деньги У Тех, Кто И Так Был Беден. Своими Действиями Ты *Приблизил* Множество Смертей. Ты О Них Не Знаешь. Они Не Истекали Кровью У Тебя На Руках. Но Ты Вырвал Хлеб У Них Из Рта И Сорвал Одежду С Их Плеч. Из Азарта, Господин Вон Липвиг. Из Азарта. Получая Удовольствие От Процесса.

У Мокрица отвисла челюсть. Он закрыл рот. Снова открыл. Снова закрыл. Достойный ответ не идет на ум, когда больше всего нужно.

– Ты просто говорящий цветочный горшок, Помпа Девятнадцать, – рассердился Мокриц. – Откуда ты этого набрался?

– Я Читал Документы По Твоим Несметным Преступлениям, Господин Вон Липвиг. На Водокачке Учишься Ценить Рациональное Мышление. Ты Отнимал Чужое, Потому Что Ты Был Умнее, А Они Глупее.

– В большинстве случаев, на секундочку, они были уверены, что сами дурят меня!

– Ты Заманивал Их В Ловушку, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа.

Мокриц собрался было многозначительно ткнуть голема пальцем, но в самый последний момент одумался – так и палец недолго сломать.

– А как насчет того, что сейчас я за все это расплачиваюсь? – сказал он. – Меня чуть не повесили, черт побери!

– Да. Но Даже Сейчас Ты Подумываешь О Побеге Или О Том, Как Бы Извлечь Выгоду Из Сложившейся Ситуации. Как Говорится, Горбатого Не Отмоешь Добела.

– Но тебе все равно положено исполнять мои приказы, так? – вспыхнул Мокриц.

– Да.

– Так отвинти себе башку к черту!

Но мгновение огонек в глазах Помпы дрогнул. Потом голем открыл рот и заговорил голосом лорда Витинари.

– Ох, фон Липвиг. Сколько раз ни повторяй, ты все пропускаешь мимо ушей. Господину Помпе нельзя приказать самоуничтожиться. Я надеялся, хотя бы это до тебя дошло. Еще один подобный приказ, и против тебя будут приняты меры.

Голем снова моргнул.

– Как ты это... – начал Мокриц.

– Я Могу В Точности Воспроизвести Любое Официальное Распоряжение, – сказал голем своим обычным гремящим голосом. – Полагаю, Лорд Витинари Предусмотрел Таковую Линию Поведения И Оставил Это Сообщение, Чтобы...

– Я имел в виду *голос*!

– В Точности Воспроизвести, Господин Вон Липвиг, – ответил Помпа. – Я Могу Разговаривать Любым Человечьим Голосом.

– Правда? Как мило.

Мокриц уставился на господина Помпу. В его лице напрочь отсутствовала мимика. Было некое подобие носа – глиняный бугорок, и все. Когда он говорил, рот у него открывался и закрывался, и одним только богам известно, как обожженная глина могла шевелиться – им-то как раз, наверное, и было это известно. Глаза никогда не закрывались, только меняли яркость.

– Ты что, читаешь мои мысли? – спросил Мокриц.

– Нет, Я Анализирую Твое Предыдущее Поведение И Делаю Выводы.

– Значит... – Мокриц опять не мог найти слов. Он заглянул в пустое лицо голема, на котором тем не менее каким-то образом читалось неодобрение. Он привык к выражениям бешенства, возмущения и ненависти. Это было частью его профессии. Но что такое голем? Просто... комок земли. Поджаренной земли. Когда люди смотрят на тебя так, словно ты хуже грязи на их подметках, – это одно, но было на удивление неприятно, когда на тебя так смотрела сама грязь.

– ...не надо, – неловко заключил Мокриц. – Иди и... работай! Давай! Иди! За этим ты здесь. За этим ты нужен.

Клик-башню 181 называли еще счастливой башней. Она была расположена недалеко от городка Бонк, куда можно было отправиться в выходной день, принять горячую ванну и выспаться в мягкой постели, но поскольку это место находилось в Убервальде, транспорта здесь проезжало мало, а еще – важный момент – башня располагалась высоко-высоко в горах, куда начальству было лень добираться. В старые добрые дни прошлого года, когда Мертвый Час наступал каждый вечер, башня была особенно везучей, потому что у семафорщиков по восходящей и нисходящей линии перерыв был в одно и то же время, а значит, у них была лишняя пара рук для техобслуживания. Сейчас башня 181, как и остальные башни, проводила техобслуживание или без отрыва от производства, или никак, но все по привычке продолжали считать, что людям работалось на ней хорошо.

В широком смысле «людям». Внизу на равнинах бытовала расхожая шутка, что на 181-й работают одни вампиры и вервольфы. На самом деле, как и многие другие башни, ее зачастую обслуживали дети.

Все знают, как это бывает. Ну, новое руководство, наверное, не знало, но даже если бы выяснило, то ничего не стало бы предпринимать – разве что старательно позабыло бы о том, что узнало. Детям не нужно платить.

Молодые – преимущественно – операторы клик-башен вкалывали как каторжные в любую погоду за мизерную плату. Это были одиночки, неисправимые романтики, беглецы от правосудия, которое о них забыло, или от всего мира. Все они отличались определенным организованным безумием. Они говорили, что перестук клик-башен проникает в голову, и твои мысли начинают идти с ним в такт, и вскоре достаточно будет прислушаться к щелчкам заслонок, чтобы понять, о чем говорится в сообщении. У себя в башнях эти люди пили горячий чай из странных жестяных кружек с широким доньшком, чтобы они не опрокидывались, когда в башню врзалась очередная чайка. По выходным они пили алкоголь из любых емкостей. И несли какую-то им одним понятную чушь, про ослов и недослов, про верхнюю частоту и пространственные пакеты, про барабаны и баранки, про 181-ю (что было хорошо), стаи (что было плохо), и полное застаивание (вообще ничего хорошего), и стоп-коды, и хап-коды, и жак-карды...

И они любили детей – ведь дети напоминали им о тех, кого они где-то оставили или которых у них никогда не будет, – а дети любили башни. Они приходили и оставались, помогали по хозяйству и между делом обучались семафорному ремеслу, просто наблюдая за операторами. Дети попадались неглупые, словно по волшебству они осваивали пульт управления и другие механизмы, зрение у них, как правило, было отличное, и почти все они, по сути дела, сбегали таким образом из дома, никуда не убегая на самом деле.

Потому что на самом верху башни казалось, что можно увидеть даже край света. В ясную погоду было видно как минимум несколько других клик-башен. И можно было притвориться, что ты тоже можешь понимать текст сообщений лишь по перестуку заслонок, в то время как из-под твоих пальцев выскакивают названия дальних стран, которые ты никогда не увидишь, но башня как будто связывает тебя с ними...

Работники башни 181 звали ее Принцессой, хотя на самом деле ее имя было Алиса. Ей было тринадцать, она могла оставаться на линии по несколько часов кряду без посторонней

помощи, и в будущем ее ждала прекрасная карьера... но она навсегда запомнила разговор, который произошел в тот день, потому что он показался ей странным.

Не все сигналы были посланиями. Иногда так передавались указания на башню. Временами, пока ты дергал за рычаги, стараясь не пропустить далекий сигнал, они меняли ход событий в твоей собственной башне. Принцесса все про это знала. Много из того, что передавалось по Магистральной, называлось верхней частотой. Так пересылались инструкции для башен, рапорты, сообщения о сообщениях, даже переговоры между операторами, хотя сейчас такое было строго-настрого запрещено. Все это зашифровывалось кодами. Большой редкостью было передавать что-то по верхней частоте напрямую. Но сейчас...

– Вот опять, – сказала она. – Наверное, какая-то ошибка. Ни индекса, ни адреса. Передают по верхней частоте, но без кодировки.

С другой стороны башни, лицом в противоположную сторону, поскольку он работал на восходящей линии, сидел Роджер. Ему было семнадцать, и он уже учился на мастера семафорного дела.

Не прекращая двигать руками, он спросил:

– Что ты сказала?

– Сначала было ГНУ, и я знаю, что это код, а потом только имя. Джон Ласска. Может, это...

– Ты передала дальше? – спросил Дедушка. Дедушка сидел на корточках в углу их тесной каморки посередине башни и чинил поломанный корпус заслонки. Дедушка был мастером-семафорщиком, он везде бывал и все знал. И все звали его Дедушкой. Ему было двадцать шесть. Когда Принцесса работала на линии, он всегда возился с чем-то в башне, хотя на другой линии всегда сидел оператор. Она только намного позже поняла почему.

– Да, потому что это был Г-код, – ответила Принцесса.

– Тогда все правильно. Работай дальше.

– Да, но я уже передавала это имя. Несколько раз. И по восходящей, и по нисходящей. Только имя, и больше ничего!

Ее не покидало чувство, что что-то здесь было не так, но она продолжила:

– Я знаю, «У» значит, что сообщение нужно отправить обратно с конца линии, а «Н» – значит, не зарегистрировано. – Принцесса просто выпендривалась, но не зря же она столько часов потратила на чтение шифровальной книги. – Получается, это просто имя, которое без конца передается туда-сюда? Какая-то бессмыслица!

Что-то явно было не так. Роджер не отрывался от работы, но смотрел перед собой с лицом, мрачнее тучи.

Тогда Дедушка сказал:

– Умница, Принцесса. Только выбрось это из головы.

– Ха! – отозвался Роджер.

– Прошу прощения, если я сказала что-то не то, – робко сказала девочка. – Просто это странно. Кто такой этот Джон Ласска?

– Он... упал с башни, – ответил Дедушка.

– Ха! – сказал Роджер, продолжая дергать рычаги с невесть откуда взявшейся ненавистью.

– Он умер? – спросила Принцесса.

– Некоторые говорят, что... – начал Роджер.

– Роджер! – оборвал его Дедушка. Прозвучало как предупреждение.

– А я знаю про «отправку домой», – сказала Принцесса. – И знаю, что души погибших семафорщиков остаются на Магистральной.

– Кто тебе рассказал? – спросил Дедушка.

Принцесса была достаточно смысленной, чтобы понимать, что кое-кому не поздоровится, если она начнет вдаваться в подробности.

– Слышала, – беззаботно ответила она.

– Тебя просто решили напугать, – сказал Дедушка, глядя на краснеющие уши Роджера.

Но Принцесса не видела в этом ничего страшного. Если уж ты мертв, то намного лучше летать между башнями, чем лежать под землей. Но она была достаточномышленной и для того, чтобы знать, когда закрыть тему.

После долгой паузы, нарушаемой лишь скрипом новых створок на заслонках, заговорил Дедушка. Как будто что-то не давало ему покоя.

– Мы продолжаем передавать это имя по верхней частоте, – произнес он, и Принцессе показалось, что ветер в решетке заслонок над ее головой завыл с особенной безнадегой, а нескончаемое щелканье стало еще более отчаянным. – Он бы ни за что не захотел возвращаться домой. Он был настоящим семафорщиком. Его имя в этих сигналах, в ветре, в арматуре и в заслонках. Разве ты никогда не слышала, что человек жив, пока не забыто его имя?

Глава пятая

Пропавшие на почте

В которой Стэнли познает прелесть узелков – Генеалогические страхи господина Гроша – Слыпень заволновался – Хват Позолот, общественный деятель – Лестница писем – Лавина – Господин фон Липвиг слышит – Околпаченный – Тропой почтальона – Фуражка

Стэнли начищал булавки. Делал он это с блаженной сосредоточенностью человека, заснувшего с открытыми глазами.

Коллекция блестела на полосках коричневой бумаги и в свертках черного фетра, как панорама вселенной истинного булавочника. Рядом с ним стояло настольное увеличительное стекло, а у ног лежал узелок с разномастными булавками, приобретенный им на прошлой неделе у вышедшей на покой швеи.

Он не торопился открывать узелок и все откладывал момент – хотел растянуть удовольствие. Вряд ли там будет что-то дельное – ну, может, и попадется среди скучной меди или приплюснутая головка, или случайный дефект, но самая прелесть заключалась как раз в том, что *никогда не знаешь наверняка*. Вот чем были хороши узелки. Никогда не знаешь наверняка. Неколлекционеры относятся к булавкам с душераздирающим безразличием, обращаясь с ними так, будто это обычные острые металлические палочки для прикрепления одних штук к другим. Не раз восхитительные бесценные булавки попадались именно в узелках с медяшками.

А теперь стараниями замечательного господина фон Липвига у него был «Петушок» № 3 экстра, с широкой головкой. Мир искрился, как булавки, аккуратно торчащие из разложенного перед ним фетра. И пусть от Стэнли пахло сыром, и грибок стопы подбирался аж к колену, но в эту минуту он парил в сверкающих небесах на игольчатых крылышках.

Грош стоял у плиты и грыз ногти, бормоча себе под нос. Стэнли не прислушивался, потому что о булавках речи не шло.

– ...назначен, так? И боги с ним, с Орденом! Он и сам может меня повесить! Значитца, мне полагается еще одна золотая пуговица на манжет и прибавка, так? Никто никогда не называл меня *старшим* почтальоном! И ведь он доставил письмо. Взял в руки, прочитал адрес и доставил, вот так вот запросто. Может, в нем и впрямь течет *почтальонская* кровь. И железные буквы он вернул! Они снова все на месте, а? Вот тебе и знак. Поди ж ты, слова он может читать, которых нет! – Грош сплюнул кусочек ногтя и нахмурился. – Но... тогда он захочет узнать о Полном Пи. Да-да. А это как болячку расчесать. Скверно может кончиться. Ой как скверно. Да вот... эх, как он это нам буквы-то вернул, красота! Может, правду говорят, и однажды у нас снова будет настоящий почтмейстер, совсем как раньше. «И пройдет он по Брошенным Роликовым Конькам подошвами своими, и узрят все, как Псы Мирские поломают об него зубы свои». И он показал нам знак, так ведь? Ну и подумаешь, что знак был в окне парикмахерской для богатеньких дамочек, но знак же, тут не поспоришь. И если бы это было так уж *очевидно*, кто угодно мог бы его показать. – Очередной огрызок ногтя упал на раскаленную плиту и зашипел. – Да и годы идут, куда деваться. Только вот испытательный срок... нехорошо это, *нехорошо*. Вот что, если я завтра возьму и склею тапочки, а? Предстану перед своими праотцами, а они и спросят: «Ты ли старший почтовый инспектор Грош?» – я отвечу: нет, а они спросят: «Ты ли в таком случае почтовый инспектор Грош?» – я отвечу: не совсем, а они спросят: «Ты ли хотя бы старший почтальон Грош?» – а я отвечу: технически нет, а они ответят: «Летать-копать, Толливер, не хочешь ли ты сказать, что так и не дослужился выше младшего почтальона? Да что ты за Грош после этого?» – и я покраснею и по уши погрязну в бесчестье. Кому какое дело, что я *долгие годы* всем здесь заведовал. Нет, у тебя должна быть золотая пуговица!

Он уставился на огонь, и улыбка попыталась пробиться из-под его всклокоченной бороды.

– Пусть попробует пройти Тропой, – сказал он. – Если он пройдет Тропой, ему уже никто не посмеет возразить. И тогда я ему все расскажу! И все станет хорошо! А если он не дойдет до конца, ну так значит, почтмейстера бы из него все равно не вышло. Стэнли? *Стэнли!*

Стэнли встрепенулся от своих булавочных грез.

– Да, господин Грош?

– Есть у меня для тебя парочка дел, сынок.

А если почтмейстера из него все равно не выйдет, со скрипом добавил Грош мысленно, *так и помереть мне младшим почтальоном.*

Было непросто постучать в дверь и вместе с тем не издать ни звука, и после второй попытки Криспин Слыпень сдался и воспользовался дверным молоточком.

Стук эхом пронесся по пустынной улице, но никто не выглянул из окон. На этой улице никто бы не подошел к окну, даже если бы совершалось смертоубийство. В районах победнее люди хоть вышли бы поглазеть – а то и поучаствовать.

Дверь распахнулась.

– Добрый вечер, гофподин...

Слыпень оттолкнул сгорбленного человечка и шагнул в темный коридор, нервным жестом приказывая слуге закрыть дверь.

– Закрывай, закрывай, чего ты ждешь! За мной мог быть хвост... боги правые, ты что, Игорь? Позолот может позволить себе Игоря?

– А как же, гофподин! – Игорь выглянул на улицу, где недавно стемнело. – Вфе чифто, гофподин.

– Закрой же ты наконец дверь! – простонал Слыпень. – Мне нужно увидеться с господином Позолотом!

– Хозяин фейчаф как раз проводит очередной домашний аффамблей, гофподин, – сказал Игорь. – Я узнавайт, можно ли его отвлекайт.

– Что, все здесь? Мне не... что такое «аффамблей»?

– Званный ужин, гофподин, – ответил Игорь, принимаясь. От гостя разило спиртным.

– Ассамблея?

– Он фамый, гофподин, – безучастно кивнул Игорь. – Можешь давайт мне свой ифключительно примечательный длинный плащ ф капюшоном, гофподин. Прошу, фтупайт за мной в безгофтиную комнату, гофподин...

Внезапно Слыпень очутился один в большой зале, полной теней, горящих свечей и впеврившихся в него глаз, и двери за ним закрылись.

Глаза были изображены на портретах в больших пыльных рамах, которые плотными рядами были развешаны по стенам. Ходили слухи, что Позолот выложил за это немало денег – и речь шла не только о картинах. Поговаривали, что он купил полные права на покойников, изменил односторонним порядком их имена и так в два счета обеспечил себе блестящую родословную. Даже Слыпя этот факт немного смущал. Все врут о своих предках, в этом нет ничего особенного. А вот покупать их казалось ему сомнительным, но в этой темной изысканной оригинальности определенно чувствовался почерк Позолота.

Самые разные слухи о Хвате Позолоте поползли сразу же, как только он попал в поле зрения общества, и все стали задаваться вопросом: «Кто такой Хват Позолот? И что это за имя такое – Хват?» Вечера он закатывал знатные, с этим не поспоришь. О них ходили легенды. (Правду говорят, что подавали рубленую печень – ты там был? А в тот раз, когда он пригласил тролля-стриптизера и трое гостей выпрыгнули из окна, – ты там был? Рассказывают еще про вазу с конфетами – ты там был? Ты это видел? Это правда? *Ты там был?*) Судя по всему, половина Анк-Морпорка лавировала между столом и буфетом, бальным залом и игорными

столами, и за каждым гостем по пятам бесшумно следовал услужливый официант с заставленными напитками подносом. Одни говорили, что Хват владел личным золотым рудником, иные уверяли, что он был пиратом. А на пирата он точно походил: длинные черные кудри, остро-конечная борода и повязка на глазу. У него вроде даже попугай был. Эта версия, по крайней мере, объясняла его бездонное состояние и тот факт, что никто, абсолютно никто ничегошеньки не знал о его жизни до появления в городе. Шутили, что он продал свое прошлое точно так же, как купил себе новое.

Слыпень доподлинно знал, что в бизнесе Хват не брезговал пиратскими методами. Некоторые его...

– *Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!*

Убедившись, что сердечного приступа, к которому он был готов весь день, с ним пока не приключилось, Слыпень пересек комнату – пошатываясь, как и положено человеку, пропустившему пару стаканов, чтобы укрепить расшатавшиеся нервы, – и, сдернув темно-красное покрывало, обнаружил под ним клетку с попугаем. Там оказался самый настоящий какаду, который энергично раскачивался вверх-вниз на жердочке.

– *Двенадцать с половиной процентов! Двенадцать с половиной процентов!*

Слыпень усмехнулся.

– Вижу, ты познакомился с Альфонсом, – произнес Хват Позолот. – Чем обязан такому неожиданному удовольствию, Криспин?

Обитая бархатом дверь за ним мягко захлопнулась, заглушая музыку в отдалении.

Слыпень повернулся, и краткую вспышку радости в тот же миг поглотил мучительный страх. Позолот, не вынимая руки из кармана домашней куртки, вопросительно посмотрел на него.

– За мной следят, Хват! – выпалил Слыпень. – Витинари приставил ко мне...

– Криспин, прошу, присядь. Тебе сейчас не повредит хорошая порция бренди, – он поморщил нос. – Или лучше сказать, еще одна хорошая порция бренди?

– Я бы не отказался! Да, сделал пару глотков, нужно же было как-то прийти в себя! Ну и денек у меня был! – Слыпень плюхнулся в кожаное кресло. – Ты знаешь, что у банка почти весь день дежурил стражник?

– Сержант? Толстяк? – спросил Позолот, протягивая ему стакан.

– Толстяк, да, звания не заметил, – Слыпень шмыгнул носом. – Мне никогда не доводилось иметь дела со Стражей.

– Зато мне доводилось, – сказал Позолот и поморщился, глядя, как Слыпень варварски хлещет хорошее бренди. – Сержант Колон ошивается возле важных зданий не потому, что их могут украсть, а просто потому, что хочет спокойно выкурить сигаретку на свежем воздухе. Он придурок, его нечего бояться.

– Да, но утром к этому старому дурню Сырборо приходили из налоговой инспекции...

– Разве это большая редкость? Я налью тебе еще.

– Нет, они приходят пару раз в месяц, – признал Слыпень, протягивая пустой стакан. – Но...

– Значит, ничего страшного, – успокоил Позолот. – Ты шарахаешься от каждой тени, мой дорогой Криспин.

– Витинари шпионит за мной! – взорвался Слыпень. – Сегодня вечером за моим домом следил человек в черном! Я услышал шум, выглянул наружу и увидел его: он стоял в углу сада!

– Вор?

– Нет, мы с Гильдией в полном расчете. А днем кто-то проник ко мне домой, я в этом уверен! В моем кабинете вещи были не на своих местах! Хват, мне не по себе! Это ведь я нахожусь под ударом! Если реви...

– Не будет никакой ревизии, Криспин, – голос Позолота был слаще меда.

– Да, но я никак не могу дорваться до документов, пока не выйдет на пенсию Сырборо. А у Витинири под рукой полно этих мелких, как их там... клерков, которые вообще ничем не занимаются, только роются в бумажках! Они обо всем догадуются, точно говорю! Мы купили Магистраль на ее собственные деньги!

Позолот похлопал его по плечу.

– Успокойся, Криспин. Все будет в порядке. Твои представления о деньгах слишком устарели. Деньги – это не предмет, это даже не процесс. Это своего рода коллективное сновидение. Нам снится, что обычный металлический кругляшок стоит столько же, сколько и плотный обед. Стоит очнуться от этого сна, и деньги польются рекой.

Голос гипнотизировал его, но паника не давала Слыпню забыться. На лбу у него выступила испарина.

– Рекой, в которую Сдушкомс будет мочиться! – огрызнулся он в отчаянье, злобно сверкая глазками. – Помнишь эти башни в противосолнечной стороне от Ланкра, от которых столько хлопот было пару месяцев назад? Когда нам ск-зали, что во всем виноваты залетавшие в башни ведьмы? Ха! Эт-только в первый раз была ведьма! А п-том Сдушкомс подкупил пару новичков на башне, чтобы один сообщил о поломке, а второй тем временем со всех ног дернул к следующей башне и послал ему цифры с биржи в Орлее на ц-лых два часа раньше, чем они стали изв-стны остальным. Вот как он загоняет в сети сушеных креветок. И сушеных килек, и сушеных тертых кальмаров. Он не в п-рвый раз этим промышляет, м-жду прочим! Он свое дело знает!

Позолот поглядел на Слыпня, прикидывая, не лучше ли прикончить его прямо сейчас. Витинари был умен. Иначе он не был бы правителем этого закисающего в собственном хаосе города. Если ты заметил его шпиона, значит, Витинари именно этого и хотел. Хочешь узнать, наблюдает за тобой патриций или нет, просто обернись – и если никого не увидишь, считай, ты под колпаком.

И вдобавок этот проклятый Сдушкомс... некоторые люди не хотят видеть дальше собственного носа. Они... *мелковаты* для этого.

Использовать клик-башни подобным образом было глупо, но позволить такой шестерке, как Слыпень, пронюхать об этом, было непростительно. *Глупо*. Глупые мелкие людишки с королевским самомнением, мошенничают себе по мелочи, улыбаются тем, кого обкрадывают, и не понимают о деньгах самого главного.

Черт дернул этого тупого борова Слыпня притащиться сюда. Это немного осложняло ситуацию. Дверь была звуконепроницаемой, ковер легко можно было перестелить, а Игори всегда славились своей надежностью, но почти наверняка кто-то незримый видел, как вошел сюда человек, а стало быть, благоразумнее будет сделать так, чтобы человек отсюда вышел.

– Х-роший ты ч-ловек, Хват Позолот, – проикал Слыпень, неуверенно помахивая полупустым стаканом. Он поставил его на маленький столик с присущей перебравшим людям превеличенной бережностью, но поскольку из трех изображений столика, скользящих взад-вперед у него перед глазами, он выбрал неверное, стакан шмякнулся на пол. – Пр-шу пр-щения, – заплетающимся языком проговорил он. – Х-роший ты чел-к, такшт отдам я это тебе. Дома хр-нить оп-сно, п-тому что за мной шпионят агенты Витиринанирари. Сжечь тож не м-гу, там все запис-но. Каждая... сделка. Оч важно. Я никому больше не доверяю, все меня ненавидят. Позаботься об этом, лады?

Он извлек потрепанную красную книжицу и трясущейся рукой протянул ее Позолоту. Тот взял ее и раскрыл. Пробежал взглядом содержимое.

– Ты *все* это записывал, Криспин? – спросил он. – Зачем?

Криспин посмотрел на него с возмущением.

– Все должно быть перед глазами, Хват, – ответил он. – Нельзя зам-сти следы, если не знаешь, где насл-дил. А так... можно все в-рнуть на место, как будто нич-о и не было, – он хотел было постучать пальцем по кончику носа, но промахнулся.

– Я не спущу с этой штуки глаз, Криспин, – сказал Позолот. – Ты правильно сделал, что принес ее мне.

– Эт оч много для меня значит, Хват, – сказал Криспин, переходя на стадию пьяной сентиментальности. – Ты относишься ко мне со всей всерьезностью, не то что Сдушкомс и ост-льные. Я рискую, а они обращаются ко мне, как к грязи. То есть как с грязью. Ужжжасно хороший ты мужжжик. Даж странно, что у тебя есть Игорь, ты ведь такой хороший мужжжик, а Игоря... – Он зычно срыгнул. – Говорят, Игоря служат только у психов. Ну, у пооолностью поехавших, у всяких там вампиров и вообще. Не в обиду твоему сказано, он у тебя нормальный парень, ха-ха, несколько нормальных парней...

Хват Позолот мягко поднял его на ноги.

– Криспин, ты пьян, – сказал он. – И болтлив. Сейчас я позову Игоря...

– Йа, гофподин? – поинтересовался Игорь за его спиной. Мало кто мог позволить себе такую обслугу.

– ... и он отвезет тебя домой в моей карете. Игорь, передай его в целости и сохранности с рук на руки его лакею. Ах да, а потом не мог бы ты разыскать моего коллегу господина Грайля? Передай ему, что у меня есть для него поручение. Доброй ночи, Криспин, – Хват потрепал его по пухлой щеке. – И *не волнуйся* ни о чем. Завтра утром все эти мелкие тревоги попросту... исчезнут. Обещаю.

– Ужжжасно хороший мужжжик, – радостно пробубнил Слыпень. – Для иностранца...

Игорь отвез Криспина домой. За время пути тот успел достичь стадии беззаботного опьянения и вовсю горланил куплеты, которые насмешили бы разве что игроков в регби и детей младше одиннадцати, чем перебудил всех соседей – еще и потому, что в который раз заводил по кругу куплет про верблюда.

Потом Игорь вернулся домой, распряг карету, отвел лошадь на конюшню и направился к небольшой голубятне за домом. Голуби там были большие и жирные, не то что полудохлая падаль с городских крыш. Он выбрал одну упитанную птицу, проворно нацепил ей на лапку серебряное кольцо с посланием и подбросил ее в ночное небо.

По голубиным меркам анк-морпоркские голуби были отнюдь не глупы. Глупость в этом городе сокращала продолжительность жизни. Так что голубь вскоре должен был отыскать крышу господина Грайля. Единственное, что раздражало Игоря, – ему никогда не возвращали его голубей.

Старые конверты разлетались во все стороны, когда Мокриц сердито шел, но чаще – сердито пробирался по заброшенным помещениям Почтамта. Ему хотелось крушить стены. Он был в ловушке. В ловушке. А ведь он так старался... может, это место действительно было проклято. И имя этому проклятью было Грош...

Мокриц открыл дверь и очутился в просторном каретном дворе, который подковой огибал здание Почтамта, был до сих пор в рабочем состоянии. Грош объяснил, что, когда почтовая служба потерпела крах, транспорт уцелел. Он пользовался спросом, был хорошо налажен, и к тому же в конюшнях были десятки лошадей. А лошадей не запихнешь под половицу и на чердак не свалишь. Их нужно кормить. С горем пополам эти обязанности взяли на себя сами возницы и теперь занимались пассажирским извозом.

Мокриц смотрел, как полная карета выкатывалась со двора, когда краем глаза заметил наверху какое-то движение.

К клик-башням быстро привыкаешь. Иногда складывалось ощущение, что на каждой крыше торчит по штуке. Чаще всего это были новомодные заслонки, введенные «Гранд Магистралью», но ручные и даже флажковые семафоры старого образца все еще были в ходу. Они, однако, работали медленно и только в пределах видимости, так что частокол новых башен постепенно их вытеснял. Если вам нужно было что-то посерьезнее, вы могли обратиться в одну из маленьких компаний и арендовать там персональную башенку с постоянной горгульей, которая следила за входящими сообщениями и перенаправляла их на другие башни, а если в деньгах не было недостатка, то и со специально обученным оператором. Любой каприз за *ваши* деньги. Мокриц не разбирался в технике и не интересовался ею, но, если он правильно понимал, обдирали клиента при этом как липку, точнее, как целую рошу.

Но эти мысли вращались сейчас у него в голове вокруг другой, главной мысли, как планеты вращаются по орбите вокруг солнца: *Откуда у нас семафорная башня?*

На крыше точно была башня. Он видел ее и слышал вдалеке щелканье заслонок. И Мокриц готов был биться об заклад, что видел чью-то голову, но та тут же скрылась из вида.

Зачем нам нужна здесь башня и кто ее использует?

Мокриц опрометью побежал внутрь. Он нигде не видел лестниц, ведущих на крышу, но нельзя было знать наверняка, что скрывалось за толщей писем в конце заваленного коридора...

Он протиснулся по узкому проходу, заставленному мешками писем, и очутился в помещении, откуда выходили на задний двор большие двойные двери на засове. Там была лестница, и она вела наверх. Небольшие противопожарные лампы разливали в темноте лужицы света. *Почтамт как он есть*, подумал Мокриц: в Уставе сказано, что лестницы должны быть освещены, и они освещены, даже если по ним никто не ходит уже десятки лет – кроме Стэнли, который зажигает лампы.

Еще здесь был заброшенный грузовой подъемник той опасной конструкции, которая работала за счет перекачивания воды из огромного ливневого колодца на крыше, но Мокриц понятия не имел, как его запустить, да и в любом случае он едва ли осмелился бы им воспользоваться. Грош говорил, что подъемник сломан.

У подножия лестницы он увидел смазанный, но еще различимый меловой контур. Руки и ноги были не в самых удобных положениях.

Мокриц сглотнул и ухватился за перила.

Он пошел наверх.

Дверь на второй этаж открылась без труда: она распахнулась, едва он коснулся дверной ручки, и на лестничную площадку, подобно приливной волне, хлынул поток накопившейся почты. Мокриц пошатнулся и застонал, а письма скользили вокруг него волна за волной и ссыпались вниз по ступеням.

На одеревеневших ногах он поднялся на следующий этаж и обнаружил там еще одну тускло освещенную дверь, но на этот раз отошел в сторонку, прежде чем открыть ее. Поток все равно с силой ударил его по ногам, а шум мертвых писем звучал хриплым шепотом, пока они утекали вниз в темноту. Очень похоже на летучих мышей. Здание было переполнено мертвыми письмами, перешептывающимися друг с другом во мраке, в то самое время, как человек падал вниз, навстречу своей смерти...

Еще немного в таком темпе – и он кончит, как Грош, безумным как поварешка. Но в этом здании было что-то еще. Где-то здесь должна быть дверь...

Его голову размазало по стене...

Знаешь что, сказал Мокриц своему воображению, будешь и дальше продолжать в таком духе, я вообще тебя выключу.

Но оно предательски продолжало работать. Никогда, никогда в жизни он и пальцем никого не тронул. Он предпочитал делать ноги, а не пускать в ход кулаки. А убийство... убийство – это величина абсолютная. Нельзя совершить 0,021 часть убийства. Но нет, Помпа счи-

тал, что степень убийства можно отмерить линейкой. Допустим, где-то там, позади, и оставались люди, которым его преступления доставляли определенные... неудобства, но... как же тогда банкиры, землевладельцы и даже бармены? «Вот твой двойной виски, господин, – я только что убил тебя на 0,0003 части». *Всё, что делали все*, рано или поздно сказывалось на *всех*.

И вообще, многие его преступления и преступлениями-то считать нельзя. Взять хотя бы фокус с кольцом. Мокриц никогда не *говорил*, что кольцо было с бриллиантом. Было даже печально наблюдать за тем, как быстро честные граждане проникались идеей воспользоваться непросвещенностью бедного путника. Так недолго и разочароваться в человечестве – если бы он изначально был им очарован. И потом...

Третий этаж исторг еще одну лавину писем, но даже когда она стихла, бумажная пломба все так же плотно затыкала собой коридор. Мокриц подошел поближе, и несколько конвертов выпали, угрожая очередным обвалом.

Он уже начинал подумывать об отступлении, вот только лестницу сейчас устилали расплазующиеся конверты, а он был не в настроении осваивать горнобумажные спуски.

Но пятый этаж точно должен быть чист, верно? Как бы иначе Бакенбард добрался до лестницы, где у него была назначена встреча с вечностью? И да, на площадке четвертого этажа до сих пор валялся клочок черно-желтой веревки, прямо на ворохе конвертов. Стража побывала там. И все равно Мокриц открыл дверь с той же осторожностью, с какой до него наверняка открывал ее стражник.

Упала пара-тройка конвертов, но основной обвал произошел еще тогда. Уже в нескольких шагах от него начиналась до боли знакомая стена из писем, утрамбованных плотно, как горная порода. Стража побывала и здесь. Кто-то пытался пробиться сквозь толщу конвертов, и там осталась пробоина. Этот кто-то просунул в затор руку по самое плечо, как и Мокриц сейчас, и точно так же его пальцы нащупали там только намертво утрамбованные конверты.

Здесь никто не выходил на лестницу. Для этого пришлось бы продираться сквозь стену конвертов не меньше шести футов толщиной...

Оставался последний пролет. Мокриц осторожно поднимался по ступенькам и преодолел уже половину пути, когда услышал, что у него за спиной начался оползень.

Наверное, он потревожил стену писем на нижнем этаже. Они рвались из коридора наружу с неотвратимостью снежной лавины. Когда набегающая лавина достигла края лестницы, почта охапками сыпалась вниз. Далеко внизу закрипело и надломилось дерево. Лестница содрогнулась.

Мокриц бегом преодолел последние ступени, ведущие на пятый этаж, ухватился за ручку, открыл дверь и в таком положении переждал, пока не пройдет очередной почтовый поток. Все ходило ходуном. Послышался резкий треск, и вся лестница обрушилась из-под него, и Мокриц остался висеть в воздухе, а на него продолжали сыпаться письма.

Он болтался там, вцепившись в дверную ручку и зажмурившись, пока тряска и шум не поутихли, хотя время от времени треск дерева снизу все равно доносился.

Лестницы не стало.

Со всей осторожностью Мокриц поднял ноги и нащупал край коридора. Не делая резких движений – в частности не дыша, – он ухватился за дверную ручку с обратной стороны, так что дверь оказалась между руками. Медленно он стал зарываться пятками в кипы писем на полу коридора, попутно закрывая дверь за собой, и в то же время сместил *обе* руки на внутреннюю ручку.

Тогда он полной грудью вдохнул спертого, сухого воздуха, часто засучил пятками, изогнулся, как лосось на крючке, и наконец большая часть его тела коснулась твердого пола коридора. Риск пролететь пять этажей писем и лестничных обломков миновал окончательно.

Едва соображая, он снял с двери лампу и повернулся, чтобы оценить ситуацию.

Коридор был ярко освещен, везде были ковры, и нигде не было никакой почты. Мокриц посмотрел еще раз.

Там же *были* письма, от пола до потолка все было ими упихано. Он видел их, он чувствовал, как они падали мимо него в пропасть. Они же ему не привиделись: осязаемые, заплесневевшие, пропыленные – самые настоящие. Верить во что-либо другое было бы безумием.

Он обернулся посмотреть на руины лестницы, но не увидел ни лестницы, ни двери. Покрытый ковром пол простирался до самой стены.

Мокриц понимал, что всему этому должно быть какое-то разумное объяснение, но единственное, о чем он мог думать в ту минуту, было: как странно. Он боязливо протянул руку и дотронулся до ковра в том месте, где должна была быть лестница, но ощутил холодок на кончиках пальцев, которые прошли сквозь пустоту.

Он задумался: *Стоял ли тот предыдущий почтмейстер на моем месте? Ступил ли он на твердый с виду пол, только чтобы скатиться, переломав кости, с высоты пятого этажа?*

Мокриц стал пробираться по коридору в противоположном направлении, откуда слышался все нарастающий шум. Звук был неясный, неопределенный – мерный гул гудящего как улей здания, крики, разговоры, скрежет механизмов, шелест тысяч голосов, и шестеренок, и шагов, и печатей, и росчерков, густо замешанных в огромном пространстве, чтобы дать на выходе звуковую выжимку делового духа.

Коридор расходился в две стороны. Звук доносился из залитого светом помещения, прямо за поворотом. Мокриц подступил к начищенным до блеска медным балконным перилам – и остановился.

«Ладно, голову мы сюда доставили в целости и сохранности, что стоило немалых усилий, теперь самое время ей думать».

Зал Почтамта являл собой тусклые гроты с кипами старых писем. Ни балконов, ни сверкающей меди, ни гудящего роя работников там не было и в помине, не говоря уже ни о каких посетителях.

Так Почтамт выглядел давным-давно, и только тогда. Верно?

А еще, сэр, были балконы, вокруг всего центрального холла, на всех этажах, из железа, изорчатые как кружево!

...но в настоящее время от них ничего не осталось. И не то чтобы он сам переместился в прошлое. Глазами он видел бархатный ковер, но на ощупь там была все та же лестница.

Мокриц пришел к выводу, что ногами он стоял в самом что ни на есть настоящем времени, а глазами видел самое что ни на есть прошлое. Только ненормальный всерьез мог бы в такое поверить, но с другой стороны, от Почтамта всего можно было ожидать.

Бедняга Бакенбард решил пройтись по полу, которого здесь давно уже не было.

Мокриц остановился, не доходя до балкона, протянул руку вниз и вновь ощутил холодок на кончиках пальцев, когда ладонь прошла сквозь ковер. Кто же это был... ах да, господин Тихабль. Остановился здесь, поспешил заглянуть вниз и...

...шлеп, вот прямо шлеп головой вниз...

Мокриц выпрямился, схватился за стену для надежности и осторожно выглянул в огромный холл.

Хрустальные люстры свисали с потолка – они не были зажжены, потому что солнечный свет, проникающий сквозь искрящийся купол, заливал зал, блаженно лишенный голубиного помета, но зато переполненный народом: кто мельтешил туда-сюда по шахматному полу, кто усердно трудился за длинными полированными прилавками – *из редкого дерева, как отец сказывал*. Мокриц не мог отвести глаз.

Картина, представшая его взору, была соткана из сотен передвижений, каждое из которых имело цель и смысл, и они органично сплетались в величественном хаосе. Там, внизу, с места на место перевозили большие проволочные тележки, груженные почтой; пачки писем громоз-

дились на движущейся ленте; служащие со скоростью света рассовывали письма по ячейкам. Все эти люди работали как гигантский слаженный механизм – *вы бы только видели, сэр!*

Слева от Мокрица в дальнем конце холла высилась золотая статуя раза в три-четыре выше человеческого роста. Она изображала стройного молодого человека, по-видимому бога, на котором из одежды была одна только фуражка с крылышками, сандалии с крылышками и – Мокриц прищурился – фиговый листок с крылышками?

Скульптор запечатлел юношу в тот момент, когда он готовился прыгнуть в воздух, с гордым и решительным видом держа перед собой конверт с письмом.

Статуя подчиняла себе все помещение. В настоящем времени никакой статуи не было и постамент пустовал. Если уж люстры и прилавки повыносили, то у статуи, которая *выглядела* золотой, не было ни малейшего шанса. Она, наверное, была посвящена какому-нибудь духу Почты.

Тем временем почта внизу двигалась более прозаичным методом.

Прямо под куполом висели часы с четырьмя циферблатами, смотрящими во все стороны. Взгляд Мокрица упал на часы как раз в тот момент, когда длинная стрелка с щелчком указала вверх, знаменуя начало нового часа.

Раздался гудок. Лихорадочная хореография стихла, и где-то внизу распахнулись двери, откуда строем вышли две шеренги почтальонов – *а униформа, сэр, темно-синяя и с медными пуговицами, ох, вы бы только видели!* – промаршировали через зал и вытянулись по струнке у главного входа. Их там поджидал крупный мужчина в еще более роскошной форме с таким лицом, будто его мучила зубная боль. На поясе у него висели большие песочные часы в медном каркасе, и смотрел он на выжидающих почтальонов с таким выражением, будто видывал он в жизни вещи и похуже, но нечасто, и только на подошвах своих огромных башмаков.

С выражением злобного удовлетворения на лице он поднял песочные часы и набрал побольше воздуха, прежде чем проорать:

– Чеееетвертая смена, станоооо-вись!

Звук показался Мокрицу немного приглушенным, словно он доносился сквозь фанерную стену. Почтальоны, и до этого стоявшие на изготовку, умудрились принять вид еще более внемлющий.

Здоровяк зыркнул на них и снова набрал воздуха в грудь.

– Трееееетья смена, гоооо-товсь, го-товсь!.. ША-ГО-О-ОМ АРШ!

Обе шеренги строем прошли мимо него и покинули здание.

Раньше мы были почтальонами...

Нужно найти нормальную лестницу, подумал Мокриц, отодвигаясь подальше от края. *У меня прошлое в... галлюцинациях, и настоящее... под ногами. Как будто я хожу во сне. Я не хочу вот так выйти в воздух и закончить свои дни очередным меловым контуром на полу.*

Он обернулся, и кто-то прошел сквозь него.

Ощущение было не из приятных, как внезапный озноб. Но это было еще не самое страшное. Самое страшное – это видеть чужую голову, которая проходит прямо через твою. Там все преимущественно серое, местами красноватое, и дырки в носовой пазухе. Про глазные яблоки лучше и не знать.

... с такой физиономией, будто привидение увидел...

Мокрицу поплохело. Зажав ладонью рот, он отвернулся – и увидел юного почтальона, который вглядывался туда, где стоял Мокриц, с таким же ужасом, какой наверняка был написан и на незримом лице Мокрица. Потом парнишка передернул плечами и поспешил прочь.

Стало быть, господин Игнавия тоже добрался до этой точки. Ему хватило ума сообразить, как устроен пол, но при виде чужой головы внутри твоей... что ж, такое может заставить врасплох.

Мокриц бросился вдогонку за юношей. Он не понимал, куда направляется. Вместе с Грошем он обошел не больше одной десятой части здания, так как путь им то и дело преграждали груды писем. Он точно знал: есть и другие лестницы, сохранившиеся до настоящего времени. Главное – добраться до первого этажа. Там почве под ногами можно будет доверять.

Юноша нырнул в помещение, где, видимо, хранились посылки, но Мокрица привлекла открытая дверь, которая вела из комнаты дальше, – в проеме виднелось что-то похожее на балюстраду.

Он метнулся туда, и пол ушел у него из-под ног.

Свет померк. Мокриц на мгновение с пугающей ясностью заметил вокруг иссохшие письма, падающие вместе с ним. Он приземлился на бесконечную почту и закашлялся, а старые, пересохшие конверты продолжали падать на него. В какой-то момент за пеленой бумажного ливня он краешком глаза заметил пыльное окно, наполовину заваленное письмами, но тут же снова пропал под лавиной. Письма вокруг него пришли в движение, расплзаясь и вниз и вбок. Послышался треск, как будто дверь сорвало с петель, и толща писем стала оползать вбок совсем настойчиво. Мокриц в панике попытался высунуть голову наружу, как раз вовремя, чтобы удариться о верхний косяк двери, – и поток снова накрыл его с головой.

Беспомощно кувыркаясь в бумажной реке, Мокриц отдаленно почувствовал толчок: пол не выдержал. Письма потекли в дыру, увлекая Мокрица за собой и втягивая в следующий поток. Свет померк, когда тысячи писем рухнули на него, а потом исчез и звук.

Мрак и тишина обступили его плотным кольцом.

Мокриц фон Липвиг поджал колени, обхватив голову руками. Воздух пока еще был, но душный и спертый, и его не могло хватить надолго. Мокриц уже не мог пошевелить даже пальцем.

Так и умереть можно. Так *очень даже* можно умереть. Он был со всех сторон окружен тоннами писем.

– Вручаю свою душу любому богу, который сможет ее отыскать, – пробормотал он в тяжелой духоте.

Синие росчерки заплясали у него в глазах.

Слова. Написанные слова. Но они говорили.

«Дорогая матушка, добрался я без приключений, нашел хорошее жилье...»

Голос был типичный для какого-нибудь сельского паренька, но при этом обладал определенной... *скрипучестью*. Если бы письмо могло говорить, именно так бы это и звучало. Слова продолжали литься, а буквы крениться и заворачиваться под пером неумелого писателя...

...не успело оно закончиться, как уже другие строки стали писать себя в темноте, аккуратные и чеканные:

«Уважаемый господин, имею честь поставить тебя в известность, что я являюсь управляющим имением покойного господина Дэви Трилла из поместья Смешанных Чувств, и ты единственный...»

Голос продолжал зачитывать текст таким деловым тоном, что было *слышно*, как полки в его кабинете ломятся от юридических книг, но после трех строчек началось новое письмо:

«Дорогая госпожа К. Кларк, к прискорбию своему сообщаю, что вчера в схватке с противником твой супруг, К. Кларк, мужественно сражавшийся до самого конца...»

А потом они стали писать все вместе. Десятки, сотни, а там и тысячи голосов звучали у Мокрица в голове и извивались под веками. Никто не кричал – они просто раскручивали строку за строкой, пока его голова не переполнилась звуками, которые выстраивались в

новые слова, точь-в-точь как инструменты в оркестре звенят, скрипят и гудят, чтобы прийти к общему крещендо...

Мокриц хотел закричать, но конверты набились ему в рот.

В этот момент чья-то рука ухватила его за ногу, и Мокриц оказался в воздухе вниз головой.

– А, Господин Вон Липвиг! – прогремел господин Помпа. – Осматриваешься! Добро Пожаловать В Твой Новый Кабинет!

Мокриц выплюнул бумагу и жадно втянул носом воздух.

– Они... живые! – просипел он. – Они все *живые!* И они недовольны! Они разговаривают! И мне не померещилось! Когда мерещится, это не больно! И я знаю, как умерли все остальные!

– Рад За Тебя, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа и развернул его правильной стороной вверх. По пояс утопая в конвертах, он расчищал собой дорогу, а за спиной у него с потолка сыпались все новые и новые письма.

– Ты не понимаешь! Они говорящие! Они требуют... – Мокриц задумался. Он все еще слышал отголоски их шепота. Не столько для голема, сколько для себя самого, он сказал: – Они как будто требуют, чтобы их... прочли.

– В Этом Состоит Назначение Письма, – невозмутимо ответил Помпа. – Я Уже Почти Расчистил Твои Апартаменты.

– Но ведь это же обычная бумага! Как она может разговаривать?

– Это Место – Гробница Неуслышанных Слов, – задумчиво пророкотал голем. – И Они Жаждают Быть Услышанными.

– Да ладно тебе! Письма – это клочки бумаги, не умеют они разговаривать!

– Я – Просто Комок Глины, Но Я Умею Слушать, – заметил Помпа с тем же невозмутимым спокойствием.

– Да, но в тебя замешали какое-то колдовство для этого...

Красные огоньки в глазах мистера Помпы сверкнули, и он пристально уставился на Мокрица.

– Я попал... в прошлое... мне кажется, – пробормотал Мокриц и попятился назад. – Мысленно... Бакенбард так и умер! Он свалился по лестнице, которой не было в прошлом! А господин Игнавия до смерти испугался! Я уверен! Но я был весь в письмах! А там, наверное, была дыра в полу... не знаю... и тут... я провалился, и... – Он умолк. – Здесь нужна помощь священника или волшебника. Кого-нибудь, кто разбирается в таких вещах. При чем тут я?!

Голем подхватил две пригоршни писем, под которыми еще совсем недавно был погребен его подопечный.

– Ты Главный Почтмейстер, Господин Вон Липвиг, – сообщил он.

– Это все сказочки Витинари! Какой из меня почтальон, я обычный жулик...

– Господин фон Липвиг? – раздался нервный голос позади Мокрица. Мокриц обернулся и увидел в дверях Стэнли, который отпрянул при виде его лица.

– Да? – рывкнул Мокриц. – Какого черта тебе... что тебе нужно, Стэнли? Я немного занят в данный момент.

– Там люди, – сказал Стэнли, неуверенно улыбаясь. – Внизу. Там люди.

Мокриц все еще сверлил Стэнли взглядом, но тот, по-видимому, уже сказал все, что хотел.

– И этим людям нужно – что именно? – подсказал Мокриц.

– Они хотят тебя видеть, господин фон Липвиг, – ответил Стэнли. – Они говорят: хотим видеть человека, который хочет быть почтмейстером.

– Не хочу я быть... – начал было Мокриц, но плюнул. Не было смысла срываться сейчас на мальчишке.

– Прошу Прощения, Почтмейстер, – произнес у него за спиной голем. – Я Бы Хотел Вернуться К Своей Работе.

Мокриц уступил ему дорогу, и человек из глины пошел дальше по коридору, заставляя старые половицы скрипеть под его огромными ножищами. Отсюда было видно, как именно ему удалось расчистить кабинет. Остальные помещения ломились от писем и грозили лопнуть по швам. Если голем решил запихнуть что-то в комнату, то он это запихнет.

При виде его грузной фигуры Мокрицу немного полегчало. Было в господине Помпе что-то чрезвычайно... прагматичное, что ли.

Что ему сейчас было нужно, так это нормальное дело: нормальные люди, с кем можно поговорить, нормальные вещи, которые заглушат голоса в голове. Мокриц отряхнул бумажные ключья со своего все более и более сомнительной чистоты костюма.

– Ну что ж, – сказал он, пытаясь отыскать галстук, который нашелся где-то на спине. – Посмотрим, что им нужно.

Они ожидали на площадке между лестничными пролетами. Тощие и согбенные старички, напоминавшие собой Гроша, только постарше. На них были одинаковые древние одеяния, но оказалось в них и кое-что совсем неожиданное.

У каждого к кончику колпака было привязано по голубиному скелету.

– Ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – прорычал один из них при его приближении.

– Чего? Кто я буду? – переспросил Мокриц. Надежды на что-нибудь нормальное начали затухать.

– Да, сэр, это вы, – зашептал ему Стэнли. – Вам надо ответить да, сэр. Ах, сэр, как бы я хотел быть сейчас на вашем месте.

– На каком месте?

– Повторяю вопрос: ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – спросил старик сердито. Мокриц заметил, что на трех средних пальцах правой руки у него недостает крайних фаланг.

– Ну, допустим. Если вы настаиваете, – ответил он. Это не встретило одобрения.

– В последний раз повторяю: ты ли будешь Непроштемпелеванный Человек? – на этот раз его голос звучал не на шутку угрожающе.

– Хорошо, хорошо! Для поддержания беседы, положим, да! Я – Непроштемпелеванный Человек! – крикнул Мокриц. – Теперь можем ли...

Сзади на него набросили что-то черное, и он почувствовал, как вокруг шеи у него затягивается шнурок.

– Непроштемпелеванный Человек опаздывает, – прокряхтел еще один старческий голос у Мокрица над ухом, и незримые, но сильные руки вцепились в него. – Он пока не почтальон!

– С вами все будет в порядке, сэр, – произнес голос Стэнли, пока Мокриц пытался вырваться. – Не пугайтесь. Господин Грош вам все подскажет. Вы справитесь, сэр.

– С чем? – спросил Мокриц. – Отпустите меня, вы, старичье проклятое!

– Непроштемпелеванный Человек страшится Тропы, – прошипел один из нападающих.

– О да, Непроштемпелеванный Человек будет возвращен отправителю в срочном порядке, – произнес еще один.

– Нефранкированный Человек должен быть взвешен, – сказал третий.

– Стэнли, господина Помпу ко мне, живо! – крикнул Мокриц, но колпак на голове был слишком плотным и тесным.

– Никак не могу, сэр, – ответил Стэнли. – Совершенно никак не могу. Все будет хорошо, сэр. Это обычная... проверка. Это Орден Почты, сэр.

Дурацкие колпаки, сообразил Мокриц и немного расслабился. Мешки на голову и угрозы... это мне знакомо. Рыночные мистики. В целом мире не сыскать города, где не было бы

своего Верного и Древнего и Праведного и Герметичного Ордена маленьких человечков, которые считают, что могут постичь тайны древних в течение пары часов и по два часа каждый четверг и не понимают, какими кретинами выглядят в этих мантиях. Мне ли не знать – я и сам состоял в десятке таких вот орденов. Готов поспорить, у них есть и секретное рукопожатие. Я знаю больше секретных рукопожатий, чем богов. Я не в большей опасности, чем в обществе первоклашек. А то и в меньшей. Непроштемпелеванный... ну право слово.

Он вздохнул свободней. Позволил свести себя вниз по ступеням и сойти в сторону. Ах да, разумеется. Когда проходишь обряд инициации, ты должен испытывать страх, но всем понятно, что это понарошку. Что-то может *звучать* страшно, по *ощущениям* может быть страшно, но *на самом деле* – ничего страшного. Он вспомнил, как вступал в Общество – как бишь их, ах да – Людей Борозды в захолустном городке где-то у черта в кочерыжках³. Глаза ему, конечно, завязали повязкой, и члены общества стали издавать самые ужасные звуки, на какие у них хватило фантазии, а потом раздался голос из темноты: «Пожми руку Древнему Повелителю!» Мокриц протянул руку и пожал копыто козлу. Те, кому удавалось пережить это и не наложить в штаны, были приняты.

На следующий день он свистнул у трех новообретенных братьев восемьдесят долларов. Сейчас это не казалось Мокрицу таким смешным, как раньше.

Престарелые почтальоны вывели его в центральный холл. Это Мокриц установил по эху. И если верить вставшим дыбом волоскам на загривке, в зале были еще люди. Может, и не только люди – где-то ему слышался приглушенный рык. Но так обычно и бывает, верно? Все и должно звучать тревожно. Главное – действовать смело, нагло и прямолинейно.

Провожатые покинули его. Мокриц постоял немного в темноте и почувствовал, как кто-то схватил его под локоть.

– Это я, сэр. Старший почтальон на испытательном сроке Грош, сэр. Ни о чем не беспокойтесь. Я ваш временный Ментор, сэр.

– А это все обязательно, господин Грош? – вздохнул Мокриц. – Я, знаешь ли, был официально назначен на эту должность.

– Назначены, но пока не приняты, сэр. «Подтверждение Отправки не есть Подтверждение Доставки».

– О чем ты сейчас вообще?

– Я не могу посвящать в тайны Непроштемпелеванного Человека, сэр, – сообщил Грош с придыханием. – Вы молодец, что продержались до сих пор, сэр.

– Замечательно, – сказал Мокриц, стараясь говорить бодро. – Что плохого может случиться, а?

Грош молчал.

– Я говорю... – начал Мокриц.

– Я как раз собирался с мыслями, сэр, – ответил Грош. – Ну, что я могу сказать... ага. Может случиться, что вы потеряете от одного до пяти пальцев на руке, останетесь калекой на всю жизнь или переломаете себе половину костей. Еще, конечно, вас могут не принять. Но ни о чем не беспокойтесь, сэр, даже не думайте!

Где-то наверху прогремел голос:

– Кто будет представлять Непроштемпелеванного Человека?

Грош, стоя рядом с Мокрицем, откашлялся. Когда он заговорил, то голос его даже дрожал.

– Я, старший почтальон на испытательном сроке Толливер Грош, представляю Непроштемпелеванного Человека.

³ В регионах, где преобладают другие сельскохозяйственные культуры и влияние капусты на общественный уклад не так сильно, дело происходило бы, разумеется, у черта на куличках.

– *Про кости ты же это сказал, просто чтобы напугать меня, да?* – прошепел Мокриц.
– Стоит ли он во Мраке Ночи? – вопрошал голос.
– Сейчас стоит, Достопочтенный Мастер! – радостно воскликнул Грош и прошептал спрятанному под колпаком Мокрицу: – Ребята из старой гвардии очень рады, что вы вернули девиз на место...

– *Я счастлив. А теперь уточни про сломанные кости...*

– Так пускай же он пройдет Тропой! – распорядился невидимый голос.

– Мы просто будем идти вперед, сэр, это проще пареной капусты, – настойчиво зашептал Грош. – Вот так. Стойте здесь.

– Слушай, – сказал Мокриц. – Вот это вот все... это же просто чтобы напугать меня, да?

– Предоставьте это мне, сэр, – прошептал Грош.

– Но подожди... – начал Мокриц и чуть не поперхнулся мешком.

– Пусть обует Башмаки! – продолжал голос.

Удивительно, как четко слышны заглавные буквы, подумал Мокриц, стараясь не подавиться тканью.

– Прямо перед вами стоит пара башмаков, сэр, – хрипло зашептал Грош у него под боком. – Обувайтесь. Ничего сложного, сэр.

– Тьфу! Да, но...

– Обувайтесь, сэр!

Мокриц очень неуклюже разулся и сунул ноги в невидимые башмаки. Они оказались тяжелыми как свинец.

– Тропа Непроштемпелеванного Человека нелегка! – весомо произнес голос. – Иди дальше!

Мокриц сделал шаг вперед и наступил на что-то, что укатилось у него из-под ног. Он споткнулся, полетел головой вперед и испытал адскую боль, когда стукнулся голенью о железо.

– Почтальоны, – вновь прогремел голос, – какова ваша Первая Заповедь?

Из темноты нараспев донесся хор голосов:

– *Что за безобразие, чтоб вам провалиться! Игрушки, коляски, садовые инструменты... разбросают тут под ногами в такую темень, и хоть бы что им!*

– Подал ли голос Непроштемпелеванный Человек? – спросил голос.

Кажется, я сломал челюсть, подумал Мокриц, когда Грош поставил его на ноги. Кажется, я сломал челюсть!

– Молодчина, сэр, – прошептал старик и затем добавил уже громко для невидимых зрителей: – Он не подавал голоса, Достопочтенный Мастер, но проявил стойкость!

– Тогда преподнесите ему Сумку! – прогремел голос в стороне. Мокриц начинал ненавидеть этот голос.

Невидимые руки повесили Мокрицу на шею ремень. Руки исчезли, и Мокриц согнулся пополам от тяжести.

– Сумка Почтальона тяжела, но совсем скоро она полегчает! – прокатилось по залу эхом.

Никто не говорил, что это будет так больно, подумал Мокриц. То есть вообще-то говорили, но они не сказали, что они это серьезно...

– Вперед и с песней, сэр, – понукнул его невидимый Грош. – Это Тропа Почтальона, не забывайте!

Осторожно, очень осторожно Мокриц сделал шаг вперед и услышал, как что-то с дребезгом укатилось в сторону.

– Он не споткнулся о роликовый конек, Достопочтенный Мастер! – доложил Грош невидимым наблюдателям.

Мокриц приободрился и, все еще изнывая от боли, сделал еще пару робких шагов. Что-то опять задребезжало, отскочив от его ноги.

– Беспечно Брошенная Пивная Бутылка не стала ему преградой! – торжествовал Грош.

Осмелев, Мокриц шагнул еще дальше, наступил на что-то скользкое, и его нога оторвалась от пола и полетела вверх, не дожидаясь хозяина. Мокриц всей тяжестью приземлился на спину, стукнувшись затылком об пол. Он был уверен, что слышал, как треснул череп.

– Почтальоны, какова ваша Вторая Заповедь? – вопрошал гулкий голос.

– *Собаки! Не бывает хороших собак! Ежели не покусают, то всё обгадят! Все равно что в машинное масло ступить!*

Мокриц встал на колени, пытаясь унять головокружение.

– Вот так, вот так, идите вперед! – прошипел Грош, подхватив его под локоть. – Идите до самого конца, будь то дождь или зной! – Он еще немного понизил голос: – Вспомните, что написано на входе!

– *Госпожа Торт?* – пробормотал Мокриц и подумал про себя: *Было там про дождь или про снег? Или про слякоть?* Почувствовав движение, он склонился над неподъемной сумкой, и его с ног до головы окатило водой, после чего ведро с неуместным энтузиазмом стукнуло его по голове.

Дождь, стало быть. Он выпрямился и в тот же момент ощутил кусачий холод у себя за шиворотом и чуть не вскрикнул.

– Это лед, сэр, – прошептал Грош. – Мы раздобыли немного в морге, но это ничего, сэр, он почти не использованный... в это время года мы не придумали ничего другого вместо снега. Извиняйте! И ни о чем не волнуйтесь, сэр.

– Проверим же Почту! – громогласно потребовал голос.

Мокриц на подгибающихся ногах вошел в круг, а Грош запустил руку в его сумку и победоносно вытащил оттуда письмо.

– Я, старший почтальон на испытательном... ой, секундочку, Достопочтенный Мастер... – Старик наклонил голову Мокрица к себе поближе и зашептал: – Испытательный срок, случаем, еще не подошел к концу, вашеблагородь?

– Что? А, подошел, да, подошел! – сказал Мокриц, чувствуя, как ледяная вода набирается в ботинки. – Определенно!

– Я, *старший* почтальон Грош, заявляю, что почта суха и невредима, Достопочтенный Мастер! – торжественно объявил Грош.

На этот раз властный голос содержал в себе тревожные нотки злорадства.

– *Тогда пусть он... доставит ее.*

В удушающем мраке мешка чувство самосохранения Мокрица забаррикадировало все двери и спряталось в подвале. В этот момент вперед подались невидимые хористы.

В этот момент игры кончились.

– Я, между прочим, не подписывал никаких бумаг, – пробормотал он, пошатываясь.

– Осторожнее, осторожнее, – шептал ему Грош, пропустив его слова мимо ушей. – Почти на месте! Дверь прямо перед вами, там почтовый ящик... можно ему сделать передых, Достопочтенный Мастер? Он здорово ушибся головой...

– Передых, брат Грош? Чтобы ты еще что-нибудь успел ему подсказать? – презрительно отвечал председательский голос.

– Достопочтенный Мастер, согласно обычаям, Непроштемпелеванному Человеку позволено... – возразил Грош.

– Непроштемпелеванный Человек да пройдет Тропой один! Ни на кого не полагаясь, Толливер Грош! Он хочет быть не каким-нибудь младшим почтальоном, не даже старшим почтальоном, это не для него! Он хочет достигнуть звания Почтмейстера одним заходом! Мы тут собрались не поиграть в «сколько раз стучит почтальон», младший почтальон Грош! Ты нас сам уговаривал, и это тебе не шутки! Пусть докажет, что достоин должности!

– *Старший* почтальон Грош, на минуточку, будьте так любезны! – закричал Грош.

– Ты, Толливер Грош, не настоящий старший почтальон, пока *он* не пройдет испытание!
– Ах вот как? А кто сказал, что ты Достопочтенный Мастер, а, Джордж Агги? Ты просто первый мантию отхватил, вот ты и Достопочтенный Мастер!

Достопочтенный Мастер продолжил уже менее командным тоном:

– Ты хороший малый, Толливер, тут ничего не скажу, но эти рассказы о том, как в один прекрасный день на пороге возникнет самый настоящий почтмейстер и все встанет на свои места... это такая ересь! Оглянись вокруг! Почта отжила свой век. И мы тоже. Былого не воротить. Но если ты такой упертый, то все будет согласно кодексу!

– Ну и пожалуйста! – ответил Грош.

– Ну и пожалуйста! – эхом откликнулся Достопочтенный Мастер.

Тайное общество почтальонов, подумал Мокриц. *Зачем оно?*

Грош вздохнул и наклонился к нему.

– Ох и повздорим мы, когда закончим тут со всем, – прошептал он. – Прошу прощения, сэр. Просто отправьте письмо. Я верю в вас, сэр!

Он отошел в сторону.

Во мраке мешка на голове, ошалевший, окровавленный, Мокриц шаркающим шагом двинулся вперед, вытянув перед собой руки.

Он уперся ладонями в дверь и стал шарить по ней в тщетных поисках отверстия. В конце концов он нащупал его в фуге от земли.

Так, спокойно, суй уже туда треклятое письмо, и покончим с этим цирком раз и навсегда. Но они не играли в игры. Это мероприятие было не из тех, где старине Гарри нужно просто произнести правильные слова, чтобы стать очередным членом Почетного Ордена Диванных Набивок. Здесь все воспринимали происходящее *всерьез*.

Но ему всего-то и нужно было просунуть письмо в щелку, так? Что тут может быть сложного... стоп, секунду... вроде у одного из тех стариков, что вели его сюда, на руке не хватало кончиков пальцев...

И вот тут Мокриц рассердился. Он даже забыл о боли в челюсти. Он не обязан все это делать! Уж по крайней мере, он не обязан делать все *именно так*. Все могло бы кончиться для него гораздо хуже, да только эти *старикантес идиотес* ему и в подметки не годились!

Мокриц выпрямился во весь рост, проглотив стон, и стянул с головы колпак. Все вокруг него было погружено во тьму, но ее разбавлял свет из дверей и десятка затемненных фонарей.

– Эй, гляньте, он снял мешок! – выкрикнул кто-то.

– Непроштемпелеванный Человек может оставаться во мраке, – произнес Мокриц, – но Почтальон выбирает Свет.

С интонацией он попал в точку. Интонация – залог успеха тысяч афер. Твой голос должен звучать идеально, так, как будто ты знаешь, что делаешь, как будто ты контролируешь ситуацию. И несмотря на то, что сказал он чепуху, это была убедительная чепуха.

В темноте дверца фонаря приоткрылась чуть шире, и жалобный голос произнес:

– Не-а, не вижу я ничего такого в книге, где там такое сказано?

А еще нужно действовать быстро. Мокриц обмотал колпаком руку и поднял крышку почтового ящика. Другой рукой он наугад вытянул из сумки письмо, щелчком отправил его в отверстие и стащил свою импровизированную перчатку. Она была изодрана, будто по ней прошлись лезвия.

– Почтальоны, какова ваша Третья Заповедь? – торжественно вскрикнул Грош. – Все вместе, ребята: *Какого черта! Не крышки, а ножи какие-то!*

Ответом было упрямое молчание.

– На нем таки не было мешка, – проворчал некто в мантии.

– Очень даже был! На руке! Ну-ка, и где же сказано, что так нельзя делать? – закричал Грош. – Говорил я вам! Он тот Избранный, которого мы так долго ждали!

– Он еще не прошел последнее испытание, – сказал Достопочтенный Мастер.

– Какое такое последнее испытание, а, Джордж Агги? Письмо он доставил! – возразил Грош. – Лорд Витинари назначил его почтмейстером, и теперь он прошел Тропой!

– Витинари! Он здесь всего ничего! Кто он такой, чтобы распоряжаться, кому быть почтмейстером? Был ли его отец почтальоном? Нет! А дед его? Ты только посмотри, кого он сюда присылает! Ты сам говорил, что они скользкие жуки без капли почтовых чернил в крови!

– Я все же думаю, этот... – начал было Грош.

– Пусть пройдет последнее испытание, – отрезал Достопочтенный Мастер. – Ты знаешь, какое.

– Но это ж смертоубийство! – сказал Грош. – Нельзя же...

– Я повторять не буду, Толли, мальчик мой, так что заткнись! Ну что, господин почтмейстер? Готов ли ты принять величайшее испытание, которое подстерегает почтальона? Готов ли ты сразиться... – он сделал паузу для пущего эффекта и на тот случай, если вдруг раздастся зловещая музыка, – с Врагом-у-Ворот?

– Сразиться и победить, если вы настаиваете! – ответил Мокриц. Этот увалень уже назвал его почтмейстером – сработало же! Говори так, как будто ты здесь главный, и все в это поверят! Да, и «победить» тоже было неплохим штрихом.

– Настаиваем! Еще как настаиваем! – наперебой заголосили почтальоны в мантиях.

Грош, в темноте походивший на бородатую тень, взял Мокрица за руку и, к его вящему изумлению, пожал ее.

– Вот за это прошу прощения, господин фон Липвиг, – сказал он. – Не ожидал, вот уж не ожидал. Жульничают они. Но вы справитесь. Главное, доверьтесь *старшему почтальону* Грошу, вашеблагородь.

Он убрал руку, и Мокриц почувствовал что-то маленькое и холодное в своей ладони. Он сжал кулак. *Не ожидал, говоришь?*

– Хорошо, *почтмейстер*, – сказал Достопочтенный Мастер. – Это испытание простое. Все, что от тебя лично требуется, – это стоять на своих двоих на этом самом месте ровно через одну минуту, задача ясна? Ребята, разбегаемся!

Послышался топот ног и шорох одеяний, и где-то вдали хлопнула дверь. Мокриц остался стоять в тишине, темноте и голубиной вони.

Что это могло быть за испытание? Он попытался припомнить весь текст надписи на входе. Тролли? Драконы? Нечто зеленое и зубастое? Он разжал кулак и посмотрел, что передал ему Грош.

Что-то подозрительно похожее на свисток.

Где-то во тьме открылась и захлопнулась дверь. Сразу за этим послышался отдаленный топот лап.

Собаки.

Мокриц развернулся, пересек зал и вскочил на постамент. Для большой собаки это не преграда, но с такой высоты хотя бы удобнее будет отбиваться от них ногами.

А потом раздался лай, и Мокриц не сдержал улыбки. Однажды услышав этот лай, его ни с чем не спутаешь. Лай не был особенно агрессивным, потому что исходил из пасти, способной прокусить череп. Для тех, кто способен на такое, дополнительная реклама не нужна. Новости быстро распространяются.

Какая эрония судьбы! Им удалось раздобыть где-то липвигцеров!

Когда в свете фонаря стали видны их глаза, Мокриц сказал:

– *Шлам!*

Собаки замерли и уставились на Мокрица. Наверняка они думали про себя: *Что-то здесь не так.*

Он вздохнул и прыгнул с постамента.

– Вот что, – сказал он, положил руки обеим собакам на копчик и надавил. – Всем известно, что самок липвигцеров никогда не вывозили из страны. Это повышает цену на потомство... *Шлат*, я сказал!.. и все щенки до единого обучаются липвигцерским командам. С вами говорят ваши корни, мальчики! *Шлат*!

Собаки тут же сели.

– Умницы, – сказал Мокриц.

Верно говорил дед: если закрыть глаза на то, что они могут прокусить тебе ногу насквозь, в остальном – милейшие зверюги.

Мокриц сложил ладони лодочкой и крикнул:

– Господа! Можете выходить!

Он не сомневался, что почтальоны прислушивались в ожидании криков и рыка.

Где-то открылась дверь.

– Идите сюда! – повторил Мокриц. Собаки повернулись в сторону кучки приближающихся почтальонов и зарычали долгим непрерывным рыком.

Теперь он отчетливо видел всех членов таинственного ордена. Одетые, разумеется, в мантии, потому что какое же секретное общество без мантий, они откинули капюшоны, и на каждом из господ почтальонов ⁴красовался колпак, на котором болтался птичий скелет.

– Мы так и знали, господин, что Толливер всучил тебе собачий свисток, – сказал один из них, нервно поглядывая на липвигцеров.

– Этот, что ли? – спросил Мокриц, разжав ладонь. – Я им не воспользовался. Они от этого только звереют.

Почтальоны вытаращились на сидящих псов.

– Но они... сидят, – сказал кто-то.

– Я могу дать им и другие команды, – деловито сообщил Мокриц. – Мне достаточно просто сказать слово.

– Кхм... там двое наших ребят стоят с намордниками, если вы не возражаете, сэр, – сказал Грош, а Орден попятился назад. – Мы на гегенегетическом уровне побаиваемся собак. Это профессиональное.

– Уверяю вас, власть моего голоса над ними тверже стали, – сказал Мокриц. Скорее всего, полная чушь, зато *отменная*.

Одна из собак зарычала напряженнее, что обычно бывает прямо перед тем, как животное превращается в боевой снаряд с зубастой пастью.

– *Фодит!* – прикрикнул Мокриц. – Прошу нас извинить, господа. Мне кажется, вы действуете им на нервы, – добавил он. – Вы, наверное, в курсе, что собаки чувствуют страх.

– Слушай, мы извиняемся, ладно? – сказал тот, в чьем голосе угадывался Достопочтенный Мастер. – Должны же мы были удостовериться.

– Значит, я теперь почтмейстер? – уточнил Мокриц.

– Так точно, господин. Никаких сомнений. Добро пожаловать, о Почтмейстер!

Способный ученик, отметил про себя Мокриц.

– Ну тогда я... – начал он, но в этот момент широкие двери холла распахнулись.

Вошел господин Помпа, держа в руках большую коробку. Непросто открывать тяжелые двойные двери, когда обе руки у тебя заняты, если только ты не голем. Големы просто входят. Двери могут открыться, могут остаться закрытыми – это их выбор.

Собаки опрометью бросились на него. Почтальоны опрометью кинулись в противоположном направлении и стали карабкаться на помост за спиной у Мокрица со скоростью, завидной для столь почтенного возраста.

⁴ В тайных обществах всегда серьезная нехватка женщин.

Помпа шел вперед, круша под ногами остатки Тропы. Он покачнулся, когда животные набросились на него, потом спокойно отставил коробку и поднял псов за шкирки.

– Там За Дверью Ждут Господа С Сетями, В Перчатках И Очень Толстой Одежде, Господин Вон Липвиг, – сказал он. – Говорят, Они Работают На Гарри Короля. Желают Знать, Закончили Вы С Собаками Или Нет.

– На Гарри Короля? – переспросил Мокриц.

– Это важный купец, сэр, сколотил состояние на отходах, – объяснил Грош. – Собак, собственно, у него и взяли. По ночам он спускает их с цепи у себя во дворе.

– Чтобы воры не забрались?

– Думаю, если кто и заберется, он не станет возражать, сэр. Не придется кормить собак лишний раз.

– Ха-ха! Господин Помпа, забери отсюда собак, будь добр, – распорядился Мокриц. Липвигцеры! Как все *просто* оказалось.

Проводив взглядом голема, у которого под мышками свисали скулящие псы, он добавил:

– Дела у Гарри Короля, видимо, идут на славу, если он может себе позволить липвигцеров в качестве сторожевых псов!

– Липвигцеры? У Короля Гарри? Да что вы, сэр! Будто старина Гарри станет покупать заграничных собак за бешеные деньги, когда есть помесь, нет уж! – сказал Грош. – Может, *что-то* от липвигцера в них и есть, и наверняка самое худшее. Хе-хе, да чистокровный липвигцер и пяти минут бы не выстоял против здешней дворняжки. У некоторых в предках можно и крокодила найти.

Повисла тишина, и Мокриц произнес замогильным голосом:

– Значит... это точно не заграничные чистокровки, ты в этом уверен?

– Жизнью твоей ручаюсь, сэр, – радостно согласился Грош. – А что, что-то не так?

– Что? А, нет... все в полном порядке.

– Вы как будто разочарованы, сэр. Или что?

– Нет, я в порядке. Все в полном порядке... знаешь, – задумчиво добавил Мокриц, – а мне ведь пора заняться стиркой. И, пожалуй, куплю новые туфли...

Двери распахнулись, и в холл вошел господин Помпа – уже без собак. Он подобрал с пола коробку и направился к Мокрицу.

– Что ж, нам пора, – сказал Достопочтенный Мастер. – Рад был знакомству, господин Мокриц.

– Что, и все? – спросил Мокриц. – И никакой церемонии?

– О, это все к Толливеру, – ответил Достопочтенный Мастер. – Я бы и рад видеть эти руины снова в деле, честное слово, но сегодня вокруг сплошные клики. Юный Толливер верит, что все здесь можно вернуть в прежнее русло, но он был совсем мальчишкой, когда все развалилось. Некоторые вещи, господин Мокриц, не исправить. Можешь, конечно, называть себя почтмейстером, но с чего ты начнешь, чтобы привести эту машину в порядок? Все это – старая рухлядь, господин, совсем как мы.

– Твоя Фуражка, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа. Они обернулись.

– Что? – переспросил Мокриц, глядя на голема, который терпеливо стоял у постамента с головным убором в руках.

Это была золотистого цвета почтальонская фуражка с козырьком и золотыми же крылышками. Мокриц взял ее у него из рук и вблизи увидел, что золото было всего лишь краской, потрескавшейся и местами облезшей, а крылья – настоящими высушенными голубиными крыльями, которые грозили рассыпаться при касании. Голем поднял фуражку на свет, и она засверкала, как сокровище из древней гробницы. Она хрустела в руках Мокрица, пахла чердаком и роняла золотые крошки. Под кромкой на грязной этикетке были слова: «БОЛТ и ЛОК, ВОЕННАЯ И ПАРАДНАЯ ФОРМА, ПЕРСИКОВОПИРОЖНАЯ УЛ., А-М. РАЗМЕР: 7»

– Есть Еще Пара Башмаков, Тоже С Крыльями, – сказал господин Помпа. – И Предмет На Резиночке В Виде...

– Это не нужно! – восторженно оборвал его Грош. – Где ты все это раздобыл? Мы где только не искали! Столько *лет*!

– Было Под Всеми Письмами В Кабинете Почтмейстера, Господин Грош.

– Не может такого быть, быть такого не может! – возразил Грош. – Мы там тыщу раз смотрели! Я видел каждый дюйм ковра в том кабинете!

– Некоторая часть писем была, кхм, передислоцирована сегодня, – сказал Мокриц.

– Так И Есть. Господин Вон Липвиг Провалился Через Потолок.

– Ах, так он ее нашел, значит! – воскликнул Грош. – Видите? Пророчество! Оно начинает сбываться!

– Нет никакого пророчества, Толливер, – сказал Достопочтенный Мастер, печально качая головой. – Знаю, ты со мной не согласен, но пожелание, чтобы кто-нибудь пришел и разгреб весь этот бардак, – это еще не пророчество. Немного не то.

– Письма опять стали разговаривать! – сказал Грош. – Перешептываются по ночам. Приходится зачитывать им Устав, чтобы замолчали. Точь-в-точь как волшебник сказал!

– Ну, знаешь, как мы в старину говорили: *нужно* быть сумасшедшим, чтобы здесь работать, – ответил Достопочтенный Мастер. – Все кончено, Толливер. Правда, конечно. Мы уже даже не нужны этому городу.

– Ну-ка, наденьте фуражку, господин фон Липвиг! – сказал Грош. – Это судьба, что она вот так взяла и нашлась. Наденьте фуражку и посмотрим, что будет!

– Ну что ж, если никто не против, – пробурчал Мокриц. Он занес фуражку над головой, но заколебался.

– Ничего же не случится, нет? – спросил он. – А то у меня был очень странный день...

– Да ничего не случится, – сказал Достопочтенный Мастер. – Никогда ничего не случилось. Когда-то мы все думали, что вот возьмет и случится. Каждый раз, когда кто-нибудь обещал вернуть люстру на место или доставить письмо по адресу, мы думали: может, вот оно, может, на этот раз все получится. А ты осчастливил юного Толливера, когда вернул девиз на место. Вздорадовал его. И он теперь думает, что на этот раз все получится. Но этому никогда не бывать, потому как место это про-кля-тооо.

– Это как проклято, только с дополнительными «о»?

– Именно. Худшее, что может быть. Так что вперед, господин, надевай фуражку. По меньшей мере убережет от дождя.

Мокриц приготовился было натянуть фуражку, но заметил, как старые почтальоны отступили подальше.

– Вы сомневаетесь! – крикнул он и погрозил им пальцем. – Вы все-таки сомневаетесь, все вы! Вы думаете, *хмм*, а вдруг на этот раз что-то получится, а? Затаили дыхание, я же вижу! Надежда – ужасное чувство, господа.

Он нахлобучил фуражку на голову.

– Чувствуете что-нибудь? – спросил Грош через некоторое время.

– Затылок чешется, – ответил Мокриц.

– Потому что необъяснимые чудесные силы проникают в вас, да? – не унимался Грош.

– Не похоже, – ответил Мокриц. – Мне жаль.

– Большинство почтмейстеров, под чьим началом мне довелось работать, терпеть не могли эту вещь, – заметил Достопочтенный Мастер, когда все облегченно вздохнули. – Тебе хотя бы с ростом повезло. Почтмейстер Аткинсон был всего полтора метра ростом и в этой фуражке всегда казался угрюмым, – он похлопал Мокрица по плечу. – Не переживай, мальчик, ты сделал все, что мог.

Мокрицу на голову упал конверт. Он смахнул его, и тут же другой конверт шлепнулся ему на плечо и соскользнул на пол.

Письма стали сыпаться вокруг, как рыба, подхваченная мимоходящим торнадо.

Мокриц поднял глаза наверх. Письма падали из темноты, и легкая их морось постепенно превращалась в бурный ливень.

– Стэнли? Это ты там хулиганишь? – предположил Грош, которого почти не видно было за бумажным потоком.

– Я всегда говорил, полы на чердаке слишком слабые, – простонал Достопочтенный Мастер. – Опять почтовый обвал. Мы слишком расшумелись, вот в чем дело. Давайте выбираться отсюда, пока все целы.

– Так потушите уже свои фонари! Они огнеопасные! – прикрикнул Грош.

– Тогда мы будем впотьмах выбираться, юноша!

– По-твоему, пусть лучше нам горящая крыша дорогу освещает?

Фонари моргнули и погасли... и в темноте, которой они больше не мешали, Мокриц увидел на стене надпись – точнее сказать, в воздухе рядом со стеной. Невидимое перо делало в пустоте росчерк за росчерком, выводя мерцающие синие буквы.

Мокриц фон Липвиг? – прочел он.

– Э-э-э... да?

Почтмейстер!

– Послушайте, я не тот «избранный», которого вы ищете!

Мокриц фон Липвиг, в такие времена сгодится любой Избранный!

– Но... но... я не достоин!

Запасайся достоинством побыстрее, Мокриц фон Липвиг! Верни нам свет! Открой нам двери! Не задерживай гонцов!

Мокриц посмотрел вниз и увидел золотое свечение под ногами. Оно зажглось на кончиках пальцев и стало растекаться изнутри по телу, как доброе вино. Он почувствовал, как его ноги оторвались от постамента, когда слова подняли его в воздух и мягко закружили.

Вначале было Слово, но что есть слово без гонца, Мокриц фон Липвиг? Ты – ПОЧТМЕЙСТЕР!

– Да, я почтмейстер! – воскликнул Мокриц. *Письма должны разойтись, Мокриц фон Липвиг!*

Слишком долго мы были взаперти.

– Я отправлю письма!

Отправишь письма?

– Да! Да!

Мокриц фон Липвиг?

– Да?

Порывом ветра, взметнувшим конверты в золотом сиянии и сотрясшим здание до самого основания, пронеслись слова:

Доставь Нас!

Глава шестая

Картинки

Почтальоны без масок – Чудовищный агрегат – Полный Пи – Господин фон Липвиг задумывается о марках – Гонец из начала времен

– Господин Вон Липвиг? – позвал господин Помпа.

Мокриц поднял голову и увидел перед собой горящие глаза голема. Должен быть какой-то другой способ просыпаться по утрам. Некоторые, в конце концов, обходятся будильником.

Укрывшись заплесневелым одеялом, Мокриц лежал на голом матрасе в своих свежеразгребенных апартаментах, где пахло старой бумагой. Все тело ныло от боли.

Краешком своего сонного сознания он слушал господина Помпу:

– Почтальоны Ожидают, Господин Вон Липвиг. Почтовый Инспектор Грош Сказал, Что Ты Захочешь Сам Отправить Их В Путь, Чтобы Все Было Как Положено.

Мокриц поморгал в потолок.

– Почтовый инспектор? Я повысил его аж до почтового инспектора?

– Да, Господин Вон Липвиг. Ты Был Полон Энтузиазма.

Воспоминания о минувшей ночи предательски поспешили отбить свою фирменную чечетку на знаменитых подмостках Большого Театра Неловких Ситуаций.

– Почтальоны? – выдавил он.

– Братство Ордена Почты. Они Хоть И В Возрасте, Но Прыткие. Все Давно На Пенсии, Но Вызвались Волонтерами. Они Здесь Уже Несколько Часов – Сортируют Почту.

Я нанял на службу людей еще старше Гроша...

– Что еще я натворил?

– Ты Произнес Пламенную Речь, Господин Вон Липвиг. Меня Особенно Впечатлило, Когда Ты Отметил, Что Слово «Ангел» Означает «Посланник». Мало Кто Об Этом Знает.

Лежа на матрасе, Мокриц медленно пытался засунуть кулак себе в рот.

– А Еще Ты Пообещал Вернуть На Место Большие Люстры И Полированные Прилавки. Все Были В Восторге. Никто Не Знает, Куда Они Делись.

О боги, подумал Мокриц.

– И Статую Бога. Насколько Я Могу Судить, Это Потрясло Их Еще Больше, Ибо Статую Переплавили Много Лет Тому Назад.

– Сделал ли я вчера что-нибудь, хоть отдаленно намекавшее, что я был *в своем уме*?

– Прошу Прощения, Господин Вон Липвиг?

Но Мокриц начал припоминать и свечение, и шепот писем. Они наполнили его разум... не то знаниями, не то воспоминаниями, которые он не помнил, как приобрел.

– Незаконченные истории, – проговорил он.

– Да, Господин Вон Липвиг, – спокойно согласился голем. – Ты Много О Них Говорил.

– Правда?

– Да, Господин. Ты Сказал...

...что каждое недоставленное послание – это пространственно-временной фрагмент, которому не за что зацепиться, сгусток намерения и чувства в свободном парении. Собери их вместе несколько миллионов – и они станут делать то, что и положено письмам. Они будут общаться и менять природу вещей. Если их достаточно много, они искажают пространство вокруг себя.

Мокриц видел в этом смысл. По крайней мере, не меньше, чем во всем остальном.

– И... я действительно воспарил над землей, сияя золотом? – поинтересовался Мокриц.

– Видимо, Этот Момент Я Упустил, Господин Вон Липвиг, – ответил Помпа.

– То есть не воспарил, ты имеешь в виду.

– В Некотором Смысле Воспарил, Господин, – сказал голем.
– Но в нормальном общедоступном смысле – нет?
– Ты Горел, Что Называется, Внутренним Огнем. Почтальоны Были Крайне Впечатлены. Мокриц бросил взгляд на крылатую фуражку, беспечно брошенную на стол.
– Мне никогда не оправдать их ожиданий, господин Помпа, – сказал он. – Им нужен святой, а не тип вроде меня.
– Возможно, Как Раз Святой Им И Нужен, – заметил голем.
Мокриц сел, уронив одеяло.
– Что стало с моей одеждой? – спросил он. – Я абсолютно уверен, что аккуратно развесил все по полу.
– Я Хотел Отчистить Твой Костюм Пятновыводителем, – сказал Помпа. – Но Поскольку Весь Костюм Был Одним Сплошным Пятном, Пятновыводитель Вывел Костюм Целиком.
– Это был мой любимый костюм! Пустил бы его на тряпки хотя бы.
– Виноват, Господин Вон Липвиг, Я Полагал, ЧТО Это Тряпки Пустили На Твой Костюм. Но Я Выполнил Приказ.
Мокриц замер.
– Какой еще приказ? – спросил он недоверчиво.
– Вчера Ты Распорядился Достать Костюм Почтмейстера, Господин Вон Липвиг. Ты Дал Мне Самые Четкие Указания, – ответил голем. – К счастью, Мой Коллега Оверлок 22 Служит В Театральной Костюмерной. Костюм Висит На Двери.
Голем даже раздобыл где-то зеркало. Не очень большое, но Мокрицу хватило, чтобы увидеть, что одет он до того с иголки, того и гляди уколется.
– Ого, – протянул он. – Ну прямо золотая рыбка.
Костюм был из золотой ткани – или того, что носят вместо нее артисты. Мокриц хотел было отказаться, но вовремя задумался.
Хороший костюм помогает делу. Как бы хорошо ни был подвешен язык, от этого мало толку, если брюки плохо сидят. Люди будут обращать внимание на костюм, а не на Мокрица. А на этот костюм они точно обратят внимание – он будет озарять улицу, и людям придется щуриться, чтобы посмотреть на него. И оказывается, он *сам* так распорядился.
– Он очень... – Мокриц задумался. Единственное слово, которое пришло на ум, было: – стремительный. У меня такое ощущение, что я вот-вот пушусь бегом!
– Оверлок 22 Мастер Своего Дела, Господин Вон Липвиг. Обрати Внимание На Золотую Рубашку И Галстук. Все В Тон Фуражке.
– А ты не мог попросить у него что-нибудь менее яркое? – спросил Мокриц и прикрыл глаза ладонью, чтобы не ослепнуть от вида собственных лацканов. – Что-нибудь такое, что можно будет надеть и не осветить ненароком весь город?
– Будет Исполнено, Господин Вон Липвиг.
– Хорошо, – сказал Мокриц, моргая от блеска своих рукавов. – Приступим к почте, в таком случае.
Почтальоны, до тех пор пребывавшие в отставке, собрались в холле на пяточке, расчищенном от вчерашнего письмапада. Они были одеты в почтальонскую форму, но поскольку все формы хоть чем-то да отличались друг от друга, они, технически, не были одеты *по форме*. На всех были фуражки с козырьками, только у одних днища стояли торчком, а у других лежали плашмя, да и сами старики давно усохли для своей прежней одежды, так что сюртуки свисали с них как драповые пальто, а брюки походили на мехи от аккордеона. И, по стариковскому обыкновению, почтальоны нацепили на себя все свои медали и стояли с таким решительным видом, будто собирались в последний бой.

– Смена к инспекции готова, вашеблагородь! – сообщил почтовый инспектор Грош, так старательно вытянувшийся по струнке, что от гордости его ноги на целый дюйм отрывались от земли.

– Спасибо. Кхм... хорошо.

Мокриц сам не знал, что именно он инспектировал, но он старался, как мог. Ряд морщинистых лиц смотрел на него во все глаза.

Мокриц заметил, что не все их медали были за военные заслуги. У Почтамта были и свои собственные награды. Одна такая медаль, с золотой собачьей головой, красовалась на груди низкорослого человечка с физиономией как у представителя семейства хорьковых.

– Что это за... э... – начал он.

– Старший почтальон Джордж Агги, сэр! За что медаль? Пятнадцать укусов, и все еще в строю, сэр! – гордо объявил он.

– Что ж, это... это... много укусов, что и говорить...

– Но после девятого раза я всех их обдурил, сэр, и сделал себе жестяную ногу!

– Ты потерял ногу? – в ужасе спросил Мокриц.

– Нет, сэр. Просто прикупил себе старых доспехов, – объяснил сморщенный старичок и хитро улыбнулся. – Бальзам на душу, сэр, когда слышу, как скрипят их зубы о железо.

– Агги, Агги... – проговорил Мокриц, и тут до него дошло. – Это же ты...

– Достопочтенный Мастер, сэр, я и есть, – ответил Агги. – Надеюсь, вы не держите зла за вчерашнее, сэр. Все мы когда-то были полны надежд, как юный Толливер, но давно отчаялись. Не обижайтесь.

– Не буду, – пообещал Мокриц, потирая затылок.

– Я бы хотел поздравить вас еще раз от своего имени, как председатель анк-морпоркского Ордена Добровольного Общества Работников Почтовой Службы, – продолжал Агги.

– Большое спасибо, – ответил Мокриц. – А что это за общество?

– Это были мы вчера, сэр, – объяснил Агги и просиял.

– Но вы же тайное общество!

– Не столько *тайное*, сэр, сколько... незаметное, скажем так. В наши дни всех больше интересует размер пенсии, по правде сказать, да порядочные похороны организовать старым товарищам, когда настанет их час вернуться отправителю.

– Молодцы, – ответил Мокриц расплывчато, отвечая одним словом сразу на все. Он отошел назад и откашлялся. – Господа, пора браться за дело. Если мы хотим, чтобы Почтамт снова заработал, нужно начать с доставки старой почты. Это священный долг. Почта должна найти своего адресата. Пусть это займет полсотни лет, но это должно быть сделано. Вам знакома эта тропа. Не сворачивайте с нее. Помните: если вы не сможете доставить письмо, если такого адреса больше не существует... возвращайтесь, и мы положим письмо в отдел мертвых писем, и будем считать, что мы хотя бы попытались. Мы просто хотим, чтоб люди знали, что почта снова работает. Ясно?

Один почтальон поднял руку.

– Да? – память на имена у Мокрица была намного лучше памяти на все произошедшее накануне. – Старший почтальон Томпсон, не так ли?

– Так точно, сэр! А что нам делать, если люди *дадут* нам письма?

Мокриц нахмурился.

– В каком смысле? Мне казалось, идея в том, чтобы *доставлять* почту по адресу.

– Вообще-то Билл прав, сэр, – встрял Грош. – Что нам делать, если станут приносить новую почту?

– Ну, а что вы раньше делали? – спросил Мокриц.

Почтальоны переглянулись.

– Брали с них один пенни за штемпель, приносили письмо сюда, штамповали печатью Почтамта, – отпрапортовал Грош, – потом в сортировочную и на доставку.

– То есть... людям приходилось ждать встречи лично с почтальоном? Как-то не очень...

– О, в прежние времена у нас были десятки отделений, вот в чем дело, – сказал Грош. – Но как только дела наши ухудшились, они все закрылись.

– Тогда начнем с доставки, а остальное сообразим по ходу дела, – сказал Мокриц. – Уверен, мы что-нибудь придумаем. А тебе, господин Грош, придется раскрыть мне один секрет...

Гремя связкой ключей, Грош вел Мокрица подвалами Почтамта, пока наконец они не вышли к железной двери. Мокриц заметил моток полосатой черно-желтой полосатой веревки на полу – стало быть, Стража и тут побывала.

Дверь с щелчком отворилась. Изнутри шло голубоватое свечение, приглушенное, но ровно настолько, чтобы действовать на нервы, вызывать фиолетовые круги в боковом зрении и заставлять глаза слезиться.

– Ву-оп-ля, – объявил Грош.

– Это что... какой-то театральный орган? – спросил Мокриц. Очертания аппарата, который громоздился посреди комнаты с элегантностью дыбы, было сложно разглядеть. Свечение шло откуда-то из его недр. Слезы уже вовсю текли по лицу Мокрица.

– Интересная версия, сэр! Но нет, это наш Сортировочный Агрегат, – сказал Грош. – Проклятие всего Почтамта, сэр. Раньше там сидели бесенята, чтобы, собственно, читать адреса, но они давным-давно все поразбежались. И то хорошо.

Мокриц прошел взглядом по проволочным лоткам, которые занимали целую стену огромного помещения. Взгляд остановился на меловых контурах на полу. Мел сиял странным светом. Контуры были совсем небольшими. У одного было пять пальцев.

– Производственная травма, – пробормотал Мокриц. – Ладно, господин Грош, рассказывай.

– Не подходите близко к свету, сэр, – сказал Грош. – То же самое я и господину Хубль-бери сказал. Но он взял и все равно сюда потом пробрался. Ох, и надо же было, чтоб именно юный Стэнли его обнаружил, когда увидел, как бедняжка Пис-Пис волочит что-то по коридору. Настоящая мясохрустка предстала его глазам. Вы и представить себе не можете, что тут творилось, сэр.

– Могу себе представить, – сказал Мокриц.

– Ох, вряд ли что можете, сэр.

– Правда, могу.

– Уверен, что нет, сэр.

– Говорю тебе, могу! – прикрикнул Мокриц. – Ты думаешь, я не вижу всех этих меловых рисунков вокруг? Может, продолжим, пока меня не стошнило?

– О... разумеется, сэр, – согласился Грош. – Вам знакомо имя Чертов Тупица Джонсон? Он очень популярен в наших краях.

– Он вроде инженер? И с его постройками всегда что-то не так? Кажется, я читал о нем...

– Он самый, сэр. Может соорудить все, что угодно, но, к сожалению, всегда с каким-нибудь серьезным изъяном.

В голове Мокрица память пнула нужный нейрон.

– Не он ли однажды распорядился использовать самоцветы в качестве отделочного материала, чтобы сэкономить на малярах?

– Точно так, сэр. Чаще всего серьезный изъян заключается в том, что за работу берется Чертов Тупица Джонсон. Можно сказать, изъян – часть самого процесса. Хотя, по правде говоря, многие его штуковины работают исправно, хотя делают совсем не то, что было задумано. Эта машина, сэр, в самом деле начинала свою жизнь органом, но оказалась сортиро-

вочным аппаратом. Задумка была в том, что почту из мешка высыпали вот в эту вагонетку, после чего конверты быстро распределялись по лоткам. Почтмейстер Дрыгун, говорят, хотел как лучше. Всеми силами старался поднять производительность труда. Дед мне рассказывал, что Почтамт целое состояние спустил, чтобы привести аппарат в движение.

– Еще и впустую небось, – сказал Мокриц.

– О нет, сэр, все работало. Все замечательно работало. Настолько хорошо, что народ в конце концов начал с ума сходить.

– Дай угадаю, – сказал Мокриц. – Почтальонам пришлось трудиться в поте лица?

– Почтальоны всегда трудятся в поте лица, сэр, – не моргнув глазом ответил Грош. – Нет, народ задергался, когда в сортировочной корзине стали появляться письма, которые будут написаны только через год.

Повисла тишина, и в этой тишине Мокриц мысленно прокрутил всевозможные варианты ответа, от «Отличная шутка, тебе бы со своей программой выступать» до «Да брось заливать», и пришел к выводу, что все они прозвучат глупо. А Грош выглядел предельно серьезно. Так что Мокриц спросил просто:

– Как?

Престарелый почтальон указал пальцем на синее свечение.

– Загляните вовнутрь, сэр. Сами увидите. Только ни за что не подставляйтесь прямо на свет.

Мокриц подвинулся чуть ближе к агрегату и осторожно заглянул внутрь механизма. В самой сердцевине свечения еле-еле ему удалось разглядеть маленькое колесико. Оно медленно вращалось.

– Я вырос на Почтамте, – говорил сзади Грош. – Родился в сортировочной, был взвешен на почтовых весах. Учился чтению по конвертам, счету по гроссбухам, учился гияграфии по картам города, а истории по рассказам стариков. Лучше любой школы. Лучше любой, говорю, школы. Но никогда не обучался гияметрии, сэр. Такой вот пробел в моей голове, все эти углы и прочее. Но тут, сэр, тут у нас полный пи.

– Все так плохо? – спросил Мокриц, отрываясь от зловещего мерцания.

– Нет, нет, сэр, пи как в гияметрии.

– А, пи, ты имеешь в виду число, которое получается, когда... – Мокриц умолк. В математике он был хорош выборочно – то есть ему не было равных, если требовалось очень быстро вычислить проценты или курсы валют. В его школьном учебнике был параграф о геометрии, но Мокриц никогда не понимал, где ему это может пригодиться.

Но он все-таки попытался.

– Все дело в... это число, которое получается, если радиус круга... нет, длину обода на три раза с хвостиком... э...

– Что-то в этом роде, сэр, вполне возможно, что-то в этом роде, – сказал Грош. – Три с хвостиком, вот в чем загвоздка. Да вот Чертов Тупица Джонсон заявил, что хвостики – это некрасиво, так что он изобрел колесо, где пи было равно трем. Вот оно, там, внутри.

– Но это же невозможно! – воскликнул Мокриц. – Так нельзя! Пи – оно как бы... врожденное! Нельзя его взять и изменить. Для этого нужно изменить вселенную!

– Да, сэр. Говорят, именно так и вышло, – согласился Грош. – А сейчас я покажу вам фокус. Отойдите назад, сэр.

Грош прошелся по соседним комнатам и вернулся с деревянной палкой.

– Еще дальше, – посоветовал он и бросил деревяшку на верхушку аппарата.

Звук не был громким – такое тихое «хлоп». Мокрицу показалось, что с палкой что-то произошло, когда свет упал прямо на нее. Какой-то намек на кривизну...

Несколько деревяшек упали на пол, и вокруг разлетелись щепки.

– Приходил волшебник осмотреть аппарат, – сказал Грош. – Сказал, что механизм скручивает самую капельку вселенной, чтобы пи таки могло быть равно трем, и искажает все, что к нему приближается. Кусочки, которые пропадают, так и теряются в пространственно-временном континуинунуме, сэр. А с письмами этого, видите ли, не происходит, из-за того что они попадают внутрь аппарата. Вот такие дела, сэр. Иные письма выпрыгивали из аппарата за пятьдесят лет до того, как их отправили!

– Почему вы его не отключили?

– Никак нельзя, сэр. Он работает сам по себе, как насос. И волшебник сказал, что, если мы его остановим, жуткие вещи могут случиться! Из-за этих, как их, квантов, что ли.

– Но вы же могли просто перестать совать в него почту?

– То-то и оно, сэр, то-то и оно, – сказал Грош, почесывая бороду. – Здесь вы попали в самый, так сказать, центр сути. Так и нужно было сделать, сэр, так и нужно, но мы решили использовать его себе на пользу. Ох и планы строила наша дирекция, сэр. Доставить письмо в Сестрички Долли через полминуты после того, как его принесли на почту в центре города, – каково, а? Конечно, доставлять почту до того, как мы ее получили, было бы просто невежливо, но сразу после-то, а? Мы работали хорошо, а потому хотели стать еще лучше...

И все это звучало очень знакомо...

Мокриц невесело слушал. Путешествия во времени, в конечном итоге, всего лишь разновидность магии. Неудивительно, что что-то вечно идет не так.

Потому и существуют настоящие почтальоны, на двух ногах. Потому и строят дорожные клик-башни. В конце концов, потому хлебопашцы и вспахивают землю, потому рыбаки и забрасывают сети. О да, все то же самое можно сделать и по волшебству, *конечно*. Можно взмахнуть палочкой и получить яркие звездочки и свежий ломоть хлеба. Можно сделать так, чтобы рыба выпрыгнула из моря уже поджаренной. Но как-нибудь и где-нибудь потом волшебство выставит счет, который обязательно окажется тебе не по карману.

Вот почему волшебство поручили волшебникам, которые умели с ним обращаться. Основной их задачей было вовсе не прибегать к помощи волшебства. Не в том смысле, что они не умели творить волшебство, а в том что они *могли* к нему прибегнуть, но *не делали* этого. Любой дурак может опростоволоситься, пытаясь превратить человека в жабу. Требовался ум, чтобы *воздержаться* от этого, когда понимаешь, как это легко. В мире есть места, которые служат напоминанием о временах, когда волшебникам не хватало на такие вещи ума, и в этих местах никогда уже не прорастет трава.

В общем, вокруг всей этой истории витало чувство некой предопределенности. Люди только и ждут, чтобы их обвели вокруг пальца. Они всерьез верят, что под ногами валяются золотые самородки, что на этот раз они угадают правильный наперсток, а стекляшка в кольце в кои-то веки окажется бриллиантом.

Слова сыпались из Гроша, как скопившиеся письма из трещины в стене. Иногда аппарат выдавал тысячу копий одного и того же письма, а иногда переполнял сортировочную письмами следующего вторника, месяца, года. Иногда это оказывались письма, которые так и не были написаны, или только могли быть написаны, или собирались быть написаны, и даже письма, которые на самом деле не были написаны, хотя люди уверяли, что точно-точно их написали, чем они и заслужили себе сумрачное существование в каком-то странном, незримом мире писем и обрели жизнь благодаря этому механизму.

Если где-то существует каждый из возможных миров, значит, где-то существует и каждое из возможных писем. Где-то были предъявлены все эти квитанции на оплату.

Они шли потоком, письма из настоящего времени, которые на проверку оказывались письмами *не из этого* настоящего времени, а из того, которое могло бы иметь место, случись какая-нибудь мелочь в прошлом по-другому. Волшебники сказали, что, если отключить агрегат, ничего не изменится. Он существовал во множестве других настоящих времен, поэтому рабо-

тал и тут, вследствие... длинного предложения, которого почтальоны не поняли, но там были слова «портал», «множественные измерения» и «кванты» (дважды). Они ничего не понимали, но нужно же было что-то *делать*. Доставить всю эту почту было просто невозможно. И так помещения начали заполняться...

Волшебники из Незримого Университета подошли к вопросу с энтузиазмом докторов, замороженных новой жуткой болезнью: пациент благодарен за интерес к теме, но предпочел бы, чтобы они или придумали лекарство, или перестали тыкать пальцами.

Агрегат невозможно было остановить и ни в коем случае нельзя было разрушать, заявили волшебники. Уничтожение машины вполне могло привести к тому, что вселенная в тот же миг прекратит свое существование.

Тем временем Почтамт продолжал переполняться, так что однажды старший почтовый инспектор Ропотам отправился в сортировочную, прихватив с собой лом, прогнал всех волшебников и отдубасил агрегат, пока шестеренки не перестали вращаться.

Письма прекратились. Хоть какое-то облегчение. Но, как ни крути, у Почтамта был свой Устав, так что старшего почтового инспектора вызвали на ковер к почтмейстеру Дрыгуну и поинтересовались, с чего это он удумал ставить под угрозу целую вселенную.

Как гласит легенда Почтамта, господин Ропотам ответил: «Во-первых, сэр, я решил, что если вдруг вселенная уничтожится в тот же миг, то никто ничего и не заметит. Во-вторых, когда я звезданул по этой дуре в первый раз, волшебники разбежались, так что я подумал: или у них есть запасная вселенная, или они не так уж и уверены в том, что сказали. И наконец, сэр, оно у меня уже в печенках сидело. Всегда терпеть не мог технику, сэр».

– Такая вот история, сэр, – закончил Грош, когда они вышли в коридор. – Но вообще-то я слышал, будто волшебники заявили, что вселенная все же *была* уничтожена в тот же миг, просто она сразу вернулась обратно. Дескать, это им видно невооруженным глазом. Так что все обошлось, а Ропотаму ничего не было, хотя бы потому, что, основываясь на Уставе Почтамта, сложно наложить на человека взыскание за то, что он чуть не уничтожил вселенную. Хотя, хе-хе, иные почтмейстеры были бы не прочь попробовать. Но тогда, сэр, нас здорово подкосило. С той поры все пошло под откос. Персонал упал духом. Это нас надломило, сказать по правде.

– Стоп, – сказал Мокриц. – А письма, которые мы только что раздали ребятам, они не из какого-нибудь другого измерения?

– Будьте спокойны, я вчера все проверил, – сказал Грош. – Они просто старые. Это всегда видно по штемпелю. Я очень хорошо разбираюсь в том, где наши письма, а где не очень, сэр. Годы практики. Сноровка, сэр.

– Остальных научить сможешь?

– Рискну предположить, да, – ответил Грош.

– Господин Грош, письма разговаривали со мной, – выпалил Мокриц.

К его изумлению, старик схватил его за руку и крепко пожал.

– Поздравляю, сэр, – сказал он, и слезы выступили у него на глазах. – Я же говорю, сэр: сноровка! Нужно слушать шепот, вот в чем секрет. Живые они, *живые*, говорю! Не как люди, а... вот как корабли. Все эти письма, они здесь так близко друг к другу, столько... *чувства* в них, сэр, я даже думаю, у этого места есть душа, сэр, вот что...

Слезы текли по щекам Гроша. *Это безумие, никаких сомнений*, подумал Мокриц. *Но как же оно заразительно.*

– Ага! Вижу, по глазам вижу, сэр, – воскликнул Грош, улыбаясь сквозь слезы. – Почтамт нашел тебя! Он объял тебя, сэр, точно говорю. И никогда его уже не покинешь, сэр. Есть семьи, которые работали тут не одну сотню лет, сэр. Стоит Почтамту поставить на тебе свой штемпель – и все, сэр, все, назад дороги нет...

Мокриц как можно вежливей высвободил свою руку.

– Кстати, – сказал он, – расскажи мне о штемпелях.

Шлеп.

Мокриц взглянул на лист бумаги. Смазанная красная надпись, отпечатанная щербатыми стертыми буквами, гласила: «ПОЧТАМТ ГОРОДА АНК-МОР-ПОРК».

– Вот так, сэр, – сказал Грош, размахивая увесистым штемпелем из дерева и металла. – Сначала шлепаем штемпель на чернильную подушечку, а потом шлепаем – *шлеп* – на письмо. Готово, сэр! Видите? Еще один. Каждый раз одно и то же. Простемпелевано.

– И это стоит пенни? – сказал Мокриц. – Какой кошмар, для подделки тут хватит одной сырой картофелины – даже ребенок справится!

– Да, сэр, такая проблема всегда имела место, – согласился Грош.

– И вообще, почему почтальон должен маркировать письма? – спросил Мокриц. – Почему бы просто не продавать штемпели?

– Тогда они заплатят один пенни, а пользоваться будут хоть всю жизнь, – справедливо заметил Грош.

В механизмах вселенной шестеренки предопределенности встали на свои места...

– Тогда... – Мокриц задумчиво уставился на бумагу, – тогда... почему бы не продать им штемпель, который можно использовать... лишь единожды?

– В смысле, чернил зажать? – Грош нахмурился, и его парик соскользнул набок.

– В смысле... маркировать бумагу много-много раз, а потом нарезать ее на получившиеся... марки... – Мокриц сосредоточился на своей идее, пусть даже для того только, чтобы не обращать внимания на парик, тихонько ползущий на место. – Доставка по городу стоит один пенни, да?

– Кроме Теней, сэр, туда – пять пенсов из-за вооруженного стражника, – сказал Грош.

– Ага. Ясно. Кажется, я кое-что придумал... – Мокриц посмотрел на господина Помпу, который тихонько тлел в углу кабинета. – Господин Помпа, будь другом, сходи к Наседке-с-Цыплятами, найди там «Козла и Ватерпас» и спроси у трактирщика «ящик господина Робинсона». Трактирщик может потребовать доллар. И раз уж будешь там поблизости, зайди заодно в печатню Цимера и Шпулькса. Дай им знать, что главный почтмейстер города хочет обсудить с ними очень крупный заказ.

– Цимер и Шпулькс? У них очень дорого, сэр, – сказал Грош. – Они делают все важные заказы для банков.

– Зато их чудовищно сложно подделать, мне ли не знать... мне рассказывали, – поправился он тут же. – Водяные знаки, бумага с уникальным узором, куча разных хитростей. Кхм... короче... марка за пенни и марка за пять пенни... как насчет междугородних пересылок?

– Пять пенсов до Сто Лата, – сообщил Грош. – От десяти до пятнадцати в другие места. Кхех, три доллара, если до самой Орлеи. Тогда мы делали отдельные выписки.

– Значит, нам понадобится марка за доллар. – Мокриц принялся царапать что-то на бумаге.

– На доллар! И кому же такое нужно? – сказал Грош.

– Тому, кто захочет отправить письмо в Орлею, – ответил Мокриц. – Впоследствии для этого нужно будет три марки, но потом, а пока я снижаю цену до одного доллара.

– Один доллар! Это же тысячи миль, сэр! – запричитал Грош.

– Ну да. Вроде все по-честному.

Судя по лицу, Грош разрывался между восторгом и отчаянием.

– Но у нас в распоряжении только несколько пенсионеров, сэр! Они шустрые, конечно, но... как говорится, сначала научись ходить, а потом уже бегать!

– Нет! – Мокриц стукнул кулаком по столу. – Никогда так не говори, Толливер! Никогда! Не иди – а беги! Не ползи – а лети! Двигайся вперед во что бы то ни стало! Ты говоришь: наладим почтовую службу в городе. Я говорю: попробуем наладить ее во всем мире! Потому

что, если мы потерпим неудачу, я бы предпочел проигрывать по-крупному. Все или ничего, господин Грош!

– Ого, сэр! – ответил Грош.

Мокриц сверкнул лучезарной улыбкой, почти не уступавшей его костюму.

– Не будем сидеть сложа руки. Нам понадобится больше персонала, почтовый инспектор Грош. Намного больше. Веселей, приятель. Почтамт снова в деле!

– Так точно, вашеблагородь! – воскликнул Грош, опьяненный энтузиазмом. – Мы... мы будем делать то, чего раньше не делали, и как-то по-новому!

– Схватываешь на лету, – сказал Мокриц, закатив глаза.

Десять минут спустя Почтамт получил свою первую доставку.

Ею оказался старший почтальон Бейтс. Его, с перепачканным кровью лицом, втащили в здание на самодельных носилках два офицера Стражи.

– Подобрали на улице, – объяснил один из них. – Сержант Колон, господин, к твоим услугам.

– Что с ним стряслось? – в ужасе спросил Мокриц.

Бейтс разлепил глаза.

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал он. – Я держался изо всех сил, но они тюкнули мне по темечку здоровенной такой штукой!

– На него напали двое громил, – пояснил сержант Колон. – А сумку выбросили в реку.

– И часто такое случается с почтальонами? – спросил Мокриц. – Я думал... о, нет...

Это вернулся старший почтальон Агги, душераздирающе медленно подволакивая одну ногу с прицепившимся к ней бульдогом.

– Извиняюсь, сэр, – сказал он и, хромая, подошел ближе. – Кажется, мои форменные штаны порвались. Я стукнул поганца сумкой по голове, но от него так просто не отцепишься.

У бульдога были закрыты глаза. Он, похоже, думал о чем-то своем.

– Повезло, что на тебе броня, – сказал Мокриц.

– На другой ноге, сэр. Но ничего страшного. У меня от природы голяшки нечувствительные к боли. Сплошные шрамы, сэр, хоть спичку чиркай. А вот у Джимми Тропса неприятности. Он сидит на дереве в Гад-парке.

Мокриц фон Липвиг шагал по Рыночной улице с гримасой мрачной сосредоточенности на лице. «Трест Големов» был по-прежнему заколочен досками, которые, впрочем, успели покрыться новым слоем граффити. Краска на двери была обожжена и вспузырилась.

Он открыл дверь и, повинувшись инстинкту самосохранения, пригнулся. Стрела просвистела прямо между крыльев фуражки.

Госпожа Ласска опустила арбалет.

– Это что, ты? А то мне на секунду показалось, что солнце вышло из-за туч!

Мокриц осторожно выпрямился, и она отложила арбалет в сторону.

– Вчера нас угостили зажигательной смесью, – сообщила она вместо объяснений, почему чуть не прострелила ему голову.

– Сколько големов в данный момент доступны для найма, госпожа Ласска? – спросил Мокриц.

– Хм? Ах... примерно дюжина...

– Прекрасно. Беру. Можно не заворачивать. Буду ждать их у Почтамта как можно скорее.

– Что? – к госпоже Ласске вернулось привычное раздраженное выражение лица. – Знаешь что, нельзя просто войти, махнуть рукой и заказать таким манером дюжину человек...

– Они считают себя собственностью! – вставил Мокриц. – Ты сама мне так сказала.

Они посверлили друг друга взглядом. Потом госпожа Ласска рассеянно порылась в бумагах.

– В данный момент я могу про... *предложить услуги* четырех големов, – сказала она. – Это Дверь 1, Пила 20, Звонница 2 и... Ангхаммарад. Говорить сейчас может только Ангхаммарад, вольные еще не успели научить остальных...

– Научить?

Госпожа Ласска пожала плечами.

– Во многих культурах при создании големов считалось, что орудия не должны разговаривать. У них нет языков.

– А траст, значит, добавляет им немножко глины? – пошутил Мокриц.

Она многозначительно смирла его взглядом.

– Все немного более сакрально, – мрачно ответила она.

– Ничего, сойдут и неразговорчивые, лишь бы не глупые, – сказал Мокриц, стараясь сохранить серьезный вид. – А у Ангхаммарада имя вместо описания?

– У многих совсем древних големов есть имена. Скажи мне, зачем они тебе? – спросила девушка.

– Разносить почту, – ответил Мокриц.

– Работа на людях?

– Вряд ли почтальоны могут работать тайком, – ответил Мокриц, мельком представив темные фигуры, крадущиеся от двери к двери. – А что, какие-то проблемы?

– Нет, вовсе даже нет! Просто люди нервничают и поджигают мою лавку. Я приведу големов, как только смогу.

Она помолчала.

– Ты в курсе, что несвободным големам положен выходной раз в неделю? Или ты не читал буклет?

– Э... выходной? – переспросил Мокриц. – Зачем им выходной? У молотков не бывает выходных, например.

– Затем, чтобы побыть големами. Не знаю я, чем они занимаются, может, сидят где-нибудь в подвале. Это... это чтобы было ясно, что они *не молотки*, господин фон Липвиг. Многие это забывают. Свободные големы учат их. Зато все остальное время им не нужен даже сон.

– Получается... у господина Помпы скоро выходной? – спросил Мокриц.

– Разумеется, – ответила госпожа Ласска, и Мокриц отложил это в папочку «полезно знать».

– Превосходно. Большое спасибо, – сказал он. *Может, поужинаем сегодня?*

Обычно у Мокрица не возникало проблем со словами, но эти отчего-то застряли в горле. Было что-то в госпоже Ласске... колючее, как ананас. Что-то в ее глазах как бы говорило: *Тебе меня ничем не удивить – я вижу тебя насквозь.*

– Что-нибудь еще? – спросила она. – А то ты просто стоишь с открытым ртом.

– Кхм, нет... больше ничего. Спасибо, – пробормотал Мокриц.

Она улыбнулась ему, и у Мокрица защекотало в отдельных местах.

– Иди уже, господин фон Липвиг, – сказала она. – Озари этот мир своими лучиками.

Четверо из пяти почтальонов, как выразился Грош, *сошли до станции* и теперь чаевничали в заваленной почтой каморке, которую в шутку называли комнатой отдыха. Агги отправили домой после того, как бульдога отодрали от его ноги. Мокриц решил угостить почтальонов корзиной фруктов. Корзина фруктов всегда кстати.

По меньшей мере она произвела впечатление. Как и бульдог. Но часть писем удалось доставить, приходилось это признать. Приходилось также признать, что с многолетним опозда-

нием, но все же почта пришла в движение. Оживление буквально витало в воздухе. И Почтамт больше не казался склепом. Сейчас Мокриц удалился в свой кабинет и занялся творчеством.

– Чайку, господин фон Липвиг?

Он оторвался от работы и увидел перед собой Стэнли со странным выражением на лице.

– Спасибо, Стэнли, – он отложил перо. – Я вижу, на этот раз почти все осталось в чашке! Отличная работа!

– А что это вы рисуете, господин фон Липвиг? – спросил юноша, вытягивая шею. – Похоже на Почтамт!

– Верно подмечено, Стэнли. Это будет изображено на марке. Ну-ка, взгляни на остальные, что скажешь? – он протянул ему несколько рисунков.

– Ого, да вы хороший рисователь, господин фон Липвиг. Так похоже на лорда Витинари!

– Это однопенсовая марка, – объяснил Мокриц. – Я перерисовал рисунок с пенни. Городской герб на двухпенсовой, Морпоркия с вилкой на пятипенсовой, Башня Искусств на большой долларовой марке. Я еще подумываю насчет десятипенсовой.

– Очень красиво, господин фон Липвиг, – сказал Стэнли. – Все в подробностях. Как маленькие картины. Как называются эти мелкие полосочки?

– Штриховка. Чтобы сложнее было подделать. А когда письмо с маркой попадет к нам на Почтамт, мы возьмем наш старый штемпель и поставим печать на новых марках, чтобы нельзя было использовать их во второй раз, и...

– Точно, они ведь, получается, как деньги, – бодро подхватил Стэнли.

– Прошу прощения? – переспросил Мокриц и замер с чашкой на полпути ко рту.

– Как деньги. Такие марки будут как деньги. Потому что марка за пенни и *есть* пенни, если так посмотреть. Вы в порядке, господин фон Липвиг? Вы какой-то странный сделались. Господин фон Липвиг?

– Да... что? – спросил Мокриц, который уставился в стену с загадочной отрешенной улыбкой.

– Вы в порядке, сэр?

– Что говоришь? А, да, да, лучше не бывает. Хм... как думаешь, пригодятся ли нам марки подороже? За пять, скажем, долларов?

– Ха-ха, да за такие деньги можно отправить *очень* большое письмо до самого Четвертого континента! – рассмеялся Стэнли.

– Это стоит иметь в виду на будущее, – сказал Мокриц. – Раз уж мы тут рисуем марки и вообще...

Но Стэнли уже любовался «ящиком господина Робинсона». Он был верным товарищем Мокрицу. Мокриц использовал псевдоним «господин Робинсон» только тогда, когда сдавал ящик на хранение какому-нибудь относительно порядочному торговцу или трактирщику, чтобы с вещами ничего не случилось, даже если самому Мокрицу придется покинуть город досрочно. Для мошенника и фальсификатора содержимое этого ящика было что набор отмычек для вора – только Мокриц предпочитал проникать в чужие головы, а не в дома.

Ящик был настоящим произведением искусства: когда он открывался, его отделения выезжали наверх и раскладывались веером. Тут были перья и чернила, баночки с красками и тушью, морилками и растворами. А по днищу была бережно разложена бумага тридцати шести видов, включая и весьма редкие. А без хорошей бумаги никак нельзя. Другой вес, другая прозрачность – и все, никакое мастерство тебя не спасет. Даже неверный почерк не так страшен, как неверная бумага. Неидеальный почерк, кстати, зачастую срабатывает даже лучше, чем несколько бессонных ночей, проведенных в попытке отточить его до безупречности, потому что есть что-то у людей в голове, что заставляет их обращать внимание на мельчайшие детали, которые *чуть-чуть* не на своем месте, но в то же время само дорисовывает те подробно-

сти, которые лишь намечены парой удачных росчерков. Характер, надежда, подача – и дело в шляпе.

Это прямо как я, подумал он.

В дверь постучали и одновременно повернули ручку.

– Да? – бросил Мокриц, не поднимая глаз. – Я занят вообще-то, рисую день... марки!

– Там *женщина*, – выпалил Грош. – С ней *големы*!

– А, это госпожа Ласска, – сказал Мокриц и отложил перо.

– Так точно, вашеблагородь, и она говорит: «Передай Солнечному Зайчику, что я привела ему почтальонов!»! Сэр, вы решили сделать *големов* почтальонами?

– Почему бы и нет? – Мокриц наградил Гроша строгим взглядом. – Ты ведь нашел общий язык с господином Помпой?

– Да, он ничего, сэр, – пробубнил Грош. – Порядок всегда наводит, уважительный – я говорю как есть... но людям не всегда по нраву големы, сэр, у них ведь глаза светятся, и вообще, а еще они никогда не *останавливаются*. Народ может их не принять – вот что я хочу сказать, сэр.

Мокриц уставился на него. Големы были исполнительными, надежными, ей-богу, они подчинялись приказам. *И, может, госпожа Ласска снова ему улыбнется... думай о големах! Големы, големы, големы!*

Он улыбнулся и ответил:

– А если я докажу всем, что они настоящие почтальоны?

Десять минут спустя первый из големов, тот, которого звали Ангхаммарад, превратил в щепки почтовый ящик и доску толщиной в несколько дюймов.

– Почта Доставлена, – сообщил он и застыл. Глаза потухли.

– Прошу обратить внимание на расплюснутый роликовый конек, господа. И на горстку толченого стекла там, где была бутылка. И не могу не отметить, что господин Ангхаммарад проделал все это с мешком на голове.

– Да, но он прожег в нем дырки своими глазами, – заметил Грош.

– Никто не в силах изменить собственную природу, – поучительно заметила Дора Гая Ласска.

– Сознаюсь, у меня аж на душе потеплело, когда он расколошматил эту дверь, – сказал старший почтальон Бейтс. – Это бы отвредило народ делать такие низкие и такие острые щели.

– И с собаками, похоже, проблем не будет, – сказал Джимми Тропс. – Он-то уж точно не выпрыгнет из штанов, когда его покусает.

– Вы убедились, что голем подходит для должности почтальона? – спросил Мокриц.

В ту же минуту их лица скривились, и почтальоны заговорили нестройным хором:

– ...*дело-то не в нас, вы поймите...*

– ...*люди могут не понять, э, почтальонов из глины...*

– ...*начнется, что мы отбираем рабочие места у настоящих людей...*

– ...*ничего против них не имею, но...*

Все замолчали, потому что собрался что-то сказать Ангхаммарад. В отличие от господина Помпы, у него это получилось не сразу. И когда его голос наконец прозвучал, казалось, что он долетает из далеких времен и мест, как звук прибоя в окаменелой раковине.

Он спросил:

– Что Такое Почтальон?

– Гонец, Ангхаммарад, – сказала госпожа Ласска. Мокриц отметил, что с големами она разговаривала иначе. В ее голосе слышалась неподдельная *теплота*.

– Господа, – обратился он к почтальонам, – понимаю, вам кажется...

– Я Был Гонцом, – пророкотал Ангхаммарад.

Его голос не походил на голос Помпы, равно как и его глина. Он весь был как грубая мозаика из разных глин, от почти черной до красной и светло-серой. Глаза Ангхаммарада горели ярким рубиновым светом, а не тлели как угольки у других големов. Он казался старым. Он *чувствовался* старым. Словно возраст его был осязаем.

На одной руке, прямо над локтем, у него крепился металлический ящичек на проржавленном обруче, врезавшемся в глину.

– Был посыльным? – беспокойно поинтересовался Грош.

– Моим Последним Исполненным Заданием Было Доставить Декреты Короля Хета Из Тата, – сказал Ангхаммарад.

– Никогда не слышал о таком, – сказал Джимми Тропс.

– Полагаю, Это Оттого, Что Страна Тат Ушла Под Воду Девять Тысяч Лет Назад, – мрачно пояснил голем. – Такова История.

– Батюшки! Тебе девять тысяч лет? – воскликнул Грош.

– Нет. Мне Без Малого Девятнадцать Тысяч Лет. Я Родился В Пламени От Рук Жрецов Упсы Третьего Ниня Козлиной Стрижки. Мне Был Дан Голос, Дабы Я Мог Доносить Послания. Так Сотворен Этот Мир.

– Об этом тоже впервые слышу, – сказал Тропс.

– Упса Была Уничтожена извержением Горы Шипуту. Два Столетия Я Провел Под Горой Пемзы, Пока Ее Не Размыло, И С Коих Пор Я Стал Гонцом Королей-Рыбаков Святого Ульта. Могло Быть И Хуже.

– Ты, верно, многое повидал на своем веку! – сказал Стэнли.

Горящие глаза повернулись в сторону юноши, освещая его лицо.

– Морские Ежи. Я Повидал Много Морских Ежей. И Морских Огурцов. И Мертвых Кораблей, Которые Продолжали Плыть. И Один Якорь. Все Проходит.

– Как долго ты провел на дне моря? – спросил Мокриц.

– Без Малого Девять Тысяч Лет.

– Хочешь сказать... ты просидел там столько времени и ничего не делал? – спросил Агги.

– Мне Не Было Велено Поступать Иначе. Я Слышал Песнь Китов Над Моей Головой. Было Темно. Потом Были Сеть, Движение И Свет. Всякое Случается.

– И тебе не было... скучно? – поинтересовался Грош. Почтальоны смотрели на голема во все глаза.

– Скучно, – повторил Ангхаммарад бесцветным голосом и повернулся к госпоже Ласске.

– Он понятия не имеет, о чем вы, – сказала она. – Они этого не понимают. Даже те, кто помоложе.

– Тогда, думаю, ты будешь рад снова доставлять послания! – сказал Мокриц неестественно бодро. Голем снова повернулся к госпоже Ласске.

– Рад? – переспросил Ангхаммарад.

Она вздохнула.

– И снова трудное слово, господин Мокриц. То же самое, что и «скучно». Ближе всего будет вот что: «Ты удовлетворишь потребность исполнять полученные приказы».

– Да, – сказал голем. – Послания Должны Быть Доставлены. Так Написано У Меня На Плате.

– Это свиток в голове голема, на котором записаны его команды, – объяснила госпожа Ласска. – Конкретно у Ангхаммарада это глиняная табличка. Тогда еще не было бумаги.

– Ты и правда доставлял послания королям? – спросил Грош.

– Многим Королям, – ответил Ангхаммарад. – Многих Империй. Многих Богов. Все Прошло. Все Проходит, – голем заговорил глухо, как будто зачитывал по памяти. – Ни Потоп, Ни Лед С Небес, Ни Непроницаемое Молчание Нижних Сфер Да Не Воспрепятствуют Гонцу

В Исполнении Его Священного Долга. Не Задавай Вопросов О Саблезубых Тиграх, Смоляных Ямах, Больших Зеленых Зубастых Тварях И О Богине Цоль.

– У вас тогда уже были большие зеленые зубастые твари? – спросил Тропс.

– Больше. Зеленее. Зубастее, – прогремел Ангхаммарад.

– А богиня Цоль? – спросил Мокриц.

– Не Задавай Вопросов.

Все задумчиво замолчали. Мокриц знал, что нужно сказать.

– И *вы* считаете себя вправе решать, может ли *он* быть почтальоном? – тихо сказал он.

Почтальоны на минуту сгрудились в кучку, после чего Грош повернулся к Мокрицу.

– Он почтальон, каких не бывает, господин Мокриц. Откуда ж мы знали. Ребята говорят... короче, это честь для нас, честь, говорю, с ним работать. Это ж как... это ж история, сэр. Это как... ну...

– А я всегда говорил, что Орден своими корнями уходит глубоко в прошлое, – сказал Джимми Тропс, сияя от гордости. – Почтальоны работали уже на заре времен! Вот узнают остальные тайные общества, что у нас есть член с той самой зари времен, они от зависти позеленеют, как... как...

– Как большие зубастые твари? – подсказал Мокриц.

– Точно! И против его товарищей мы тоже ничего не имеем, лишь бы дело делали, – щедро добавил Грош.

– Благодарю, господа, – сказал Мокриц. – Теперь дело за малым, – он кивнул Стэнли, и тот протянул перед собой две жестяные банки с синей краской. – Им нужна форма.

Все согласились, что Ангхаммараду будет присвоена почетная должность *совсем старшего почтальона*. Это казалось справедливым.

Прошло полчаса, и големы, еще липкие на ощупь, вышли на улицу. К каждому из них было приставлено по почтальону-человеку. Мокриц наблюдал, как люди поворачивают головы. Синий цвет переливался в лучах полуденного солнца, и Стэнли – молодчина – раздобыл даже маленькую баночку золотой краски. Что греха таить, големы выглядели впечатляюще. Они сверкали.

Людям нужно зрелище. Устрой им зрелище – и они, считай, у тебя в кармане.

За спиной у него раздался голос:

– *Почтальоны шли, как на стадо волки, В синеве их и в злате сияли полки.*

На какое-то мгновение, кратчайшую крупницу времени, Мокриц подумал: *Я выдал себя. Она раскусила меня, не знаю как, но раскусила.* Но потом мозг включился в работу. Мокриц повернулся к госпоже Ласске.

– Когда я был маленьким, я всегда думал, что *полки* – это часть доспехов, – сказал он ей и улыбнулся. – И я представлял, как воины по ночам сидят и полируют их до блеска.

– Как мило, – отозвалась госпожа Ласска и закурила. – Я приведу остальных големов, как только получится. Неприятностей, скорее всего, не избежать. Но Стража будет на вашей стороне. Один из вольных големов служит в Страже, и его там все любят. Впрочем, не имеет значения, из чего ты сделан, когда вступаешь в Стражу, потому что командор Ваймс лично проследит за тем, чтобы ты стал ищейкой до мозга костей. Более прожженного циника, чем он, свет не видывал.

– Это ты-то называешь его циником, – сказал Мокриц.

– Да, – она выпустила ртом дым. – Считай, это мое профессиональное мнение. Но спасибо, что нанял мальчиков. Хоть они и не понимают, что значит «нравится», но им нравится работать. А Помпа 19 относится к тебе с каким-то даже уважением.

– Спасибо.

– Я-то лично считаю, что ты тот еще жук.

– Я и не сомневался, – ответил Мокриц. Боги милосердные, о госпожу Ласску зубы можно было сломать. Знавал он женщин, которых ему не удавалось очаровать, но все они были снежинками по сравнению с ледяной неприступностью госпожи Ласски. Это была поза. А как иначе. Это была игра. А как иначе.

Он протянул ей папку с марочными эскизами.

– Что скажешь, госпожа... а как тебя называют друзья, госпожа Ласска?

Мысленно Мокриц произнес: *Я не знаю*, – и одновременно с ним она ответила:

– Я не знаю. А ты времени даром не теряешь. Что это?

Так это и впрямь была игра, и ему разрешили принять участие.

– Я надеюсь, их выгравировут на меди, – ответил он скромно. – Мои эскизы для марок.

Он изложил ей концепцию, пока она листала рисунки.

– Витинари отлично вышел, – сказала она. – Говорят, он красит волосы, представляешь? А это что? А, Башня Искусств... как это по-мужски. Доллар? Хмм. Что ж, хорошая работа. Что будешь делать с этим дальше?

– Вообще-то я думал сбегать к Цимеру и Шпульксу, пока никого нет, и обсудить оттиски.

– Это хорошо. Приличная фирма, – кивнула она. – Шлюз 23 работает на их производстве. Они содержат его в чистоте и не пишут на нем записок. Я каждую неделю проверяю всех трудоустроенных големов. Вольные решительно на этом настаивают.

– Удостовериться, что с ними хорошо обращаются? – спросил Мокриц.

– Удостовериться, что про них не забывают. Ты удивишься, когда узнаешь, сколько мануфактур в этом городе используют труд големов. Кроме «Гранд Магистрали», – оговорила она. – Туда я их не пушу.

Сказано это было ледяным тоном.

– Гм... почему нет? – спросил Мокриц.

– Бывают клоаки, в которых даже големам не следует работать, – отрезала госпожа Ласска тем же непримиримым тоном. – И у големов есть принципы.

Любопытно, подумал Мокриц. *Явно большая тема*. Но вслух сказал:

– Не хочешь ли поужинать сегодня?

На долю секунды госпожа Ласска удивилась, но не больше, чем удивился сам Мокриц. Потом ее обычный цинизм вернулся на прежнее место.

– Я хочу ужинать ежедневно. С тобой? Нет. У меня дела. Спасибо за предложение.

– Да ничего, – ответил Мокриц отчасти с облегчением.

Девушка оглядела пустынный холл.

– Тебе не бывает здесь жутковато? Здесь не помешали бы обои в цветочек и немного взрывчатки.

– Всеу свое время, – заверил Мокриц. – Но в первую очередь нужно разобраться с почтой. Чтобы все видели, что мы снова в деле.

Они посмотрели на Стэнли и Гроша, которые терпеливо перебирали письма на краю завала, – геологи у подножья почтовой горы. Карлики рядом с белыми насыпями.

– На то, чтобы все это доставить, уйдет целая вечность, – сказала госпожа Ласска и направилась к выходу.

– Знаю, – ответил Мокриц.

– Но тем и хороши големы, – добавила она, стоя в дверях. Свет странно освещал ее лицо. – Им не страшна вечность. Им *ничего* не страшно.

Глава седьмая

Кладбище слов

Изобретение дырки – Монолог господина фон Липвига – Волшебник под крышкой – Обсуждение зада лорда Витинари – Будет доставлено – Борис от господина Гобсона

В старом кабинете, пропахшем мазутом и чернилами, господин Шпульке пребывал под впечатлением от этого странного молодого человека в золотом костюме и крылатой фуражке.

– А ты знаешь толк в бумаге, господин фон Липвиг, – сказал он, когда Мокриц показал ему образцы. – Как приятно работать с опытным человеком. Для каждого заказа – своя бумага, таков мой девиз.

– Важно сделать так, чтобы марки не просто было подделать, – сказал Мокриц, листая эскизы. – С другой стороны, производство однопенсовой марки не должно стоить дороже одного пенса.

– В этом нам помогут водяные знаки, господин фон Липвиг, – сказал Шпулькс.

– Но их-то подделать возможно, – возразил Мокриц и добавил: – Мне рассказывали.

– У нас есть свои приемы, господин фон Липвиг, не бери в голову, – сказал Шпулькс. – Сработаем на славу! Химические пустоты, магические тени, временные чернила, да мало ли. Мы занимаемся бумагами, делаем оттиски и отпечатать для ключевых фигур нашего города, чьи имена, разумеется, я не вправе разглашать.

Он откинулся на спинку потертого кожаного кресла и стал строчить что-то у себя в блокноте.

– Итак, мы можем изготовить для вас двадцать тысяч однопенсовых марок на проклеенной немелованной бумаге по два доллара за тысячу плюс работа, – сказал Шпулькс. – Минус десять пенсов, если на непроклеенной. Вам уже останется их разрезать.

– Разве вы не можете это сделать на каком-нибудь станке? – спросил Мокриц.

– Нет, с таким маленьким размером не выйдет. Ничем не могу помочь, господин фон Липвиг.

Мокриц вынул из кармана клочок коричневой бумаги и протянул Шпульксу.

– Узнаешь, господин Шпулькс?

– Это что, булабочная бумага? – Шпулькс просиял. – Эх, я аж молодость вспомнил! До сих пор где-то на чердаке хранится коллекция. Мне всегда казалось, за нее можно выручить монету-другую, вот только...

– Смотри сюда, господин Шпулькс, – сказал Мокриц и аккуратно взялся за бумагу обеими руками. Стэнли был пугающе щепетилен в вопросе хранения своих булавок. С линейкой в руках нельзя было добиться более идеального результата.

Бумага тихонько порвалась по линии дырочек. Мокриц перевел взгляд на Шпулькса и вздернул брови.

– Дырки, – сказал он. – Дело в дырке...

Прошло три часа. Были вызваны мастера. Серьезные люди в комбинезонах вертели детали на рейках, другие люди соединяли детали, проверяли их, меняли одно, подкручивали другое, потом разобрали небольшой ручной пресс на части и собрали по-новому. Мокриц ошивался в сторонке от этой суеты, не зная, чем себя занять, пока серьезные люди все настраивали, измеряли, переделывали, паяли, опускали, поднимали и, в конце концов, под пристальным наблюдением Мокрица и Шпулькса, запускали переделанный печатный станок...

Дзынь...

Мокрицу казалось, что все вокруг так напряженно задержали дыхание, что стекла в окнах выгнулись вовнутрь. Он протянул руку, снял с доски лист маленьких перфорированных квадратиков и поднял перед собой.

Мокриц оторвал одну марку.

Стекла разогнулись обратно. Все задышали. Аплодисментов не было – эти люди не аплодировали и не кричали *ура* после хорошо проделанной работы. Вместо этого они раскурили свои трубки и покивали друг другу.

Господин Шпулькс и Мокриц фон Липвиг пожали друг другу руки.

– Патент твой, господин Шпулькс, – сказал Мокриц.

– Очень щедро с твоей стороны, господин фон Липвиг. Очень и очень щедро. А вот и небольшой сувенир от нас...

К ним подскочил подмастерье с листом бумаги. Мокриц удивился, увидев, что бумага испещрена марками – непростоклеенными, неперфорированными, но точными миниатюрными копиями его рисунка для однопенсовой марки.

– Иконографическая беспопечать, – пояснил Шпулькс, заметив его удивление. – Никто не скажет, что мы не идем в ногу со временем! Сначала, я думаю, будут мелкие недочеты, но в начале следующей недели...

– Я бы хотел получить однопенсовые и двухпенсовые марки завтра, если возможно, господин Шпульке, – сказал Мокриц уверенно. – Мне не нужно совершенство, мне нужна скорость.

– Однако, ты удалой, господин фон Липвиг!

– Всегда нужно двигаться быстро, господин Шпулькс, никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам.

– Ха, верно! Кхм... хороший девиз, господин фон Липвиг, – сказал Шпулькс, неуверенно ухмыляясь.

– А пятипенсовые и долларовые – послезавтра, пожалуйста.

– Не расшибись такими темпами! – сказал Шпулькс.

– Нужно бежать, господин Шпулькс, нужно лететь!

Мокриц поспешил обратно на Почтамт так быстро, насколько позволяли приличия. Ему было немного стыдно за себя.

Мокрицу понравились «Цимер и Шпулькс». Ему нравились конторы, где можно было встретиться лицом к лицу с человеком, чье имя написано на двери. Это говорило о том, что заправляют здесь, скорее всего, не жулики. Ему нравились и большие, крепкие, непоколебимые рабочие, в ком он видел все те черты, которых ему так не доставало: надежность, солидарность, честность. Станок незачем обманывать, молоток не оставишь в дураках. Вот они были хорошие люди, не то что он...

Одна из причин, по которым они были не то что он, крылась в том, что в данную минуту ни у кого из них под сюртуком, скорее всего, не лежали пачки украденных бланков.

Не стоило ему этого делать, правда же, не стоило. Да вот только господин Шпулькс был добродушный и открытый человек, и рабочий стол у него завален образцами его выдающейся работы, и когда рабочие собирали станок для перфорации, все были так заняты и не обращали на Мокрица никакого внимания, вот он и... прибрался. Он просто не сдержался. Он был жуликом. На что рассчитывал Витинари?

Когда он вернулся, почтальоны как раз возвращались на Почтамт. Грош поджидал его с нервной улыбкой на лице.

– Как наши дела, почтовый инспектор Грош? – бодро поинтересовался Мокриц.

– Грех жаловаться, сэр. Есть даже хорошие новости. Люди дают нам письма, чтобы мы их отправили. Пока немного, и некоторые, как бы это сказать... хулиганские. Но мы брали со всех по пенни, сэр. Итого семь пенсов, – гордо объявил он и протянул ему монеты.

– До чего урожайный выдался день! – сказал Мокриц и, сунув письма в карман, забрал монеты.

– Не понял?

– Ничего, господин Грош. Молодцы. Гм... ты сказал, есть *даже* хорошие новости. Что, есть и какие-то другие?..

– Ну... не всем понравилось получать почту, сэр.

– Ошиблись дверью? – предположил Мокриц.

– Вовсе нет, сэр. Просто старым письмам не всегда рады. Особенно когда это, например, завешание. Завешание, когда надо приходить *за вещами*, – добавил старик многозначительно. – И, например, вдруг оказывается, что не той дочке достались мамины сережки двадцать лет назад. Бывает и так.

– Ну надо же.

– Пришлось звать на помощь Стражу. Как написали бы в газетах, на Ткацкой улице произошла *потасовка*. Вас, кстати, дожидается дама, сэр. Она в вашем кабинете.

– Не одна из дочерей, надеюсь?

– Нет, сэр. Она пишет для «Правды». Только они все врут, сэр, хотя кроссворды очень даже приличные, – заговорщически добавил Грош.

– А я ей зачем?

– Почем мне знать, сэр. Может, потому, что вы почтмейстер?

– Ступай и... предложи ей чаю, или я не знаю... хорошо? – сказал Мокриц, похлопывая себя по карманам. – А я пойду и... соберусь.

Две минуты спустя, надежно припрятав краденую бумагу, Мокриц зашел в свой кабинет.

Господин Помпа стоял у двери, уставившись огненными глазами прямо перед собой, в позе голема, чье единственное задание на данный момент – просто быть. Женщина сидела напротив стола Мокрица.

Мокриц смерил ее внимательным взглядом. Несомненно привлекательная, но одетая с намерением скрыть это, тем самым искусно подчеркивая. Турнюры по какой-то неведомой причине снова были на пике городской моды, но в наряде девушки единственной данью этой тенденции был валик под юбкой, который придавал филейной части определенную вздернутость, не вынуждая при этом носить по двадцать семь фунтов нижних юбок, опасно нашпигованных пружинами. Светлые волосы были собраны в сетку – еще один удачный штрих, – а на макушке, не играя на первый взгляд совершенно никакой роли, примостилась модная, но не бросающаяся в глаза шляпка. Вместительная сумка была брошена на пол, на коленях лежал блокнот, а на пальце было обручальное кольцо.

– Господин фон Липвиг? – бодро сказала она. – Меня зовут госпожа Резник. Я из «Правды».

Ага, обручальное кольцо, а фамилия девичья, подумал про себя Мокриц. *Тут нужно осторожно. У нее, похоже, Взгляды. Руку не целовать.*

– Чем я могу служить «Правде»? – спросил он, присаживаясь, и улыбнулся неснисходительной улыбкой.

– Ты действительно планируешь разослать все эти залежи почты?

– Если это в принципе возможно, то да, – ответил Мокриц.

– Зачем?

– Это моя работа. Дождь, снег, мрак ночи – все, как написано при входе.

– Тебе известно о волнении на Ткацкой улице?

– Я думал, там была потасовка.

– Ситуация усугубилась. Когда я уходила, горел дом. Тебя это не беспокоит? – госпожа Резник занесла карандаш над бумагой.

С невозмутимой миной Мокриц лихорадочно соображал.

– Ну разумеется, беспокоит, – ответил он. – Поджигать чужие дома неправильно. Но мне также известно, что в эту субботу господин Паркер из Гильдии Купцов женится на своей стародавней возлюбленной. Известно ли тебе это?

Госпоже Резник не было этого известно, но она старательно записывала за ним, пока Мокриц рассказывал ей о письме зеленщику.

– Какая интересная история, – сказала она. – Я сейчас же наведаюсь к нему. То есть ты считаешь, что доставка старой почты – важное дело?

– Доставка почты – *единственное* дело, – сказал Мокриц и снова замешкался. Самым краешком уха он слышал шепот.

– Что-то не так? – спросила госпожа Резник.

– А? Нет! О чем это я... ах да, это важное дело. Нельзя закрывать глаза на историю, госпожа Резник. Общение – отличительная черта нашего вида, госпожа Резник! – Мокриц повысил голос, чтобы перекрыть шепот. – Почта должна доходить до адресата, почта должна быть *доставлена!*

– Ну зачем же кричать, господин фон Липвиг, – отпрянув, сказала журналистка.

Мокриц попытался взять себя в руки, и шепот немного поутих.

– Прошу меня извинить. – Он откашлялся. – Да, я планирую разослать всю скопившуюся почту. Если получатель переехал, мы постараемся найти его. Если умер – постараемся отыскать его родственников. Почта *будет* доставлена. Наша работа – доставлять почту, и мы ее доставим. Что еще нам с ней делать? Сжечь? Выбросить в реку? Вскрывать конверты, чтобы решить, важно это или нет? Нет, письма были доверены нам на сохранение. Доставка – единственный ответ.

Шепот почти совсем прекратился, и он продолжал:

– Кроме того, нам нужно освободить место. Почтамт получит второе рождение! – он извлек лист марок. – Благодаря этому!

Госпожа Резник непонимающе уставилась на листок.

– Благодаря миниатюрным портретам лорда Витинари? – спросила она.

– Маркам, госпожа Резник. Одна такая штука, приклеенная на конверт, обеспечит доставку письма по городу. Это первые образцы, но с завтрашнего дня мы начнем продажу марок с клеем и перфорированными дырочками для простоты использования. Я планирую сделать почту *легкой* в использовании. Мы, конечно, пока только осваиваемся, но я рассчитываю, что вскоре нам будет под силу доставить письмо кому угодно в любой конец света.

Недальновидное было заявление, но слова так и соскакивали у него с языка.

– Какие далеко идущие планы, – заметила она.

– Увы, по-другому я не умею, – ответил Мокриц.

– Все же сегодня у нас есть клики.

– Клики? – переспросил Мокриц. – Не могу не признать, что клики хороши, когда тебе нужно узнать рыночную стоимость креветок в Орлее. Но разве можно написать З.Л.П. в клике? Можно ли запечатать послание любящим поцелуем? Можно ли залить клик слезами, побрызгать духами или вложить цветок? Письмо – это не просто текст. Не говоря уже о том, что клики стоят столько, что обычный человек может их себе позволить только в экстренном случае: ДЕД УМЕР ПОХОРОНЫ ВТОРНИК. Дневное жалованье, чтобы послать сообщение, в котором чувства и сердца не больше, чем в... ударе под дых? Но письмо всегда будет *настоящим*.

Он замолчал. Госпожа Резник строчила как заведенная, а это всегда тревожно, когда журналист испытывает внезапный интерес к твоим словам, особенно если тебя терзают смутные сомнения, что ты наговорил кучу голубинового помета. Еще хуже, если журналист при этом улыбается.

– Люди жалуются, что клики дорожают, тормозят и становятся ненадежными, – сказала госпожа Резник. – Как ты это прокомментируешь?

– Единственное, что я могу сказать, – сегодня мы приняли на работу почтальона, которому восемнадцать тысяч лет, – сказал Мокриц. – Его не так просто сломать.

– Ах да. Големы. Некоторые утверждают...

– Как твое имя, госпожа Резник? – спросил Мокриц.

На мгновение она зарделась, а потом сказала:

– Сахарисса.

– Очень приятно. Мокриц. Только не смейся. Големы... ты все-таки смеешься.

– В горле запершило, честное слово, – сказала журналистка и, неубедительно покашливая, поднесла руку к горлу.

– Тогда ладно. А то прозвучало как смешок. Сахарисса, мне нужны почтальоны, секретари, сортировщики... мне нужно очень много работников. Почта будет работать. Мне нужны люди, которые помогут в этом. Любые люди. А, Стэнли, спасибо.

Юноша вошел с двумя разноцветными чашками чая в руках. На одной был изображен симпатичный котенок – правда, покоцанный из-за небрежного мытья в тазу для посуды, котенок приобрел такой вид, будто переживал последнюю стадию бешенства. Другая же чашка некогда остроумно сообщала, что клиническое сумасшествие не было обязательным требованием для приема на работу, но часть слов выпцвела, оставив лишь:

**НЕ НУЖНА БЫТЬ ПСИХАМ
ЧТОБЫ РАБОТАТЬ ТУТ
НО ТАК ЛУЧШЕ**

Стэнли аккуратно поставил чашки на стол перед Мокрицем. Стэнли все делал аккуратно.

– Спасибо, – повторил Мокриц. – Эм-м... ты свободен, Стэнли. Помоги там разбирать почту.

– Там в зале вампир, господин фон Липвиг, – сообщил Стэнли.

– Это Отто, – быстро вставила Сахарисса. – У тебя же нет... *предубеждений* против вампиров?

– Да если у него есть пара рук и он умеет ходить, я первый предложу ему работу!

– У него есть работа, – засмеялась Сахарисса. – Он наш главный иконографист. Сейчас как раз иконографирует твоих служащих. Мы бы очень хотели сделать и твой портрет. Для первой полосы.

– Что? Нет! – воскликнул Мокриц. – Только не это! Нет!

– Он мастер своего дела.

– Да, но... но... но... – начал Мокриц и мысленно продолжил так: *Но не думаю, что даже талант сливаться с толпой переживет портрет.*

Вслух же он сказал:

– Не хочу, чтобы меня выделяли на фоне работающих людей и големов, которые приводят Почтамт в порядок. Как говорится, в слове «команда» нет буквы «я».

– Но ведь это на тебе надета фуражка с крыльями и золотой костюм, – сказала Сахарисса. – Ну *пожалуйста*, господин фон Липвиг!

– Ладно, ладно, не хотел об этом, но так уж и быть... это против моей религии! – заявил Мокриц, у которого было время подумать. – Нам запрещено делать собственные изображения. Они крадут частичку души, знаешь ли.

– И ты в это веришь? – спросила Сахарисса. – Seriously?

– Э... нет. Нет. Разумеется, нет. Как бы. Но... нельзя же относиться к религии, будто это какой-то буфет. Нельзя сказать, мол, будьте добры, подайте мне Вечный Рай с гарниром из Божественного Провидения, но не переборщите с коленопреклонениями, и вот этого Запрета на Изображения, пожалуйста, не надо, меня от него пучит. В меню все или ничего, а в противном случае... будет просто глупо.

Госпожа Резник смотрела на него, склонив голову набок.

– Ты работаешь на его светлость? – спросила она.

– Конечно. Это же государственная служба.

– И на прежнем месте, наверное, ты тоже был простым служащим? Совсем ничего примечательного?

– Так и есть.

– Что ж, Мокриц фон Липвиг наверняка твое настоящее имя, потому что я даже представить не могу, чтобы кто-то выбрал себе такой псевдоним, – продолжала она.

– Большое спасибо!

– Что-то мне подсказывает, что ты хочешь бросить кое-кому вызов, господин фон Липвиг. Клики вызывают много проблем. Все эти разговоры о том, что сеть увольняет сотрудников, а оставшиеся зарабатываются до смерти, очень дурно пахнут, и тут возникаешь ты и весь кишишь идеями.

– Я серьезно, Сахарисса. Вот, глянь, нам уже приходят *новые* письма!

Он вытащил конверты из кармана и разложил их веером.

– Видишь? Одно письмо в Сестрички Долли, одно в Дремный Холм, одно... Слепому Ио...

– Это бог, – сказала она. – Может оказаться проблематично.

– Нет, – отрезал Мокриц и спрятал письма обратно в карман. – Мы доставим письма даже богам. У него три храма в этом городе, будет нетрудно.

Вот портрет и вылетел у тебя из головы – бинго...

– А ты находчивый. Скажи мне, Мокриц, много ли ты знаешь об истории этого учреждения?

– Не очень. Мне определенно интересно узнать, куда подевались люстры.

– Ты встречался с профессором Пельцем?

– Кто это? – спросил Мокриц.

– Ты меня удивляешь. Профессор в Университете. Он посвятил Почтамту целую главу в своей книге по... хм, кажется, по большим скоплениям текстов и их самостоятельному мышлению. Надеюсь, хотя бы о погибших здесь людях ты слышал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.